

Юрий Бурносов

Армагеддон

Книга первая

КРУШЕНИЕ АМЕРИКИ

Автор идеи

Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2010

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2010

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б91

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Бурносов Ю.

Б91 Армагеддон. Книга первая: Крушение Америки – М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010. – 256 с.

Отряд археологов находит в непроходимой мексиканской сельве затерянный город майя. Там, в древней гробнице, ученые обнаруживают глиняный кувшин, запечатанный воском, и серебряную фигурку скарабея. Лишь один из участников экспедиции, Игнат Нефедов, догадывается, какую силу таит в себе скарабей. Но даже он не знает, что на протяжении многих веков именно скарабей сдерживал хранившуюся в кувшине смерть.

Вирус, получивший название «Армагеддон», превратил треть населения Соединенных Штатов в жаждущих крови безумцев. В руках пораженных вирусом людей – оружие, военная техника и даже ядерные бомбы. Эпидемию удалось локализовать, но несколько центральных и южных штатов превратились в Запретные Территории, границы которых охраняют войска ООН.

Русский хоккеист Ростислав Шибанов, фотомодель Атика, девочка-кинозвезда Мидори и чернокожий рэпер Профессор Джей-Ти, познакомившиеся на вечеринке в бывшем поместье Майкла Джексона Неверлэнд, становятся пленниками Запретных Территорий. Сумеют ли они вырваться из ада на земле, которым стали Соединенные Штаты Америки?

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б91**

ISBN 978-5-904454-24-1

© Рыков К., 2010
© Бурносов Ю., 2010
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010

*«Всякий раз, когда я вспоминаю о том,
что Господь справедлив,
я дрожу за свою страну»
Томас Джефферсон,
третий президент США,
автор Декларации Независимости*

ПРОЛОГ

Город Высоких Сейб

Юкатан, Мексика, 829 год н.э.

Вырывать сердца – нелегкая работа.

Это только в молодости кажется, что нет ничего проще, чем стоять на вершине пирамиды, облаченным в одеяние из перьев, и под крики толпы поднимать высоко над головой бьющееся, еще живое сердце жертвы. Алые капли благодатью богов падают тебе на лицо, ноги омывает восторг и ужас собравшихся внизу людей. Крестьян, купцов, воинов, знатных господ – тебе все равно. В этот момент для тебя даже сам правитель города – не более, чем прах под сандалией. Ты – больше чем человек, ты – рука богов. В молодости это чувство завораживает, наполняет ощущением всевластия, придает сил, необходимых, чтобы выдерживать длинную, многочасовую церемонию под палящим солнцем...

В старости все не так.

Болят руки, которые приходится долго держать над головой. Болезнь, которую лекари называют «костяной червь», поселилась в суставах, и потихоньку грызет их. Пальцы, скрюченные и плохо гнущиеся, могут не удержать сердце жертвы, а это ясный знак немилости богов.

Два Тростника очень боится выронить сердце из рук.

Два Тростника стар. Он живет на этом свете так долго, что помнит дни, когда в Городе Высоких Сейб правил свирепый Господин Пакаль, каждый год снаряжавший походы на земли соседей и приводивший в город тысячи пленных. Два Тростника учился тогда в жреческой школе, и мог только завидовать тем, кто вырывал сердца этим пленникам. Подумать только, какую милость богов можно заслужить, принеся в жертву тысячу человек зараз!

Боги и правда были благосклонны к Господину Пакалю и Городу Высоких Сейб, но сейчас Два Тростника понимает, что его зависть была глупа. Приносить жертвы – тяжелая работа, ничем не легче, чем ломать камень в карьерах или прокладывать дороги в джунглях.

Особенно когда жертв так много.

Сегодня их тысяча семьсот.

Тысяча семьсот сильных мужчин, покрытых шрамами и татуировками. Нет среди них вопящих женщин и несмышленных детей. Только мужчины, достойные предстать перед Великим Владыкой Севера, жестоким Болон Окте.

Пятьдесят лет назад Два Тростника гордился бы тем, что ему выпала такая честь – отправить к Владыке Севера целую армию. Но сейчас он стар, и думает только о боли в суставах и о том, чтобы не подвели изъеденные костяным червем пальцы.

Тысяча семьсот жертв – это тысяча семьсот ударов ножом. Любой мясник свалится с ног после первой тысячи. Но он, Два Тростника, Говорящий с Богами, не имеет права даже на один неточный удар.

Да, младшие жрецы раскладывают жертву на Кровавом Столе и держат за руки и за ноги так, чтобы кожа на груди натянулась, как барабан. Да, обсидиановые ножи острее любых других, они легко перерезают подброшенный в воздух волос. Да, Два Тростника упражнялся в своем искусстве всю жизнь, и никто не сравнится с ним в умении рассечь грудь жертвы так,

чтобы трепещущее сердце само выскочило из-за ребер в подставленную ладонь.

Но тысяча семьсот ударов!

А он уже старик. Достаточно дрогнуть руке, и обсидиановое лезвие сломается о твердую грудину. Или разрез будет нанесен на два пальца ниже или выше, и сердце придется выковыривать из скользкого клубка внутренностей. Церемония замедлится, а это может прогневить Владыку.

Два Тростника не смеет даже подумать о том, что произойдет, если Болон Окте разгневается.

Самый страшный из Четырех Блиźнецов, хранящих стороны света, Черный Владыка, Дуновение Смерти. Бог, которому когда-то посвятил себя Два Тростника. Бог, от которого зависит решение – стереть род людской с лица земли или же подождать еще один цикл.

Приближается срок, предсказанный мудрецами прошлого. Исполняются предначертания, и появляются великие знамения. В ночном небе багряной змеей сверкает комета, вода в источниках стала белой, как женское молоко, и горькой на вкус. Над южными горами блещут сполыхи, будто на вершинах бьются закованные в золотую броню великаны.

Надвигается конец бактуна¹. Рассчитанный великими магами прошлого, он неизбежен, как неизбежна смерть. Прошлые циклы заканчивались наводнениями, сметающими с лица земли все живое, или пожарами, от которых трескались даже скалы. Какую кару изберет для людей Болон Окте на этот раз, Два

---

¹ Долгий Счет позволял индейцам заглядывать далеко в будущее. Он состоял из серии периодов, отсчитываемых по возрастанию, начиная с одного дня. Система была такая:

20 кин – 1 уйналь (20 дней)

18 уйналей – 1 тун (360 дней)

20 тунов – 1 катун (7200 дней или 19,7 года)

20 катунов – 1 бактун (144 000 дней или 394,3 года)

13 бактунов составляли Великий Цикл, или Солнце. 13 бактунов – это 1 872 000 дней или примерно 5130 лет. В мифологии майя насчитывалось Пять Великих Солнц. Эпоха каждого Солнца заканчивалась мировой катастрофой

Тростника не знает. Все, что он может сделать – это умолять Черного Владыку об отсрочке.

Поэтому он старается изо всех сил. Он уже сбился со счета, лица тех, кого кладут перед ним на Кровавый Стол, сливаются в одну искаженную криком маску. Рука с обсидиановым ножом поднимается и падает, поднимается и падает. Два Тростника торжествующе вскидывает над головой очередное трепещущее сердце, и слышит восторженный рев толпы у подножия великой пирамиды.

Горячие капли падают ему на лицо, и он чувствует, как где-то в невообразимой дали жадно облизывается ненасытный Болон Окте.

Может быть, сегодня он смилостивится, думает Два Тростника. Если у меня хватит сил довести дело до конца... если я не допущу ошибки, и если не сломается нож. Впрочем, Черному Владыке неизвестна жалость и снисхождение. Нет, я напою своего господина кровью сильных мужчин, и он опьянеет и махнет рукой на жалкий человеческий род. Не будет же пьяница разбивать о стену кувшин, в котором осталось еще немного хмельного?

Что за мысли, одергивает себя Два Тростника. Думать о Владыке Севера, как о жалком пьянице – какая дерзость! А что, если он заглянет ко мне в душу?

Но в следующий миг он понимает, что Болону Окте совсем неинтересно, что происходит в человеческой душе. Также, как ему самому не приходит мысль заглянуть в душу муравья, перебегающего лесную дорогу. Раздавить сандалией – пожалуйста. Придумать изощренную казнь для всего муравейника – легко. Но вот интересоваться тем, что там себе думает жалкий муравей? Смешно.

И Два Тростника продолжает свою работу. Вздывается и опускается рука с зажатым в ней обсидиановым ножом. Брызжет теплая кровь.

Грохочут ритуальные барабаны.

Урчит от наслаждения Болон Окте.

Что бы сказал Великий Ураган, думает Два Тростника. Он не одобрял кровавых жертв, может быть, потому, что сам прошел через смерть и знал ей цену. Но правитель мертв, он лежит в мраморном ящике в потайной комнате в толще пирамиды, и не может высказать своему старому другу ни одобрения, ни порицания.

Перед глазами Два Тростника встают картины прошлого. Он видит лицо Правителя, прекрасное и мудрое, со скошенным назад лбом и большим благородным носом. Он вспоминает события, сотрясавшие его землю полвека тому назад...

Господину Пакалю наследовал его племянник, Правитель Ягуар. Несмотря на грозное имя, он был человеком миролюбивым и благодушным, и почти не вел завоевательных войн. В дни больших праздников к великой пирамиде сгоняли полсотни, в лучшем случае – сотню выловленных в лесу дикарей. Ясно, что такая скупость не могла понравиться богам, и они покарали Правителя Ягуара.

Правитель умер, поскользнувшись на ступенях своей купальни. Неудивительно, если учесть, что он был сильно пьян, а телохранители оказались нерасторопны. Их первыми и принесли в жертву – уже на следующее утро.

Городом стал править четырехлетний сын Ягуара, носивший имя Великий Ураган. Пока же Великий Ураган бегал по двору, запуская воздушных змеев, государственные дела взял в свои руки регентский совет, куда вошел и недавно ставший Говорящим с Богами Два Тростника.

В совете было пять человек, и все они были согласны с тем, что боги хотят новых жертв и новой крови. К несчастью, это было единственное, в чем регенты сходились – во всем остальном договориться им не удавалось.

Родственник покойного Ягуара, владетельный Семь Оленей настаивал на том, чтобы ввести новый налог – по ребенку с каждой крестьянской семьи, где насчитывается больше трех детей. Это, по мнению Семь Оленей, значительно увеличило бы количество приносимых в жертву и заодно вселило страх в простолюдинов, которые за последнее время слишком уж расплодились.

Старший Писец Белого Дворца возражал – городу, мол, нужны каждые рабочие руки, крестьян лучше использовать на государственных работах, а в жертву следует приносить лесных дикарей, как это делалось при предыдущем правителе, только в десять раз больше.

«Откуда же их взять в десять раз больше, если при Ягуаре последних выловили? – кричал, брызгая слюной, старый Дождевая Черепаха, один из дядьев Великого Урагана. – Надо идти воевать, захватывать пленников, как это делал Господин Пакаль! И прежде всего надо покончить с Городом Тысячи Попугаев, мерзостью перед лицом богов!»

Двадцать лет назад Дождевая Черепаха прибыл в Город Тысячи Попугаев свататься к дочери местного правителя, Зеленой Ящерке. Второй претендент на руку красавицы, молодой и богатый весельчак, звал Черепаху к себе во дворец, до бесчувствия напоил перебродившим соком агавы и велел своим слугам разрисовать тело соперника срамными рисунками, после чего Черепаху голым выгнали из дворца и отправили бродить по улицам города. Эту историю знали все, поэтому стремление Дождевой Черепахи выступить в поход против Города Тысячи Попугаев удивления ни у кого не вызвало.

Войну начинать надо, соглашался могучий и кряжистый военачальник по имени Три Топора. При мягкотелом Ягуаре воины забыли, какой сладкой музыкой звучат крики побежденных, и как приятен дым пылающих вражеских городов. Но Город Тысячи Попугаев – дешевая добыча, там нет ничего, кро-

ме смазливых девок да кактусового вина. Надо идти на восток, на великие города у священных колодцев, на Нефритовый Замок, на Семь Белых Башен! Там сокровища, там склады ломаются от бобов какао, а храмовые хранилища полны нефритовых пластинок и привезенных с далекого юга золотых украшений. Там изнеженные и слабые воины, что выходят на битву в перьях вместо доспехов. Там мы захватим тысячи и тысячи пленных, и ступени великой пирамиды вновь обогрятся жертвенной кровью!

И Три Топора, говоря это, выразительно постукивал по полу рукояткой своей боевой секиры.

Сам же Два Тростника благоразумно помалкивал. Он был тогда самым младшим в регентском совете, и предпочитал слушать, а не говорить.

Пока регенты препирались, на кого из соседей идти войной, война пришла к ним сама. С севера нахлынули орды варваров, жрущих собачатину, и смяли защитников города, как свирепый ветер сметает тростниковую хижину. Три Топора погиб на ступенях дворца, отбиваясь от визжащей толпы варваров. Семь Оленей пытался купить благосклонность завоевателей богатыми дарами, но был убит их вождем. В дверях хранилища свитков пронзили копьем Старшего Писца. Исчез куда-то Дождевая Черепаха. Но Два Тростника варвары тронуть не посмели – когда они поднялись на великую пирамиду, он стоял там, воздев руки к небу, и по лицу его стекали капли жертвенной крови. Перед ним лежало тело четырехлетнего мальчика в богатом платье. У мальчика было вырвано сердце.

Варвары поняли, что Два Тростника принес в жертву самого правителя города, Великого Урагана, и устрашились. Даже они знали, что за такую жертву боги исполнят любую просьбу жреца.

Поэтому вождь варваров не стал сжигать Город Высоких Сейб, и даже не увел его жителей в рабство. Он оставил в горо-

де своего наместника, огромного, пахнущего псиной длинноволосого пьяницу, которого все звали просто Нож, а с ним – две сотни воинов. И повернул на восток, покорять Нефритовый Замок и Семь Белых Башен.

А Два Тростника остался служить богам... и воспитывать юного принца, которого старый Дождевая Черепаха успел спрятать в подземельях великой пирамиды и переодеть. Принц упирался и плакал, когда с него срывали богатые одежды правителя. А крестьянский мальчик, наоборот, радовался, когда его нарядили в прозрачные ткани и перья.

Но Великий Ураган остался жив, а крестьянскому мальчику Два Тростника вырвал сердце.

Десять лет законный правитель города жил при храме как простой слуга. Два Тростника обучал его грамоте и письму, простому и долгому счету, посвящал в тайны календаря и объяснял, как толковать знаки звездного неба. Но когда юноше исполнилось четырнадцать, он попросил у своего наставника разрешения и ушел в лес искать себе новую судьбу.

Великий Ураган вернулся через два года, окрепший и возмужавший. Он носил шкуру ягуара, убитого им в лесу. Он стал славным охотником, а на руках его белели двенадцать шрамов – по одному за каждого убитого им врага.

В Городе Высоких Сейб по-прежнему правили варвары, и даже самый знатный вельможа должен был кланяться самому ничтожному пожирателю собачатины. Великий Ураган сказал своему наставнику, что хочет сбросить власть северян и восстановить прежнюю династию.

Два Тростника пытался убедить его в том, что это невозможно. Варвары сильны, а жители Города Высоких Сейб уже привыкли к их владычеству. В их сердцах нет отваги, и они не станут сражаться с теми, кто поработил их двенадцать лет назад.

Но Великий Ураган не послушал его. Он собрал отряд из двадцати отважных юношей, раскрыл им тайну своего происхожде-

ния и убедил выступить против варваров. Ночью заговорщики ворвались во дворец, в котором некогда родился Великий Ураган, и убили старого пьяницу Ножа.

Слух об этом распространился быстрее, чем пожар в сухом лесу, и Город Высоких Сейб восстал. Оружия у горожан не было, так что варваров убивали, чем придется – серпами, мотыгами, строительными молотками. Половина варваров разбежалась, а сотню захваченных в плен Два Тростника принес в жертву на вершине великой пирамиды.

Но прошел месяц, и вождь варваров привел свою орду к стенам Города Высоких Сейб. На этот раз никто даже не пытался сопротивляться. Горожане в страхе бежали, а тем, кто остался, варвары разможили головы своими длинными дубинками.

Великий Ураган плакал, глядя, как убивают его людей – людей, которыми он правил всего месяц. Когда стало ясно, что город пал, он со своим отрядом пробился сквозь толпу варваров, свирепый, как защищающая своих детенышей пума, и исчез в лесу.

Два Тростника уцелел и на этот раз, хотя его сильно избили и сбросили с великой пирамиды. Любой другой, скатившись вниз по крутым каменным ступеням, расстался бы с жизнью, но Два Тростника, как видно, хранил его господин, Владыка Севера. Он пришел в себя ночью, когда Болон Окте шагал в звездном небе, высоко подняв хрустальный щит, и стал молиться ему, прося сохранить жизнь Великому Урагану и покарать врагов.

Жрецу казалось, что Владыка ответил, но, возможно, это демоны болезни шептали ему в уши.

Два Тростника болел долго, и не было никого, кто помог бы ему в те дни.

Прошло еще три года, и Великий Ураган вернулся на руины своего города. Он повзрослел и преисполнился мудрости и жестокости. В черных, падавших на плечи волосах его сверкали

серебряные нити. С ним было трое уцелевших воинов его отряда и старуха, которую они несли на носилках, словно знатную госпожу.

Два Тростника был рад видеть своего воспитанника живым и невредимым, но старуха не понравилась ему с первого взгляда. Она была крючконосая и злобная, на одном глазу у нее было бельмо. И она не говорила на языках людей, а Два Тростника знал их много. Он понимал и язык Семи Белых Башен, и язык жителей южных гор, и даже лающее наречие варваров. Но язык, на котором говорила старуха, был ему неизвестен. В нем было много шипящих, отчего старуха напоминала рассерженную змею. Однако Великий Ураган обращался с ней уважительно, и делал почтительное лицо каждый раз, когда старухе приходило в голову его позвать.

Своему наставнику принц сказал, что старуха – великая колдунья из далекой страны на юге, что лежит за цепью высоких гор, непроходимыми лесами и полными чудовищ болотами. Там, посреди священного озера, стоит немыслимо древний храм, наполовину вросший в землю, и в нем живут три старые колдуньи, которых жители той страны называют Сестрами Смерти.

Два Тростника, служивший Владыке Смерти Болон Окте, услышал в этих словах ересь, но спорить с принцем не решился, только спросил, зачем он привел с собой одну из Сестер сюда, на развалины Города Высоких Сейб. И Великий Ураган ответил, что замыслил страшную месть пожирателям собак, которые разрушили его наследное владение и убили его подданных. И что теперь судьба варваров – в руках Сестры Смерти.

На этот раз Великий Ураган не спешил. Он посылал своих слуг в разные концы страны, собирая оставшихся в живых жителей Города Высоких Сейб. Всем им он приказывал вернуться туда, где когда-то возвышался его дворец. Прошло полгода, и в город вернулась тысяча человек – в тридцать раз меньше, чем когда-то жило в его стенах.

Едва вернулись последние, Великий Ураган пошел в подземелье, где обитала старуха, и провел там всю ночь. Когда наутро он вышел на дневной свет, в волосах его серебра было больше, чем угля. В руках он держал глиняный кувшинчик, изукрашенный неизвестными письменами. Два Тростника никогда в жизни не видел подобных знаков.

Когда принца спросили, что в кувшине, он ответил – смерть.

А потом велел привести к нему десять девственников. И это было исполнено.

И каждую девушку отводили в склеп, где стоял кувшинчик, и приказывали заглянуть внутрь. Но кроме девушек, никто не должен был видеть того, что хранилось в кувшине. Говорить же, что они видели, девушкам было запрещено.

А затем Великий Ураган отослал девушек в города, захваченные варварами, где они должны были ублажать пожирателей собачатины и спать с их вождями и командирами. Девушки ушли, и никто больше их не видел.

А сам Великий Ураган сидел в покоях своего разрушенного дворца и принимал своих подданных. Каждому, кто приходил к нему, он возлагал руку на голову и произносил какие-то слова на языке, в котором было много шипящих.

Пришел к нему и Два Тростника, преклонил колени и спросил, что делает его бывший ученик. И Великий Ураган сказал – спасаю свой народ.

И он возложил руку на затылок своему учителю, и Два Тростника почувствовал холод, словно от прикосновения металла. Он осмелился поднять глаза, и увидел между пальцами принца серебристый блеск.

Но больше на его вопросы Великий Ураган не отвечал, только прошептал что-то на чужом наречии. Два Тростника ушел от него, недоумевая. Той ночью он чувствовал себя так хорошо, будто помолодел на двадцать лет, но вскоре забыл об этом – такие страшные события сотрясли землю.

Сначала до его ушей стали доходить слухи – слухи о том, что варвары умирают от какой-то болезни, которую прозвали Веселая Смерть. В заболевших вселялись демоны, и они принимались убивать друг друга с такой охотой, словно это была веселая игра. Родители убивали детей, а дети – родителей. Воины хватались за оружие и начинали резать своих товарищей. Многих убивали ночью, во сне. Некоторые влезали на крыши домов и, хохоча, перерезали себе горло. Те немногие, кого миновала зараза, погибали от руки обезумевших.

Потом Два Тростника увидел это своими глазами. Толпы безумцев, жаждущих крови, выходили из леса и бросались на штурм городских стен. Их были сотни, а может, и тысячи, но маленькая армия Великого Урагана справлялась с ними без труда – пораженные Веселой Смертью ничего не помнили о дисциплине, и сражались каждый за себя. Какое-то время они пытались ворваться в город, а потом просто обходили его стороной и исчезали в лесу.

Были и те, кому посчастливилось уцелеть и сохранить рассудок. Таких Великий Ураган принимал охотно, но с условием – они преклоняли колени, а принц возлагал им руку на голову. Тех же, кто не соглашался, в город не пускали.

Так прошел год, а потом посланные Великим Ураганом разведчики донесли, что варвары исчезли, будто их никогда и не было. Захваченные ими города обезлюдели, лишь кое-где в лесу жили маленькие общины спасшихся от Веселой Смерти. Страна опустела, на многие дневные переходы вокруг лежали покинутые селения и брошенные города.

Жителей Города Высоких Сейб болезнь обошла стороной – ни один человек из тех, кто становился на колени перед Великим Ураганом, не заболел и не сошел с ума.

Тогда принц вновь спустился в подземелье, где жила старуха, но на этот раз пробыл там недолго. Вернувшись, он объявил,

что Сестра Смерти покинула их навсегда, и велел замуровать подземелье диким камнем. И Два Тростника украдкой вздохнул с облегчением.

С тех пор прошло много лет.

Великому Урагану удалось вновь отстроить Город Высоких Сейб. Он собрал под свою руку общины выживших, и восстановил Семь Белых Башен и Нефритовый Замок. Он поставил наместниками этих городов своих верных воинов, бывших с ним с самого начала, с той ночи, когда заговорщики убили старого пьяницу Ножа.

Он правил долго и справедливо, и самые искусные камнерезы соревновались в мастерстве, покрывая гимнами в его честь стелы из розового и зеленого камня.

А Два Тростника всегда оставался при нем самым доверенным лицом и Говорящим с Богами. Став правителем, бывший ученик жреца не забыл, кому он обязан жизнью.

Но закончилось время, отмерянное богами, и Великий Ураган умер.

Два Тростника омыл его лицо своими слезами и велел лучшим мастерам изготовить большой ящик из зеленого мрамора. На крышке ящика по его приказу вырезали Мировую Сейбу – дерево, пронизывающее собой все три мира. Под ветвями Мировой Сейбы полулежал Великий Ураган, вкушая сладкое звездное молоко.

Почти пять лет мастера трудились над ящиком, и Два Тростника боялся, что не доживет до конца работы.

Но он все жил и жил, словно Болон Окте в насмешку наградил его бессмертием. Под присмотром Два Тростника рабы уложили истлевшие останки правителя в ящик и задвинули тяжелую крышку, после чего воины убили их и оставили в склепе рядом с саркофагом.

И Великий Ураган обрел покой под сводами великой пирамиды.

А потом пришел страшный год, последний год бактуна, год багряной кометы.

Два Тростника надеялся, что он не увидит конца цикла, но этой надежде не суждено было сбыться. И вот настал день, когда он, старый и слабый, вновь стоит на вершине пирамиды, чтобы отвратить от людей гнев своего господина, Болон Окте, Дуновения Смерти.

И нет никого во всем мире, кто мог бы сделать это вместо него.

У Кровавого Стола – какая-то заминка. Вместо того, чтобы растянуть на выпуклом камне очередную жертву, младшие жрецы падают на колени и ползут к ногам дрожащего от нечеловеческого напряжения Два Тростника. Они плачут и стучат головами о гранитные плиты.

С некоторым запозданием Два Тростника понимает, что он только что вырвал сердце последней жертве.

Их было тысяча семьсот, повторяет он себе, не веря. Тысяча семьсот! Я не мог сделать это сам, наверное, мне кто-то помогал...

И тут он понимает, кто ему помогал, и чувствует холод, поднимающийся вверх по позвоночнику. Его тело выгибается и замирает, как натянутая тетива.

А потом он слышит голос Владыки Севера, похожий на рокот грома в ночном небе. Его не могут заглушить ритуальные барабаны.

Болон Окте говорит, но никто, кроме Два Тростника, не слышит ничего – только далекие грозовые раскаты.

Но все видят, что Говорящий с Богами внемлет своему господину, и боятся, и прячут лица. Жрецы отползают от застывшей в трансе фигуры, тихонько подвывая и расцарапывая себе ногтями щеки.

Проходит много времени, может быть, час, и Два Тростника падает, как подкошенный. Болон Окте вышел из него, и теперь

он снова человек. Его поднимают и осторожно подводят к краю площадки.

Два Тростника воздевает над головой липкие от крови руки.

– Возрадуйтесь, люди! – кричит он. – Ибо бог простил нас! Владыка Севера доволен принесенной жертвой и не станет карать людей сейчас. Он дал нам время – еще три бактуна! Целых три бактуна вы можете жить, рожать детей и возделывать землю! И только по истечении этого срока гнев Болон Окте падет на головы наших правнуков.

Площадь внизу отвечает радостным гулом голосов.

– Но если вы забудете свои обязанности, кара может настичь вас раньше, – сурово предупреждает Два Тростника. – Вы не должны прекращать приносить богам жертвы, ибо кровь им по вкусу!

Толпа согласно воет.

– Я говорю это, потому что мой срок пришел, – продолжает Два Тростника. – Болон Окте требует меня к себе, и вам придется искать другого Говорящего с Богами. Не забывайте же, что я заповедовал, и гнев богов обойдет вас стороной!

Внизу слышны громкие крики разочарования. Два Тростника знает, что людям будет страшно без него, заступника перед Дуновением Смерти, но воля Болон Окте священна. Такова цена за спасение рода человеческого, и, хотя Два Тростника не понимает, почему Владыка Севера бросил на одну чашу весов его ничтожную жизнь, а на другую – жизнь всех прочих людей, послушаться он не смеет.

К тому же перед смертью ему предстоит исполнить еще один приказ Болон Окте.

Этой же ночью он велит разобрать замурованный диким камнем склеп страшной старухи, которую Великий Ураган привез когда-то из далеких южных земель.

Когда кладку разбирают, двое рабов, первыми перешагнувшие порог, падают замертво, вдохнув смрадный воздух подземелья.

Два Тростника прикладывает к ноздрям тонкую, пропитанную благовониями повязку и, держа в руке факел, спускается вниз.

На последних ступенях лестницы, скорчившись, лежит старуха. Седые космы ее отросли почти до пят, ногти на руках длиною с початки маиса.

Два Тростника понимает, что Великий Ураган приказал замуровать ее в подземелье живьем.

На низком каменном столе стоит простой с виду глиняный кувшинчик. Сверху на нем лежит серебристая фигурка жука с изогнутыми передними лапами.

Два Тростника перешагивает через высохший труп старухи и осторожно берет в руки кувшин и фигурку. Скрюченные болезнью пальцы болят неимоверно, но он держит свою ношу крепко. Он знает, что если уронит ее, мир погибнет гораздо раньше отпущенного ему богами срока.

Прижимая к груди кувшинчик и жука, Два Тростника, хрипя от боли в суставах, взбирается обратно по лестнице. Когда он выходит из склепа, жрецы бросаются помочь ему, но он отгоняет их гневным движением руки.

Никто не должен прикасаться к нему.

Дальше все происходит, словно во сне. Взяв с собой двух самых сильных воинов, Два Тростника спускается в подземный лабиринт под великой пирамидой. В этих коридорах можно плутать бесконечно, но Два Тростника сам начертил на стенах тайные знаки, и без труда находит дорогу. В конце концов он оказывается у каменной двери, закрывающей вход в гробницу правителя.

Воины открывают двери и зажигают факелы на стенах, украшенных фресками. Их отблески играют на зеленой мраморной крышке, на которой изображен Великий Ураган, вкушающий звездное молоко.

Два Тростника приказывает отодвинуть крышку.

От Великого Урагана остались одни кости, завернутые в дорогие ткани. Пожелтевший череп скалится приветливой улыбкой.

Теперь приходит черед самого главного. Того, о чем говорил ему Болон Окте.

Два Тростника забирает у одного из воинов факел, и, недовольно ворча, растапливает на его огне шар пчелиного воска. Воск капает на кувшинчик, покрывая его неровным желтым слоем. Два Тростника достает золотую палочку и пишет на воске один-единственный иероглиф. Потом он погружает в мягкий еще воск серебристую фигурку жука. Теперь кувшинчик надежно запечатан.

Когда придет срок, отпущенный Владыкой Севера, печать будет сорвана, и смерть, таящаяся в кувшине, вырвется наружу.

Но это будет еще не скоро, спустя три бактуна.

Дело сделано, и Два Тростника чувствует себя опустошенным и легким. Он велит воинам вернуть крышку на место, стать на колени и закрыть глаза.

Воины догадываются, что их ждет, но не смеют ослушаться Говорящего с Богами.

Уколы обсидианового ножа точны и милосердны. Густая кровь обагрывает плиты подземной усыпальницы.

Совершив это последнее в своей жизни жертвоприношение, Два Тростника ложится рядом с саркофагом, подтягивает ноги к животу и закрывает глаза.

Его господин, Болон Окте, ждет своего верного слугу в небесных чертогах.

*«Народы, некогда могущественные,
а ныне вымирающие и пришедшие в упадок,
Я не вправе продолжать,
пока не воздам дань уважения тому,
что вы оставили нам»*
Уолт Уитмен

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Склеп и кувшин

Юкатан, Мексика, декабрь 2012 года

Роулинсон смял жестяную банку из-под пива «Текате»² и зашвырнул в кусты, спугнув паукообразную чернорукую обезьяну, которая с интересом наблюдала за археологами. Заверещав, обезьяна кинулась наутек, а Роулинсон мрачно спросил:

– Скажите, только мне кажется, что все мексиканское пиво отдает мочой?

– А я тебе говорил: в любой стране нужно пить и жрать только то, что является для нее аутентичным. То есть в Мексике надо пить текилу и мескаль, а вовсе не пиво. Пиво надо пить в Европе.

Сказав так, Блэки вытер с грязного лба пот и вновь принялся работать ломиком. Широкую каменную плиту они с трудом обнаружили под пластами земли и плотной тропической растительности. После того, как ее расчистили, Блэки воодушевленно принялся ковырять плиту ломиком, под неодобрительным взглядом Роулинсона, который вообще скептически относился к археологии.

Блэки обливался потом, но местное пиво принципиально игнорировал. Роулинсон пожал плечами и вытащил еще одну банку из портативного холодильника.

---

² «Tecate Beer» - один из самых популярных сортов пива в Мексике

– Может, поучаствуешь немного? – спросил Блэки.

– Смотреть гораздо интереснее, – покачал головой Роулинсон. – К тому же я уверен, что под этой чертовой плитой ничего нет.

– Там пустота, я тщательно простукивал, – возразил Блэки. – Я думаю, что здесь расположен вход в подземный склеп. Да он и должен быть здесь – все пирамиды индейцы строили по примерно одному плану.

– Потому что у них не было архитекторов, которые дерут за это бешеные бабки, как в наше время, – сказал Роулинсон, вскрыл банку и обрызгался пеной.

– Когда Альберто Рус Луилье нашел подземный тоннель в Паленке³ под Храмом Надписей, ему тоже никто не верил. А там оказался как раз склеп с иероглифами, саркофагом и костями одного из древних правителей.

– Ты кое-что упустил, коллега. Во-первых, Альберто Рус копался там четыре года. Во-вторых, он делал это не самолично при помощи кривого ржавого ломика, а руководил командой рабочих. Ну, и самое главное – Луилье работал в Паленке совершенно легально, по линии Национального института антропологии и истории Мексики. Поэтому лично я готов остаться на пару дней, но не больше. Куда-куда, а уж в мексиканскую тюрьму я точно не собираюсь.

– Трусливый гринго⁴, – с улыбкой сказал Лафонсо Ченнинг. – Давай твой лом, Алан, я тебе помогу.

Негр взял у Блэки ломик и стал прикидывать, куда бы его всунуть, чтобы плита подалась.

– Да расколи ты ее, – посоветовал Роулинсон. – Ты здоровенный черный парень, если хорошенько врезать, плита и развалится.

---

³ Условное название развалин большого города майя на северо-востоке мексиканского штата Чьяпас — политического и культурного центра майя в III-VIII вв. Столица Баакульского царства. Тоннель в Храме Надписей обнаружен в 1952 году

⁴ Презрительное латиноамериканское прозвище североамериканцев в частности и белых в целом. Произошло от лозунга «Green go!», очень популярного во время оккупации Америкой бывших мексиканских территорий (у американских войск была форма зеленого цвета)

– Ты с ума сошел?! – искренне возмутился Блэки, сидя на камне и тяжело дыша.

– Да здесь и так мало что сохранилось. Чертов городишко старше, чем Ламанай в Белизе, к тому же я уверен: если здесь что и было, то самое ценное разграбили еще конкистадоры, а потом сюда приходили пожить все, кому не лень.

– Ты забыл, что сказала нам старуха? – слышался сверху голос. По раскрошившимся и сгладившимся от времени ступеням храма-пирамиды осторожно спускались еще трое членов экспедиции – Ломакс, Леттич и русский, Игнат Нефедов.

– Ничего я не забыл, *tovarishch*, – с улыбкой сказал Роулинсон. Он всегда называл русского так, полагая, что это должно раздражать Нефедова, но тому было до лампочки. – У этих чокнутых обитателей сельвы любая гора или ущелье – жилище злых духов, проклятое место. Что тогда сказать о заброшенном городе? И вообще, у вас в России, наверное, фильмы ужасов запрещены?

– Вовсе нет, – Нефедов спустился и помог спрыгнуть Леттичу, который заметно хромал.

– А если нет, то ты должен знать, *tovarishch*, что в любом мало-мальски достойном фильме ужасов есть такой персонаж как местный житель, говорящий путешественникам что-то типа: «На вашем месте я бы туда не ездил». А что придумано сценаристами и продюсерами, то, как правило, к реальной жизни отношения не имеет.

– Ты, наверное, и на сигналы светофора не реагируешь? Он ведь тоже говорит что-то типа: «На твоём месте я бы туда не ездил», – сказал негр и громко рассмеялся. Его вяло поддержали, после чего Леттич пожаловался:

– Кажется, я растянул связки.

– Этого только нам и не хватало, – пробормотал Роулинсон, исполнявший в экспедиции функции врача. – Сейчас, допью пиво и займусь тобой.

– Не нужно, – сказал русский, прихлопнув на щеке москита.
– Там ерунда, разрыва нет... Я уже смазал гелем с ибупрофеном и наложил повязку.

– Спасибо, tovarishch, – отсалютовал ему пивной банкой Роулинсон.

Некоторое время все сидели молча, глядя, как Лафонсо Ченнинг возится с плитой. Нефедов вспомнил пресловутую старуху – сморщенную, темнокожую, облаченную в доходящую до лодыжек полосатую юбку-корте, блузу-уипиль и длинную шаль. Она стояла у обочины дороги, курила трубку и продавала ярко-красные перцы, разложенные на соломенной подстилке, и куски липких сладостей из кактуса. Длинный «лендровер» экспедиции остановился возле старухи, и Роулинсон вступил с ней в длинную сложную беседу, вручив для начала банкноту в пятьдесят песо. Старуха вначале отвечала охотно, даже улыбаясь, потом помрачнела и, собрав в складки шали нехитрый товар, демонстративно убралась прочь.

– Чем ты обидел старую леди? – поинтересовался тогда Лафонсо Ченнинг.

– Она сказала, что нас сожрут гоблины, – развел руками Роулинсон. – Как только я заикнулся про старый город. Я так понял, что туда никто не ходит, и нам там тоже делать нечего. Злые духи, дескать. Проклятое место. Скорее всего, бабка врет. Грех не соврать гринго.

– Может, она просто заигрывала с тобой, а ты не въехал! – засмеялся негр. Роулинсон беззлобно выругался.

Эта история действительно напоминала фильм ужасов, потому Нефедов не придавал ей значения. Но сейчас ему стало немного не по себе, хотя остальные по-прежнему относились к мрачному пророчеству наплевательски.

– В самом деле, пирамида очень старая, – нарушил молчание Курт Ломакс. – И очень большая. Эрозия ее сильно разрушила, но даже то, что осталось, впечатляет. Это, конечно, не гва-

темальский Эль-Мирадор⁵ с его семьюдесятью двумя метрами, но тоже весьма внушительное сооружение. Странно, что его никто не обследовал до нас.

– Ничего странного, – возразил Блэки. – Эта красotka очень хорошо сокрыта от людских глаз. Да и, похоже, слишком давно заброшена. Ее даже ни разу не нарастили.

– Как это? – вытаращил глаза Ченнинг. – Что значит «не нарастили»? Я думал, пирамиды только раскапывают...

– Пирамиды в Мексике есть повсюду. Буквально повсюду. Каждый городок может похвастаться своим «ситьо аркеолохико». Самая большая пирамида – Чолула. Это вторая по высоте пирамида в мире после пирамиды Хеопса. А все потому, что это фактически несколько пирамид, построенных одна на другой. Каждый завоеватель считал своим долгом «нарастить» пирамиду. Каждый слой отражает историю завоеваний одних индейских народов другими. Испанские конкистадоры не составили исключения. Миссионеры опасались, что аборигены разрушат их культовые сооружения и для приобщения индейцев к христианству использовали их собственные места поклонения. Другая причина – экономия. Чтоб не тратить время и деньги, для строительства своих церквей и домов они использовали камни индейских пирамид, – пояснил Ломакс.

– А эту вот почему-то оставили как есть, – вздохнул Блэки.

– Боялись злых духов, – захихикал Роулинсон.

На самом деле смешного было мало. Крохотная экспедиция действовала нелегально именно потому, что Министерство общественного образования Мексики наотрез отказывалось давать разрешение на посещение здешних мест. Чиновники ничего не объясняли – просто отказывали. Случись это в России или Америке, можно было бы подумать, что где-то тут размещены подземные пусковые установки ракет или же

---

⁵ Один из крупнейших городов культуры майя. Его руины находятся на севере Гватемалы, близ гватемальско-мексиканской границы. В Эль-Мирадоре сохранились две крупные пирамиды: 55-метровая «Эль-Тигре» и 72-метровая «Ла-Данта», на вершине которой находится храм

секретные исследовательские центры, но в Мексике... Но возможно, власти попросту опасались, что зарубежные археологи попадут в руки партизан-сапатистов⁶, которые нет-нет да объявлялись в сельве. В любом случае организатор экспедиции, эксцентричный голливудский продюсер Джордж Либеропулос, не смог решить вопрос законными путями и потому начал действовать нелегально. Разумеется, это наложило отпечаток на состав экспедиции. Серьезными специалистами пришлось пренебречь – вряд ли кто-то из уважаемых исследователей культуры майя согласился бы участвовать в этом сомнительном мероприятии.

Сам Джордж Либеропулос разбирался в археологии на уровне гарлемского торговца хот-догами. Однако спродюсированный им исторический мегаблокбастер «Кортес» едва не переплюнул по сборам кэмероновского «Аватара», и история индейцев майя стала для обогатившегося грека чем-то вроде хобби. Поэтому он отправил в Мексику шесть человек с пожеланием, буквально выразившимся как «привезите мне что-нибудь этакое, черт возьми!» Примерное расположение пункта назначения хитрый продюсер разнюхал через НАСА, где наловчились находить неизвестные доселе города майя при помощи спутниковых фотографий. Поскольку снимали это спутники-шпионы, информация была засекреченной, но Либеропулос отыскал нужные рычаги.

Археологами как таковыми в экспедиции были трое.

Алан Блэки в свое время копал по линии ЮНЕСКО Хойя-де-Серен в Сальвадоре, работал в мексиканском Чакмультуне, где с ним произошла не очень красивая история, когда Блэки попытался перепродать скрытые им находки одному ушлому англичанину. После этого Блэки был закрыт путь как в официальные археологические программы, так и в Мексику.

---

⁶ Национально-освободительное движение в Мексике. Название восходит к имени генерала Эмилиано Сапаты - героя Мексиканской революции 1910-20 годов. Социальная опора движения - бедные индейцы-крестьяне. Сапатисты требуют конституционного закрепления прав коренных народов Мексики. Лозунг сапатистов: «Демократия! Свобода! Справедливость!»

Чарли Роулинсон являлся неплохим специалистом по индейским текстам, но человеком был просто отвратительным со всеми своими глупыми шутками, постоянным брюзжаньем и любовью к алкоголю.

Курт Ломакс угодил в состав экспедиции в последний момент. Он знал Мексику, как свои пять пальцев, преподавал археологию и историю в университете Джона Хопкинса в Мэриленде, но вряд ли ввязался бы в аферу Либеропулоса, если бы не крупный проигрыш в покер. Причем проиграл несчастный профессор совсем не тому, кому можно было. В итоге Ломакс, с одной стороны, скрывался, а с другой – пытался заработать.

Остальные трое были людьми совершенно разными. Здоровенный чернокожий Лафонсо Ченнинг раньше служил в морской пехоте, что фактически объясняло его роль в экспедиции. Бывший мастер-сержант привел с собой русского Нефедова, с которым познакомился при неясных обстоятельствах во время второй войны в Ираке. С русским вообще было многое непонятно, но все как-то сразу прикинули, что с русскими так и должно быть. По крайней мере, к мировой революции Нефедов не призывал, к русской мафии если и имел отношение, то умело это скрывал, ушанку с красной звездой не носил и на балалайке не играл. В последнее время он получал медицинское образование в Стэнфорде. Правда, для своего возраста Нефедов был уже весьма немолодым студентом, но человек волен учиться хоть до гробовой доски, и на этот факт никто внимания не обращал. Впрочем, о возрасте Нефедова сложно было что-то сказать определенно: в иные моменты русскому можно было дать тридцать, в иные – пятьдесят... В лице его было что-то неуловимое, быстро меняющееся, а молодежная бодрость и склонность к авантюрам успешно сочетались с житейской мудростью.

А вот Фрэнсис Леттич был студентом самым что ни на есть хрестоматийным, которому попросту было нечем заняться, но весьма хотелось приключений и денег, что для человека его

возраста вполне простительно. Нефедов исполнял обязанности второго врача, Леттич кашеварил, но вообще-то обоих взяли в экспедицию на универсальную должность «подай-принеси». К тому же оба студента изучали историю Латинской Америки, хорошо знали испанский и умели обращаться с оружием, что в условиях сельвы было немаловажно.

– Неплохо бы пожрать, – заявил Роулинсон, швыряя очередную опустевшую банку вверх по склону и наблюдая, как она, подпрыгивая на камнях, катится обратно.

Нефедов посмотрел на часы:

– Еще рано.

– Слушай, мы же не в летнем лагере для скаутов, *tovarishch*. Если я хочу жрать, я делаю это, когда мне захочется, а не когда положено по расписанию.

– Возьми в рюкзаке консервы, – сухо сказал Нефедов.

Роулинсон хотел поставить наглого русского на место, но передумал и принялся рыться в поклаже, сложенной в тени дерева каоба, рядом с палатками. Тем временем Ченнинг продолжал трудиться над упрямой плитой и даже вскрикнул от неожиданности, когда та после очередного нажатия ломиком съехала в сторону, открыв темный проем размером с дверцу багажника «шеви-тахо». Внутри было темно, на археологов в буквальном смысле пахнуло вечностью.

– Черт... – зачарованно пробормотал Блэки. – Я же говорил...

Роулинсон бросил рюкзак, схватил мощный фонарь «Хита-чи» и бросился вперед, оттеснив плечом хромающего Леттича. Луч света выхватил грубо обработанные стены из ноздреватого камня, пол, сложенный из круглых одинаковых булыжников, покрытых пылевой пудрой...

– Никогда не видел такого покрытия, – заметил Блэки, с интересом разглядывая пол. – Интересно, что это за материал и зачем его обрабатывали подобным образом...

– А его и не обрабатывали, – громко сглотнув слюну, сказал Лафонсо Ченнинг. – Это человеческие черепа.

...Идти по черепам было жутко, но бегать по потолку, подобно мухе, люди не умели. Кости трещали под ногами, оседая и рассыпаясь. Ноги проваливались едва ли не по колено – черепа лежали в несколько слоев. Вместе с хрустом в туннеле слышалось сопение, потому что все надели респираторы, ибо черт его знает, чем можно надышаться в таком месте. В воздухе висела тонкая серая пыль, прихотливо пляшущая в лучах фонарей.

Если бы экспедиция была легальной, разработку коридора вели бы постепенно, расчищая его от костей, нумеруя каждый череп, тщательно просеивая останки. У наших героев не было ни времени, ни желания делать это, хотя Ломакса буквально передергивало от подобного вандализма. Роулинсон насвистывал песенку – что-то из Шакиры, кажется, пока Ченнинг не рявкнул:

– Вы не могли бы заткнуться, сэр?!

– Вот он, черный расизм, – сокрушенно заключил Роулинсон, но действительно перестал свистеть.

Коридор уходил вперед, слегка загибаясь влево. Солнечный прямоугольник входа уже не был виден.

– Я надеюсь, пирамида не рухнет нам на головы? – осведомился негр, который шел впереди рядом с Роулинсоном. В руках он держал бельгийскую автоматическую винтовку FN FAL под натовский патрон 7,62 миллиметра. Оружие экспедиция закупила прямо на месте, у немногословного загорелого мужчины, говорившего с отчетливым немецким акцентом. – Помоему, в Египте фараоны любили делать ловушки для непрошенных гостей, пришедших что-нибудь спереть с их могил.

– О, да ты читал не только устав морской пехоты! – деланно удивился Роулинсон.

– Я много смотрю телевизор, – индифферентно сообщил Ченнинг, поправляя респиратор. – Канал «Дискавери» в том числе. Так что там с фараонами и их могилками?

– Я не слышал про такое применительно к майя, – успокоил бывшего морпеха профессор Ломакс. – Египетские пирамиды вообще устроены по иному принципу. Строго говоря, это просто огромные усыпальницы, не более. В отличие от индейских построек, которые прежде всего являлись храмами. Конечно, и тут хоронили представителей знати или видных жрецов, но вряд ли кто-то осмелился бы грабить их могилы во времена расцвета цивилизации майя. То есть ловушки были попросту не нужны.

– Хочется верить, – прогудел чернокожий великан. – Хотя я думаю так: если вы про такое не слыхали, проф, это не значит, что ловушек нет. Это значит, что те, кто в эти ловушки угодил, попросту не сумел потом про них рассказать, вот как я думаю.

Ломакс задумчиво помолчал, потом сообщил размеренным голосом, словно читая лекцию в аудитории:

– Согласно верованиям индейцев майя, души после смерти отправляются в загробный мир в сопровождении собаки-поводыря, прекрасно видящей в темноте. За время путешествия по темным подземным лабиринтам, полным потоков воды и страшных существ – змей, пауков, летучих мышей, скорпионов – душам предстоит пройти множество серьезных испытаний, прежде чем они достигнут загробного мира, Шибальбы, и смогут продолжить свое загробное существование. Некоторые ученые считают, что пирамиды – это надстройки над естественными пещерами, которые являлись порталом в другую, загробную реальность.

– Довольно проповедовать, профессор, а то мне что-то змеи мерещатся под этими черепушками, – прошипел Роулинсон и злобно пнул какую-то крупную кость.

Еще несколько метров треска под ногами и вздымающихся клубов пыли – и археологи оказались в большом приземистом зале. Массивная каменная дверь была почему-то открыта, стены были украшены разноцветными фресками. Блэки тотчас бросился к ним и, освещая фонарем, забормотал в восхищении:

– Смотрите, смотрите! Сохранность куда лучше, чем у фресок Бонампака⁷! Сцены танца... а вот жертвоприношение... и снова жертвоприношение – видите, жрец держит в руке отрубленную голову, а второй складывает головы в корзину... А это, видимо, вождь или какой-то высокородный горожанин, который наблюдает за жертвоприношением...

– И здесь тоже, – заметил Лафонсо Ченнинг, посветив на противоположную стену. – Я вижу, это был очень просвещенный народ. Сплошная кровища и кишки наружу.

– У майя были весьма оригинальные взгляды на жизнь и смерть, – продолжая разглядывать фрески, пояснил Блэки. – Смерть у майя – скорее символ трансформации, а не физического уничтожения. Есть легенда, которая рассказывает о двух героях-близнецах, игравших в ручной мяч с Владыкой Смерти на свои жизни. Игра была нечестной. Близнецы проиграли и прыгнули в горящую печь. Но на пятый день они воскресли и выплыли из подземной реки в виде сомов.

– Нужно сделать фотографии, – сказал Леттич, снимая с шеи фотоаппарат. – Заказчик будет весьма доволен.

– Я надеюсь, мы сюда еще вернемся более подготовленными. Главное, чтобы Национальный институт антропологии и истории Мексики ничего не узнал, – Блэки с благоговением касался фресок кончиками пальцев. – Однако ты прав, Лафонсо. Здесь действительно чересчур много сцен жертвоприношений. В других городах обычно изображался стандартный

---

⁷ Открытые в 1946 году руины города майя, которые прославились благодаря своим настенным фрескам

набор сюжетов: правитель города, батальные зарисовки, суд над проигравшими или над преступниками... И все в относительно равных пропорциях. Здесь я вижу только жертвоприношения.

– Ничего удивительного, если учесть, что сюда мы пришли по колено в костях, – фыркнув, заявил Роулинсон. – Черт, от этого склепа у меня мороз по коже... Давайте поскорее отсюда сваливать.

– Погодите, Чарли. Вот текст. Посмотрите, что здесь написано, – попросил Леттич, светя фонарем на стену. Роулинсон нехотя подошел ближе и, шевеля губами, стал читать про себя иероглифы.

– Э-э... Я не могу ручаться стопроцентно, тут какое-то неизвестное мне наречие... Но в целом – очередное пророчество, – сказал, наконец, он. – Если не ошибаюсь, речь идет о том, что конец света откладывается на тысячу двести лет – до дня 4 Ахау 3 Канкин.

– Это как? – недоуменно спросил негр.

– До 23 декабря текущего года. Не волнуйся, мастер-сержант, профессор Роберт Ситлер съел на этом 2012 году собаку, но так и не сумел накопать более-менее серьезных предостережений по поводу конца света. Все обычно завязано на разночтениях, трудностях перевода, утраченных текстах... Ни один мудрец майя прямо не заявил, что в 2012 году все рухнет в тартарары. В конце концов, масса христианских сект тоже твердила о конце света – кое-кто, кстати, срубил на этом неплохие денежки. Но пока все в порядке.

– С этим я бы поспорил, – вставил русский. – Иногда мне кажется, что конец света давно уже наступил.

– Но мы-то целы, *tovarishch*, и даже можем выпить немного «Гленфиддиша»⁸ за удачное открытие. Знали бы вы, чего мне стоило сохранять эту бутылку, когда я был вынужден пить мек-

---

⁸ Сорт шотландского виски

сиканскую мочу под видом пива и чертов кактусовый самогон с червями⁹.

Роулинсон сокрушенно покачал головой.

– А это что такое? – спросил Леттич, который шустро бродил по залу, невзирая на хромоту, и щелкал фотоаппаратом. Студент указывал на нечто, напоминающее саркофаг с зеленой мраморной крышкой, украшенной резьбой.

– Погребение, – сказал Ломакс, подойдя и рассматривая находку. – Кто бы мог быть этот господин, который тут изображен... Лафонсо, вы оставили свой чудесный ломик снаружи?

– К сожалению, оставил, проф, – развел руками морпех. – Но я попробую обойтись без него.

Ченнинг опустился на колени рядом с постаментом, уперся громадными ладонями в край мраморной зеленой плиты и, крикнув, сдвинул ее с места. Внутри действительно лежал труп, точнее, то, что от него осталось – обломки распавшегося от времени скелета. На груди, на истлевшей ткани из волокон юкки, сохранившей местами цвет индиго, стоял небольшой глиняный кувшин, покрытый окаменевшим воском и испещренный иероглифами. Узкое горлышко кувшина закрывал скарабей размером с серебряный доллар, с изогнутыми передними лапками.

В глазах Нефедова что-то мимолетно сверкнуло, сопение респиратора на миг прервалось – русский задержал дыхание. Впрочем, находка вызвала восторг у всех, так что на Нефедова никто не смотрел.

– И что это за бутылка? – гулко осведомился Лафонсо Ченнинг.

– Какой-то ритуальный сосуд, – предположил профессор. Голос его чуть дрожал от осознания увиденного.

---

⁹ Имеется в виду мескаль – традиционный для Мексики алкогольный напиток из перебродившего сока агавы. Многие марки мескаля идут в комплекте с мешочком, содержащим смесь соли с высушенными и растертыми гусеницами, живущими в побегах агавы. Эта соль используется для питья мескаля. В бутылку иногда помещается тушка гусеницы, что является исключительно рекламным трюком

Нефедов протянул руку и попытался снять жука, но тот был приклеен чем-то вроде смолы, не утратившей своих свойств за минувшие века.

Сомкнувшиеся на фигурке пальцы словно пронизал слабый электрический ток. Нефедов как-то в детстве попался на уловку старшего товарища и лизнул электроды плоской батарейки, вынутой из радиоприемника. Язык тогда сильно дернуло, а кислый вкус во рту не проходил с четверть часа. Примерно такое же ощущение он испытал сегодня, но несильный, хоть и неприятный удар только обрадовал Нефедова.

Фигурка оказалась именно тем, что он искал. И что уже отчаялся найти.

– Осторожно, – умоляюще воскликнул Блэки, протягивая руки к кувшинчику. – Давайте вынесем все это наружу!

– Да чего тянуть-то! У нас же не международная экспедиция, которая для музеев бережно каждый черепок хранит. Нужно ведь посмотреть, что там внутри, – сказал Роулинсон. – Снимай пробку, tovarishch. Не тяни. Чувствую, нам за это хорошо заплатят.

Нефедов огляделся – все члены экспедиции выжидающе смотрели на него. Виновато кивнув Ломаксу, русский с усилием сорвал скарабея и положил на плиту.

– Металлическая фигурка... – пробормотал профессор. – А ведь майя – тем более столь древние – с металлами дела вообще не имели. Найденные археологами боевые топоры изготавливались из сплава меди с оловом или золотом, купленного у южных племен, а наконечники копий и дротиков делали из кремния и обсидиана. Стало быть, фигурка появилась откуда-то со стороны...

Нефедов перевернул кувшин горлышком вниз и осторожно потряс. На ткань высыпалась пригоршня мелкого черного порошка, напоминающего молотый черный перец.

– И все?! – разочарованно спросил Леттич и щелкнул фотоаппаратом. Зажмурившись от яркой вспышки, Нефедов громко

чихнул. Движение воздуха взметнуло порошок вверх, и он повис в свете фонарей, как давешняя пыль в коридоре.

– Что это за пакость, проф? – воскликнул негр, отмахиваясь.

– Какие-то органические останки. Возможно, пища... Зерно, вино, да что угодно. Столько веков прошло... Роулинсон, а что написано на кувшине?

– Все то же самое, – сообщил Роулинсон, присмотревшись. – Здесь хранится страшное зло, которое уничтожит тех, кто его выпустит, и весь мир. Обычное дело, дай волю, они бы и на ночных горшках такое писали... Слушайте, если вы закончили, берите свою драгоценную вазу и давайте отсюда выбираться. Мне реально не по себе, плюс в рюкзаке меня ждет тридцатилетний «Гленфиддиш», которым я с радостью поделюсь со всеми желающими, раз уж появился достойный повод. Я лично не вижу тут больше ничего интересного.

– Да, похоже, здесь больше ничего нет. Но потом мы должны все осмотреть более тщательно – возможно, здесь есть какие-то потайные двери или ходы... – аккуратно укладывая кувшин в походную сумку, сказал Ломакс. Металлического скарабея Нефедов спрятал в нагрудный карман куртки, обернув в носовой платок. Фигурка уже ничем не напоминала о своей необычности, лишь едва заметно вибрировала время от времени – а это вполне могло Нефедову и казаться.

– Завтра, завтра, – поторопил Роулинсон, пробираясь к выходу из склепа. – Скоро уже стемнеет, а мы еще не ужинали.

«Гленфиддиш» в самом деле пришелся весьма кстати. Сидя у костра, археологи ковырялись вилками в банках с тушенкой и передавали бутылку по кругу. Приготовить какой-никакой праздничный ужин Леттич не сподобился – стемнело, к тому же все изрядно проголодались. Подогрели консервы на костре, да и всех делов. В воздухе зудели москиты, не решаясь набро-

ситься на обрызгавшихся репеллентами людей; где-то далеко в чаще сердито и зычно перекрикивались обезьяны-ревуны.

Солнце почти село. Отхлебнув свою порцию виски из пластикового стаканчика, Нефедов поднялся и отошел в сторонку от костра, за корявую и увитую лианами гуайяву, чтобы уединиться по нужде.

Русский сидел на корточках. Прямо над головой, на стволе дерева, трещало какое-то насекомое, вполне удачно имитируя звук бензопилы. Ночная сельва звучала совсем не так, как дневная... В опускающейся темноте сновала, летала, ползала, прыгала, поела и любила друг друга своя необычная жизнь. Если сейчас из кустов выскочит, к примеру, хищная кошка ягуарунди¹⁰, русскому может прийти нелегко... Не говоря уже о более крупных когтистых и клыкастых тварях, которые кишели в чаще.

Подумав так, Нефедов потрогал висящий на поясе тяжелый пистолет «Кольт М1911А1», купленный все у того же загорелого немца в числе прочего вооружения. Вытащил из кобуры, повертел в руке, снял с предохранителя.

В тир он ходил регулярно – Нефедову нравилось отношение американцев к оружию, нравилась Национальная стрелковая ассоциация, нравилась нерушимая Вторая поправка («Поскольку для безопасности свободного государства необходимо хорошо организованное народное ополчение, право народа хранить и носить оружие не подлежит ограничениям»). Все-го этого не было дома, в России. Нефедов искренне считал, что общество, где преступнику добыть огнестрельное оружие легче, чем законопослушному гражданину, нежизнеспособно. И одиннадцатимиллиметровый пистолет в руке придавал ему уверенность в себе, силу, даже мудрость.

Его товарищи удивились бы, узнав, что их второму врачу не раз приходилось стрелять в людей. Впрочем, с того момента,

---

¹⁰ Хищное млекопитающее семейства кошачьих. Длина тела до 80 см, хвоста до 60 см, высота в холке около 35 см. На людей обычно не нападает

как Игнат участвовал в настоящем бою, прошло уже много лет, а последнее время он лишь дырявил ростовые мишени в тире под одобрительные отзывы инструктора. Когда-то он был готов, не раздумывая, применить оружие при первой необходимости, но жизнь в благополучной Америке сделала его благодушным и расслабленным. Поэтому, когда в звенящей ночи сельвы раздался сухой винтовочный выстрел, и Фрэнсис Леттич упал лицом в костер, Нефедов растерялся.

Одежда Леттича вспыхнула, отчаянно завоняло паленым волосом. Судя по всему, несчастный студент был мертв; остальные залегли за камнями, бывший морпех наудачу выпустил очередь в темноту.

– *Tovarishch!* – заорал невидимый Роулинсон. – Ты там живой?!

– Да! – крикнул в ответ Нефедов, хотя кричать, конечно же, не следовало, ведь нападавшие могли притаиться совсем рядом. Подтянув штаны и не разгибаясь, он бросился к костру, с разбегу грохнулся ничком на каменистую почву и подполз к чернокожему здоровяку. Запах горелых тряпок сменился отвратительным смрадом горящего мяса, и Ломакс, не выдержав, поволок труп из костра за ноги. Ченнинг схватил пластиковую канистру с водой и вылил на тело и в огонь, подняв клубы пара и пепла. Костер погас, стало практически темно. Перепуганные выстрелами обезьяны завопили еще пуще прежнего, к ним присоединились разбуженные птицы.

– Что будем делать?! – задыхаясь, спросил Нефедов, лихорадочно застегивая ремень.

Снова треснул выстрел, потом другой, сверху посыпались сбитые листья – стрелок то ли взял слишком высоко, то ли специально пугал. Глаза постепенно привыкали к темноте.

– Непонятно, кто это и сколько их. Стреляли вроде бы оттуда, – махнул рукой Ченнинг. – Тихо! Что-то кричат.

Археологи прислушались. В самом деле, гортанный голос что-то отрывисто выкрикивал в темноте. Это был не испанский язык, и Лафонсо Ченнинг осведомился:

– Чарли, что он говорит? И по-каковски он бормочет?

– Юкатакский язык, один из языков майя, – отозвался Роулинсон, который в пылу сражения не утратил бутылку с «Гленфиддишем». Сделав большой глоток, он добавил:

– Кстати, хренов Мэл Гибсон снял на этом языке свой чертов «Апокалипсис», такое кино про древних индейцев.

– Лекцию прочтешь потом! – рявкнул морпех. – А что он говорит?

– Да несет какую-то хрень, опять по поводу пророчества. Страшная беда, которую мы вынули из склепа. Весь мир погибнет. Предлагает нам не сопротивляться и умереть спокойно, пока еще можно все исправить.

– Скажи им, что мы думаем, – велел Ченнинг. Роулинсон послушно выкрикнул в темноту несколько отрывистых слов. Ответом была тишина – видимо, нападавшие согласились дать пришельцам несколько минут на раздумья.

– Похоже, мы в самом деле влезли в запретное место, – заключил профессор Ломакс. – Теперь зловещее предупреждение старухи обретает смысл. Дело, конечно, не в злых духах, а в фанатизме местных жителей... Те же партизаны-сапатисты просто могут убить нас и ограбить, и в данном случае легенда о страшной беде, скрываемой в склепе, не хуже любой другой.

– Спасибо, проф, утешили, – мрачно сказал Ченнинг. – Чарли, скажи им, что мы подумали. Пускай убираются на хрен.

– Сейчас, – как ни в чем ни бывало, согласился Роулинсон и закричал во тьму. Ответом ему снова была тишина, и морпех предложил:

– Они думают, что делать дальше. Самое время линять отсюда. Вон там есть лощинка, я еще вчера тут хорошенько осмотрелся... Давайте туда, только не шумите! Я придержу их на дистанции.

– Я помогу, – неожиданно для себя произнес Нефедов.

– Окей, русский, – согласился морпех. – Если снова прикроешь мою задницу, как тогда, в Тикрите, с меня бутылка бурбона. Любишь бурбон?

– Предпочитаю скотч.

– Тогда тебе Чарли проставится. Ну, вперед!

Роулинсон не заставил просить себя дважды и резво пополз на четвереньках в указанном Ченнингом направлении, таща за собой рюкзак. За лингвистом устремился Ломакс, следом – Блэки, до сих пор молчавший и выглядевший перепуганным до смерти. Словно среагировав на движение, нападавшие тут же принялись стрелять, причем на сей раз было задействовано не менее шести-семи винтовок. Автоматов у них не было, и Нефедов внутренне порадовался – несколько «калашниковых» против их пистолетов и одной автоматической винтовки Ченнинга не оставили бы им шансов. Как говорили в годы молодости, «тут ваши не пляшут».

– Давай! – крикнул морпех и открыл огонь по сельве, двигаясь одновременно вслед за археологами. Нефедов несколько раз выстрелил из «кольта» и почти с удовлетворением услышал, как кто-то завопил от боли. Впрочем, прислушиваться было некогда, что подтвердил негр, больно ухвативший его за плечо своей лапицей и толкнувший к лощине, потому что нападавшие явно засекли вспышки выстрелов.

Лощина, а точнее, поросший густой травой желоб в крутом глинистом склоне, напоминал трассу для бобслея. Ухватиться было практически не за что, и Нефедов сразу же заскользил вниз, думая лишь об одном – не выронить пистолет. Следом, набирая скорость, пытая и отчаянно ругаясь, летел Лафонсо Ченнинг; перепрыгнув через голову русского, мимо пролетел обогнавший его рюкзак, вероятно, прихваченный рассудительным морпехом.

Вслед стреляли, но безуспешно. То ли падение, то ли скольжение закончилось, когда Нефедов врезался в колючий куст, а

ему в спину, как танк, въехал Лафонсо Ченнинг. В тыльную сторону ладони, которой русский защищал лицо, впились острые шипы, он с трудом выдрал их из кожи и заторопился на голоса остальных. За ним, дав длинную очередь вверх по склону, ломился чернокожий морпех.

– Идем на север! – скомандовал профессор, вытирая с ободранной физиономии кровь рукавом. Другой рукой он прижимал к груди сумку с упакованным кувшином.

– Почему именно на север? – несмело спросил Блэки. – Мы можем пойти в Минатитлан, например.

– Минатитлан – это большой город. Нефтеперерабатывающая промышленность, заводы, куча охранников. Нас попросту арестует полиция.

– Я уже говорил, что не хочу в мексиканскую тюрьму, – решительно заявил Роулинсон. – А что на севере?

– На севере – залив Кампече. Мы сможем найти катер или небольшое судно, которое переправит нас в Штаты. Или вы предполагаете, что мы явимся в Мехико и купим билеты на самолет? – злобно поинтересовался Ломакс. – Мы нарушили кучу законов. А в Мексике если к чему-то и относятся трепетно, так это к своей культуре и истории. Откуда мы знаем, может, эти ублюдки, которые в нас стреляли, уже сообщили властям!

– Кстати, об ублюдках, – сказал морпех. – Давайте прекратим совещание, проф, потому что они явно идут за нами. На север так на север, лично мне сейчас важнее спасти свою задницу. Давайте за мной, и никому не отставать!

И они, треща ветвями, побежали через сельву.

*«Возьми мои листья, Америка,
унеси их на Юг, унеси их на Север,
Радуйся им, куда бы они ни прилетели,
это отпрыски твоего древа»*
Уолт Уитмен

ГЛАВА ВТОРАЯ

Через фронтир

Мексика, декабрь 2012 года

Маленькая рыбацкая деревушка на берегу залива выглядела грязной и безжизненной. Однако впечатление было обманчивым – у причала качались два небольших суденышка, возле домика (всего их было три) отчаянно чесалась тощая собака, бродили разноцветные куры. Порывы ветра доносили обрывки старой песни Рики Мартина, звучащей из охрипших динамиков чьего-то радиоприемника.

– По-моему, то, что надо, – предположил профессор Ломакс, выглядывая из кустов и прячась назад.

– Мне уже все равно, – махнул рукой Роулинсон. – Идемте, наконец, туда, и все решим на месте.

Их осталось четверо – после того, как Алан Блэки угодил в индейскую ловушку и напоролся на острые бамбуковые колья. Они прошили археолога насквозь – чуть ниже левой ключицы, правый бок, правое бедро... Несчастный истошно кричал, помочь ему товарищи не сумели, и Лафонсо Ченнинг сделал то, что мог – выстрелил из пистолета в голову Блэки, прервав мучения. Это случилось на шестой день бегства через бесконечный лес, когда преследователи в очередной раз потеряли их след. С потерей Блэки русский смирился так же спокойно, как и со смертью своего приятеля Леттича. Он по-

нимал – страдать не время, страдать можно потом, а сейчас нужно одно – спастись.

Сдаться властям в самом деле не представлялось возможным, особенно после того, как Роулинсон застрелил молодого индейца, ехавшего на мопеде по лесной дороге. Зачем лингвист это сделал – он объяснить не смог, сказал, что испугался, когда выскочил из сельвы на дорогу и буквально наткнулся на мопед. Оружия у убитого не нашли, он с равным успехом мог оказаться как простым местным жителем, так и одним из неведомых преследователей, прочесывающим окрестности. В прямой контакт с ними члены экспедиции так и не вступили – все ограничивалось перестрелками вслепую. То, как умело противники находили следы, тщательно замаскированные Лафонсо Ченнингом, говорило об их большом опыте и знании сельвы.

Связи не имелось – телефоны остались в одном из брошенных при бегстве рюкзаков, равно как и значительная часть других необходимых вещей, а также продуктов. В единственном сохранившемся аппарате, принадлежавшем Ломаксу, разрядился аккумулятор.

Из-за всего этого в маленьком отряде нарастали неизбежные склоки. Конфликты, как умел, гасил Ченнинг, но и бывший морпех все чаще срывался по самым пустяковым поводам. Роулинсон ныл и злобно шутил, Ломакс трясся над своим кувшином, и только Нефедов вел себя нормально. По крайней мере, ему так казалось. Он даже не реагировал на постоянные приставания Роулинсона по поводу того, сколько людей убил злобный Сталин и не пора ли русским покаяться за преступления коммунистов, как немцы каялись за Гитлера и НСДАП.

Незадолго до того, как они вышли к побережью и обнаружили деревеньку, произошел очередной скандал: Ломакс бросился на Роулинсона после того, как лингвист принялся глумиться над его находкой. Насколько понимал русский, кувшин профессора действительно имел большую ценность – подобных со-

судов он в музеях Мексики и Штатов не видел. Несомненно, любопытной была и сделанная на кувшине надпись. Ломакс надеялся, что внутри осталась и часть высыпавшегося порошка, достаточная для определения его состава.

Лафонсо Ченнинг разрешил ситуацию моментально, всего двумя ударами огромных кулаков. Нефедов сидел в стороне и едва успел упасть на спину, уклонившись от предназначавшегося ему удара. Негр с налитыми кровью глазами склонился над ним и, скрипнув зубами, процедил:

– Извини, русский. Я не хотел тебя бить, только этих двоих. Увлёкся...

Нефедов понимающе кивнул, хотя был искренне поражен случившимся. Профессор и Роулинсон тем временем вновь принялись ссориться, осыпая друг друга проклятиями. Ченнинг тяжело покачал головой, плюнул и принялся чистить винтовку.

Вид деревушки всех немного примирил.

– Идем я и русский, – приказным тоном сказал Ченнинг. – Пока не позову, сидите здесь и не высовывайтесь.

Винтовку мастер-сержант брать не стал, спрятав ее в траве. Вместе с Нефедовым они спустились вниз и пошли по глубокому песку к деревушке. Собака подозрительно посмотрела в их сторону, коротко гавкнула и спряталась под причал.

Когда они подошли к ближайшему домику, дверь со скрипом отворилась, и на крыльцо вылез маленький старик. В руке он держал дымящуюся чашку и с интересом смотрел на пришельцев.

– Здравствуйте! – крикнул по-испански Нефедов. – Нам нужна лодка. Мы можем арендовать у вас лодку?

Старик отхлебнул из чашки, шумно прополоскал рот. Потом наклонил голову набок, словно любопытный щенок, и продолжал смотреть на гостей.

– Мы хорошо заплатим, – сказал Нефедов, нарочито жизнерадостно улыбаясь. – У нас есть деньги, много денег.

– У гринго всегда много денег, – молодым громким голосом ответил старик. – В этом нет ничего удивительного, потому что они отнимают их у всех остальных. Вы хотите кофе? Я сварил отличный кофе. Или, может быть, вы хотите выпить? У меня есть замечательная выпивка, я сделал ее сам.

– Нам нужна лодка, – устало повторил Нефедов. – Эти лодки, которые стоят возле причала, они ваши?

Русский прекрасно понимал, что их вид не вызывает доверия даже у бедного рыбака, улыбайся ему или не улыбайся... Небритые, исцарапанные, в изорванной одежде... Хорошо, что здесь нет телефона, иначе старикашка попросту позвонил бы в полицию. И совершенно правильно поступил бы, честно говоря.

– Одна моя, другая – Фернандо, только он недавно помер. И лодка у него дырявая. А куда вы хотите плыть, гринго?

Они подошли совсем близко к дому. Стало видно, что один глаз у старика – искусственный, бессмысленно глядящий куда-то вверх, что пуговицы на его застиранной рубашке оборваны, а вместо штанов на нем теплые кальсоны, сплошь покрытые пятнами, о происхождении которых лучше было не думать. Отпив кофе, старик продолжил сварливо:

– Я так понимаю, что гринго, которые не хотят купить билет на самолет или большой белый пароход, по каким-то причинам просто не могут этого сделать. Что это за причины? Вы беглые преступники? Вы удрали из тюрьмы?

– Что он городит? – нетерпеливо спросил Ченнинг. Нефедов жестом показал морпеху, что объяснит потом, и честно поведал:

– Нас преследуют... э-э... плохие парни. Мы не преступники, но так получилось. Нам нужно попасть в Соединенные Штаты.

– Это я уже понял. Уж наверное вы собрались не в Гватемалу, хе-хе... – старик противно засмеялся. – Но до Штатов – тыся-

ча километров. Плыть четыре дня, может, больше. Потом нас задержит береговая охрана, а это неприятности. Зачем мне неприятности? Они мне не нужны. Я ловлю рыбу, я стар, мне хватает денег, которые я выручаю с ее продажи. Кофе, собака, выпивка – у меня все есть. Я даже могу снять в городе шлюху, если захочу. Но я уже старый, мне никакого проку в шлюхах, к тому же я имел их за свою жизнь очень много, и хочу сказать, что все одинаковые. Никакой разницы, сеньоры, совершенно никакой.

Судя по всему, старик был настроен поболтать, благо посторонние люди в эту богом забытую деревеньку забредали нечасто.

– Скажи этому старому козлу, что я его пристрелю, а лодку заберу, – угрожающе прогудел Ченнинг.

– погоди, он просто болтун. Думаю, никуда он не денется.

– Он в любом случае никуда не денется, – заверил мастер-сержант.

– Этот твой черный приятель, он очень серьезный человек, – между тем заметил старик. – Он, наверно, сказал, что хочет меня убить? Ну-ну. Интересно, далеко ли вы уплывете в таком случае? Кроме меня, в деревне никого нет. А чертов пес вряд ли скажет вам, как завести мотор лодки.

– Все будет в порядке, – миролюбиво сказал Нефедов, хотя вредный дед и его начинал раздражать со своими философскими рассуждениями. – Я не верю, что вам не нужны деньги.

– Мне они ни к чему, я же сказал. Но они нужны моему сыну. Херардо приедет ближе к вечеру, и решит, как поступить лучше. Вы можете за это время уйти и попытать счастья где-то еще, а можете остаться здесь и подождать.

– У нас в лесу еще двое друзей. Мы вернемся к ним, а вечером будем тут, когда Херардо приедет... И еще, у вас не найдется немного еды? Мы почти не ели несколько дней...

В самом деле, беготня по сельве, по резко пересеченной местности, требовала крайне много сил и энергии. Поест же по-

лучалось только на ходу, притом спасти удалось лишь малую часть запасов, хранившуюся в двух рюкзаках. Охота успехов не принесла – во-первых, долго находиться на одном месте и устраивать костер, чтобы приготовить дичь, было весьма опасно, во-вторых, подстрелить им удалось только одну обезьяну, полусырое мясо которой оказалось отвратительным на вкус. Попадавшиеся по пути фрукты голод утоляли слабо.

– Еда, – старик почесал волосатое ухо. – Хорошо, гринго. Сейчас я принесу еду.

Он скрылся в хижине. Собака все так же подозрительно наблюдала за пришельцами из-под крыльца, изредка отвлекаясь, чтобы поймать особенно назойливую блоху.

– Он вызовет полицию, – решительно сказал Лафонсо Ченнинг, вынимая из кобуры пистолет. – Я пристрелю старого урода.

– У него нет телефона, – торопливо дернул негра за рукав Игнат. – Ты видишь – проводов нет!

– Может, у придурка мобильник.

– Откуда? Ты не в Штатах, Лафонсо. Видел деда? У него нет нормальных портков, что уж говорить о мобильнике.

– Действительно, – расслабившись, морпех убрал оружие. – Что-то я туплю, русский. Устал, видать. Старею, старею...

Старик, открыв ногой дверь, вынес глиняный горшок.

– Вот, – сказал он. – Еще теплое. Горшок принесете потом, но прежде заплатите мне десять песо.

Нефедов вручил старику пятьдесят и взял горшок, в самом деле оказавшийся еще теплым. В сосуде плескался рыбный суп, наваристый, с помидорами, острым зеленым перцем и кусками лайма.

– Постой, гринго, – старик метнулся в дом и добавил несколько кукурузных лепешек. – Если не испугаетесь, приходите вечером. Херардо нужны деньги, он еще молод.

...Чарли Роулинсон лежал навзничь среди измятой травы, раскинув руки и глядя в низкое синее небо остекленевшими глазами. Из горла его, прямо из ямки между ключиц, торчала рукоять охотничьего ножа.

Профессор Ломакс сидел в нескольких метрах от Роулинсона, обняв обеими руками сумку с драгоценным кувшином, и монотонно раскачивался взад-вперед, словно старый еврей на молитве.

– Что тут произошло, твою мать?! – свирепо закричал Ченнинг, схватил Ломакса за воротник куртки и рывком поставил на ноги. Ломакс не сопротивлялся и молчал, потупясь. Мастер-сержант замаяхнулся, но затем опустил руку и отшвырнул дрожащего профессора в сторону. Ломакс удержался на ногах и прислонился к стволу платана, продолжая баюкать и гладить сумку.

– Они, видимо, снова поругались, – предположил Нефедов.

– И проф прикончил Чарли. Это видно и слепому. Что будем делать дальше, русский? Может, пристрелить профессора? Он же чокнулся. А если он на меня бросится?

– Подожди, – попросил русский и подошел к Ломаксу. Тот стоял, уставясь в землю. Негр тем временем вытащил нож из горла покойника и закинул далеко в кустарник.

– Курт, – осторожно позвал Нефедов.

Профессор искоса посмотрел на русского. В глазах Ломакса и впрямь читалось безумие.

– Курт, зачем вы это сделали?

– Он оскорбил меня, – промямлил профессор. – Этот ничтожный, дрянной алкоголик, которому в другом месте я не подал бы руки, меня оскорбил.

– И вы убили его? За это?!

– Я? – Ломакс вытаращился на Нефедова, рот профессора был приоткрыт, по подбородку текла слюна. – Разве? Нет, я не убивал, как можно... Впрочем, я не помню... Да, вот же он лежит, в самом деле...

Ломакс уставился на разбросавший руки труп так, словно увидел его впервые.

– Как интересно, Нефедов. Зачем я его убил? У меня целый ряд научных работ... Статьи в бюллетене Археологического института, книги... Я не должен был...

– Успокойтесь, профессор, – твердо сказал Нефедов. – Успокойтесь, пожалуйста. Вы хотите есть?

– Да... Да, я очень хочу есть...

– Только после меня, – возразил морпех и принялся пить из горшка прямо через край, быстро прожевывая куски рыбы и овощей. Насытившись, он сунул горшок Нефедову, который достал из рюкзака ложку, вытер о большой лист и протянул Ломаксу:

– Ешьте. Кажется, вечером мы договоримся насчет лодки.

– Лодка... Это хорошо, хотя меня укачивает на воде, знаете ли, – бормотал Ломакс, помешивая суп. Чтобы не мешать профессору обедать, Нефедов отошел в сторонку и тихо обратился к негру, снова чистившему винтовку:

– Лафонсо, он, кажется, действительно не в себе. Но не думаю, что опасен.

– В таком случае я сейчас буду спать, а ты, русский, стереги этого идиота, раз не хочешь его прикончить, – буркнул Ченнинг, заложил руки за голову и закрыл глаза.

Нефедов некоторое время сидел рядом и бездумно рассматривал выцветшую татуировку на бицепсе чернокожего здоровяка. «Semper fidelis» – «Всегда верен», девиз Корпуса морской пехоты США. За спиной неряшливо чавкал Ломакс; русский подумал, что надо бы держать его в поле зрения, и повернулся. В следующий момент его стошнило, потому что профессор ел вовсе не суп. Он стоял на четвереньках над трупом и глодал развороченное, окровавленное горло Чарли Роулинсона.

...Старик с подозрением смотрел на приближающуюся троицу. Рядом с хижинкой стоял облезлый фордовский автофургон темно-голубого цвета, слегка покосившийся набок. Заднее правое колесо накачивал мускулистый мужчина лет сорока в клетчатых шортах и футболке «Лос-Анджелес Лейкерс». Тут же вертелась давешняя собака. Пришельцам она явно доверяла куда меньше, нежели ее хозяева, и снова поспешно спряталась под причал.

– Хай! – сказал болельщик «Лейкерс» по-английски, оставив свое занятие и приветственно подняв руку. – Я Херардо. Эль вьехо¹¹ сказал, вас должно быть четверо.

Говорил он чисто, почти без акцента.

– Один расхотел ехать, – угрюмо произнес Лафонсо Ченнинг. – Понравилось ему тут у вас в Мексике.

Херардо с уважением посмотрел на бельгийскую винтовку, висевшую у негра на плече, и кивнул на профессора:

– А с этим что?

Руки Ломакса были связаны, а конец веревки держал Нефедов. Сумка с кувшином висела за плечами сумасшедшего.

– Заболел, – коротко сказал морпех.

Херардо пожал плечами.

– Не мое дело, приятель. Заболел так заболел. Эль вьехо сказал, вы хотите в Лос Эстадос Унидос¹²?

– Да, – вступил в разговор Нефедов и поставил на крыльцо давешний горшок из-под супа. Сам он так и не смог съесть ни ложки. – Мы хорошо заплатим.

– Мы можем ехать на машине, – Херардо пнул колесо автофургона. – Плыть морем очень долго и опасно. Береговая охрана.

– А перейти Рио-Гранде – не опасно?

– Меньше опасности. Я много раз ходил туда-сюда, есть человек, который встречает на другой стороне. К тому же вам легче, на той

---

¹¹ Старик (исп.)

¹² Соединенные Штаты (исп.)

стороне вы уже у себя дома. Это мексиканца могут пристрелить и бросить обратно в реку, а вы – граждане Лос Эстадос Унидос.

– Он верно говорит, – нехотя согласился Ченнинг. – На море могут быть серьезные неприятности, да и плыть на такой калоше, что болтается у пирса, придется дня четыре.

– На машине мы доедем за сутки, – пообещал Херардо. – Это хорошая, почти новая машина.

Старик утвердительно закивал. Еще бы, судя по всему, он и купил этот рыдван еще в годы своей молодости.

– Сколько вы хотите за услугу? – спросил Нефедов.

Херардо назвал сумму. Она вполне укладывалась в имевшийся бюджет, но русский на всякий случай набавил пару сотен, сказав, что им понадобятся продукты и вода.

– И немного выпивки, – встрял Лафонсо Ченнинг. – В этой коробке будет чертовски скучно ехать.

Профессор Ломакс в разговоре не участвовал: стоял, потупясь, и что-то еле слышно бормотал себе под нос.

Когда морпех обнаружил, что тот вытворяет, то хотел прикончить профессора, но Нефедов не позволил. Труп Роулинсона они с горем пополам зарыли на холмах, сделав отметку на стволе сосны, однако оба были уверены, что вряд ли когда-либо вернуться на это место.

– Да-да, мы дадим вам еду, – закивал Херардо.

Лафонсо Ченнинг привязал профессора к перилам крылечка и ушел вслед за Херардо в дом – собирать припасы. Старик внимательно таращился на Нефедова, затем вынул из кармана рубахи самодельную сигару, помахал ею – мол, не хочешь ли? Нефедов покачал головой, старик пожал плечами и спрятал сигару обратно в карман.

– У тебя необычный акцент, – сказал он. – Ты откуда?

– Россия.

– О, советский! Я знал одного советского, когда был совсем еще молодой, моложе тебя, и жил в Мехико. Только он был не

русский, его звали Хайме Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес. Да и про то, что он советский, я только потом узнал – после того, как Хайме Рамон стукнул ледорубом по голове сеньора Троцкого. Его потом посадили в тюрьму, этого Хайме Рамона. Сеньор Троцкий тоже раньше был советский, но потом что-то наворотил, и Сталин его выгнал сюда. А там уж и Хайме Рамон появился со своим ледорубом.

Нефедов присвистнул.

– Сколько же вам лет?!

– Девяносто три, – самодовольно ухмыльнулся старик. – Я работал у сеньора Троцкого на вилле, в саду. Когда его убили, я потерял работу, пришлось уехать из Мехико. Поэтому я был очень сильно рассержен на Хайме Рамона.

Вероятно, эль вьехо мог болтать еще долго о делах минувших дней, но из хижины вернулись Ченнинг и Херардо с картонными коробками и зеленой пластиковой канистрой литров на двадцать.

– Еда, – сказал Херардо. – И вода. Сейчас я закончу накачивать колесо, залью бензин, и мы можем ехать.

– Окей, – сказал морпех. – И не забудь остановиться, чтобы купить выпивку. А главное – без шуточек. Если вы с друзьями хотите нас ограбить, я вас перебью к чертовой матери. Я был в Заливе и в Ираке, я видел, как хренова Саддама достают из его норы. Это были серьезные противники. Поверь, парень, вам до них очень далеко.

– Нет проблем, сеньор, – ответил мексиканец, прикладывая ладонь к сердцу. – Нет проблем. Но половину денег – вперед.

...Внутри фургона было жарко, а почти все свободное пространство оказалось завалено разнообразным хламом, от старых фанерных ящиков до полиэтиленовых упаковок с рулонами туалетной бумаги.

– Я ей немножко торгую, – с гордостью сообщил Херардо, как только открыл дверцу, и упаковки посыпались из фургона на песок. – Вы, наверно, думаете, что мы здесь подтираем задницу листиками агавы, хе-хе?!

Свет в фургон проникал сквозь узкие плексигласовые оконца под самым потолком. Но в целом, развалившись на мягкой бумаге, ехать можно было даже с известным комфортом. Херардо обещал, что до границы довезет пассажиров без инцидентов, правда, придется обогнуть пару крупных городов вроде Сьюдад-Виктории и Монтеррея. Ченнинг на всякий случай, невзирая на протесты русского, заткнул профессору рот кляпом из пары носков, сказав:

– А если он начнет орать рядом с полицейским участком? Пускай уж лучше сидит так, раз ты заставил меня взять его с собой. Хотя я с удовольствием зарыл бы этого чокнутого рядом с Чарли. Представь, нам еще придется волоочь его с собой через Рио-Гранде!

Кувшин лежал рядом с профессором, в сумке. Ломакс вел себя тихо, лишь злобно зыркал глазами по сторонам. Ченнинг выпил пинту какого-то местного виски и дремал. Фургон подбрасывало на колдобинах, древние рессоры скрипели и жаловались на жизнь.

Только сейчас Нефедов вспомнил, что часть экспедиционной добычи находится у него. Вероятно, остальные о ней в суматохе вообще забыли. Отвернувшись так, чтобы негр в случае чего не увидел, Нефедов расстегнул нагрудный карман и достал скарабея, завернутого в носовой платок.

Жук тускло поблескивал в лучах солнца, проходящих через мутный исцарапанный плексиглас. Он был на удивление легкий, словно алюминиевый. Но это не алюминий, в чем Нефедов тут же убедился, попытавшись согнуть тонкую лапку. Похоже на сталь, как и всегда. Хотя на самом деле этот металл никакого отношения к стали не имеет – Нефедов потратил достаточно времени, чтобы изучить состав сплава.

Еще одна находка.

Еще один предмет в его будущую коллекцию.

Исполнение было таким чистым, словно скарабей только что вышел из ювелирной мастерской. Как же он попал в склеп? Может быть, кто-то положил его туда значительно позже? Но тогда вряд ли уцелела бы дорога из черепов под ногами... Да и запечатанный жуком кувшин явно принадлежал к тому же периоду развития цивилизации майя, что и фрески на стенах...

Ладно, с этим можно разобраться позже, в Штатах. Главное – понять, что эта фигурка умеет. А это бывает иногда едва ли не сложнее, чем ее найти.

Нефедов задумчиво вертел фигурку скарабея в руках и судорожно дернулся, когда черный морпех громко всхрипнул во сне. С Ченнингом тоже явно было что-то не то. Обычно неунывающий, веселый, любящий пошутить морской пехотинец давно сделался раздражительным, жестоким, и Нефедов не без причины побаивался его. Спрятав скарабея в карман, он попытался тем не менее уснуть, но не смог – слишком уж трясло фургон.

Иногда машина останавливалась. Херардо с кем-то разговаривал, возился под капотом, стучал железяками. Однажды что-то сильно проскрежетало по борту фургона, после чего последовала долгая остановка и длительная эмоциональная перепалка; слава богу, обошлось без полиции. Ближе к вечеру, когда в фургоне стало почти темно, дверца открылась и Херардо радушно предложил:

– Можно делать свои дела.

И уточнил для глупых гринго:

– Туалетные дела.

Вокруг был лес, автофургон стоял на узкой асфальтовой дороге. Пели птицы, проезжую часть метрах в ста впереди кто-то резво перебежал – олень? Обезьяна?

– Быстро, быстро, – торопил Херардо.

Вернувшись в фургон, морпех уселся среди упаковок с рулонами и бесстрастно сказал:

– Жрать.

Профессор так и сидел в углу со связанными руками. Вроде бы спал.

Жрать так жрать, подумал Нефедов, хотя мог и обидеться. Он послушно вскрыл банки с консервами, наломал кукурузную лепешку. Поковырялся немного в жирном мясе, попил воды прямо из горлышка канистры, весь облившись на ухабах. Ченнинг безмолвно ел: опустошил свою банку, доел то, что оставил русский. Отвернулся и захрапел. Что ж, лучше пусть спит, так спокойнее...

Через полчаса Нефедов все же задремал и проснулся, когда его довольно грубо подергали за ногу.

– Эй, мы на месте! – негромко сказал Херардо.

Дверца фургона была открыта, за ней виднелась пустынная равнина, покрытая невысокими холмами.

– Рио-Браво-дель-Норте, – махнул рукой Херардо. – Она же Рио-Гранде. Вон, там.

Да, в самом деле, за холмами виднелась река. Мутная, с широкими песчаными отмелями. Нефедов тут же вспомнил, что ежегодно при попытке перебраться в США погибает примерно полтысячи мигрантов, и это только по официальным данным. Они погибают от голода и обезвоживания, могут утонуть, переходя реку, или быть убитыми при задержании. Пограничным службам удастся поймать каждого третьего нарушителя. И хорошо, если их поймают на американской стороне...

Впрочем, Игнат знал и то, что Пограничная служба США постоянно жаловалась на недофинансирование и недокомплектацию. В среднем на милю границы приходилось четыре служащих, но большинство из них работало в районах крупных городов. Остальные районы охранялись кое-как, к тому же правительство Мексики не было заинтересовано в сдерживании эмиграции: денежные переводы из США на родину составля-

ли миллиарды долларов в год, кроме того, эмиграция снижала уровень безработицы в стране.

– Пора идти, – напомнил Херардо, озираясь. – Дальше я ехать не могу.

Лафонсо Ченнинг, потягиваясь, выбрался из фургона, почесал в паху и сказал, вскидывая винтовку:

– Беги.

– Что?! – не понял Херардо, недоуменно глядя на чернокожего гиганта.

– Я сказал: беги.

Херардо сообразил, что еще раз переспрашивать явно не к месту, и бросился бежать, петляя между холмами, уродливыми кактусами и невысокими чахлыми кустиками. Ченнинг тщательно прицелился в улепetyвающую фигурку и выстрелил.

Боек сухо щелкнул.

Морпех машинально передернул затвор, но винтовка отказывалась стрелять. Да и как бы она это сделала, если ночью Нефедов опустошил магазин? Ченнинг отшвырнул бесполезное оружие и схватился было за кобуру, но его «кольта» там не было. Зато «кольт» был у русского, и смотрел прямо в широкую переносицу негра.

– Я просто хотел сэкономить, – примирительно улыбаясь, развел руками Ченнинг.

– Ты и так сэкономил. Он удрал без памяти. Зачем было еще и стрелять?

– Хорошо, я был неправ, – продолжая улыбаться, сказал морпех. – Опустим пистолет, русский.

– Нет, – покачал головой Нефедов. – С тобой что-то не то, Лафонсо. Давай каждый пойдет своей дорогой. Подними руки.

Негр громко скрипнул белыми квадратными зубами, но руки поднял:

– Давай.

– Профессора я заберу, – сказал Нефедов и крикнул: – Эй, Ломакс! Выбирайтесь наружу! Мы почти уже дома.

– Ты еще руки ему развяжи, – убрав с лица улыбку, посоветовал Ченнинг. – Чтобы он выгрыз тебе горло, как Чарли Роулинсону.

– Я как-нибудь разберусь, – пообещал Нефедов. Краем глаза он видел, как профессор неуклюже вылезает из фургона, потом связанными руками выволакивает за собой сумку с кувшином.

– Удачи, Лафонсо, – сказал русский, свободной рукой схватил конец веревки и стал пятиться, не опуская пистолета и волоча Ломакса за собой. Отойдя метров на двадцать, он увидел, что негр опустил руки и бросился к фургону, видимо, надеясь найти там патроны. Но патронов там не было и быть не могло – ночью Нефедов потихоньку выбросил их в дыру, прогнившую в полу древней автомашины.

Они быстро шли, почти бежали к серо-желтой полосе Рио-Гранде. Сумку с кувшином нес Нефедов. Ломакс то и дело спотыкался и хрипел, но упорно тащился на буксире. К черту, решил Игнат и остановился.

– Сейчас я развяжу вам руки, Курт, – сказал он, глядя в пожелтевшие и загноившиеся глаза профессора. – Вы будете вести себя хорошо? Нам придется переправляться вплавь через реку, со связанными руками вы утонете.

Ломакс часто закивал.

– Да-да... Я понимаю... Спасибо вам, мне уже лучше...

Готовясь отскочить в сторону в любое мгновение, Нефедов осторожно развязал руки Ломаксу, бросил в траву веревку, свернувшуюся петлями наподобие змеи.

– Сумка... я понесу ее... – попросил профессор.

– Ради бога, – Нефедов передал Ломаксу его «прелесть». – А теперь идемте, нечего здесь маячить.

До реки они добрались без приключений. Быстро разделись на песчаной отмели, свернув одежду в узлы, и через четверть часа барахтанья в мелкой прохладной воде были уже на американской территории.

Профессор дрожал на ветру, потешно прыгая на одной ноге и натягивая брюки.

– Куда вы собираетесь? – довольно осмысленно спросил он, застегивая ремень.

– Если ничего не случится – сесть на автобус «Грейхаунда»¹³ и поехать в Вегас. У нас есть что показать мистеру Либеропулосу. Другой вариант – доехать на автобусе до города, в котором есть прокат автомобилей, взять тачку и двигаться своим ходом. Это предпочтительнее, мы же в Штатах, у нас есть документы и деньги.

– В таком случае я поеду с вами, – сказал Ломакс. Водные процедуры явно пошли ему на пользу; он, кажется, даже ничего не помнил о случившемся, или попросту делал вид, что не помнит. – В любом случае я не умею водить машину, а на автобусе ехать слишком долго.

К небольшому городку на шоссе они вышли через час с небольшим. Шелловская бензозаправка, закусочная «Тако Белл», мотель и автобусная остановка. У дремлющего жирного кассира Нефедов осведомился, когда придет ближайший автобус.

– Через двадцать минут рейс на Сан-Антонио, – сказал кассир, зевая и отгоняя мух картонной мухобойкой.

Купив билеты, Нефедов и профессор умылись и более-менее привели себя в порядок в туалете бензозаправки, приобрели две бутылки минеральной воды, несколько шоколадных батончиков и горячие бурито в закусочной. Тяжело переваливаясь, к остановке подъехал полупустой «грейхаунд», развернулся. Водитель вылез наружу и закурил ментоловый «Салем», с унылым видом протирая зеркало заднего вида.

Мимо прокатила машина дорожной полиции штата, притормозила. Молодой полицейский в широкополой шляпе, в солнцезащитных очках, смотрел прямо на Нефедова, жующего бурито. Игнат напрягся, но мотор взревел, и машина умчалась прочь.

---

¹³ Одна из крупнейших компаний междугородного автобусного сообщения в США

– Идемте в салон, – сказал Ломакс, как всегда, прижимающий к себе сумку.

До Сан-Антонио они в основном спали, прерывая сон лишь на то, чтобы попить минералки или перекусить. В Сан-Антонио Нефедов быстро нашел прокатную контору «Авис», предъявил права и кредитную карточку, получил ключи от белого «доджа-каравана» и подкатил к профессору, который ждал на лавочке в тени.

– Грузитесь, – пригласил Игнат Ломакса.

Путь до Невады был однообразным и унылым, как любая поездка на автомобиле через южные штаты. Пыль, песок, обилие желтого, красного и оранжевого цветов. Ломакс практически не разговаривал, баюкал свою находку, смотрел в окно. Нефедов думал, что же делает сейчас чернокожий морпех. Разумеется, Лафонсо Ченнинг, как и они, уже в Соединенных Штатах. Скорее всего, он явится к Либеропулосу, чтобы получить свою долю. Что может рассказать Ченнинг? Кому поверит грек-продюсер? В любом случае скарабей и кувшин с иероглифическими письменами у них, а негру попросту нечего предъявить... Хотя скарабей, разумеется, не предназначен для чужих глаз и рук.

Кстати, жук не давал Нефедову покоя. Иногда ему казалось, что металлическое насекомое шевелится в кармане, сучит лапками, пытаясь выбраться. Иногда – что от скарабея исходит осязаемое ласковое тепло, согревающее сердце.

Что он хочет сказать?

Чему научить?

Профессор Ломакс по-прежнему не вспоминал о жуке, будучи полностью поглощен своей сумкой. Когда русский предложил убрать ее в багажник, Ломакс огрызнулся так, что Нефедов хотел вышвырнуть его у первой же заправки, но потом профессор принялся извиняться. Выгонять его Нефедов не стал, однако постоянно напоминал себе, что рядом с ним на переднем сиденье – убийца и сумасшедший.

Милях в пятнадцати от Вегаса Нефедов остановил «додж» и вышел на обочину. Темнело, на окрестности опускалась декабрьская ночь Невады, когда термометр порой опускался ниже нулевой отметки. Впрочем, сейчас было довольно тепло, вдалеке еле слышно выл койот, и на душе у русского было на редкость спокойно.

Нефедов вынул из кармана сложенную ввосьмеро карту, развернул на капоте и подсветил маленьким диодным фонариком. Пожалуй, в Вегас ехать не стоит. Вот Линза, до нее рукой подать... Зачем лишний раз показываться в многолюдном городе? Можно спокойно уйти.

Игнат свернул карту, убрал в карман и сделал несколько шагов в сторону пустыни. Потом оглянулся на автомобиль. Ломакс спал, привалившись виском к запотевшему от дыхания стеклу, чмокая губами и вцепившись в сумку. В остывающем двигателе что-то пощелкивало, мимо пронесся громадный трейлер, украшенный разноцветными огнями, словно рождественская елка.

Русский потер щеки, уколол ладони о многодневную щетину, обошел автомобиль и осторожно открыл багажное отделение. Взял бутылку воды, сунул в карман куртки и пошел в пустыню, медленно, увязая в песке. Он совершенно четко знал теперь, куда идти, знал, что в Вегасе ему делать нечего и Либеропулос обойдется без него.

И без скарабея.

Газета «Las Vegas Review Journal», 21 декабря 2012 года

ПРОФЕССОР АРХЕОЛОГИИ ПРОТАРАНИЛ ШКОЛЬНЫЙ АВТОБУС

Автомобиль «додж-караван» под управлением Курта Делано Ломакса, бывшего профессора истории и археологии университета Джона Хопкинса, на полной скорости врезался в школьный автобус. Ранены шестеро подростков, двое пострадавших находятся в крайне тяжелом состоянии. Профессор Ломакс погиб.

Инцидент произошел около 14:00 по местному времени на Фримонт-стрит. Все раненые – учащиеся средних и старших классов.

Представитель полиции Гордон Валентайн заявил, что Курт Ломакс мог находиться под действием наркотических веществ. В данный момент проводится медицинская экспертиза останков.

Сорокалетний Курт Ломакс работал в университете Джона Хопкинса в течение последних восьми лет, однако в начале 2012 года неожиданно уехал. По словам преподавателей университета, причиной отъезда их коллеги могли стать крупные карточные долги.

Источник в управлении полиции Лас-Вегаса сообщил, что белый «додж-караван» был арендован в Сан-Антонио неким Игнатом Нефедовым, гражданином России, студентом медицинского факультета Стэнфордского университета. В настоящее время местонахождение Нефедова неизвестно, полиция Лас-Вегаса ведет его поиски.

Газета «The Houston Chronicle», 22 декабря 2012 года

«ХЬЮСТОНСКИЙ АВТОМАТЧИК» ПОКОНЧИЛ С СОБОЙ

Бывший морской пехотинец, герой войны в Ираке Лафонсо Абрахам ДаМаркус Ченнинг, известный также как «Хьюстонский автоматчик», покончил с собой, взорвав бензозаправочную станцию «Амоко» на Уилкрест-стрит сегодня около 11:30.

До этого в течение двух суток Лафонсо Ченнинг терроризировал Хьюстон, обстреливая общественные места из автоматической винтовки FN FAL бельгийского производства. В результате обстрелов погибло девятнадцать человек, среди которых двое детей, ранено семнадцать, в том числе шестеро сотрудников департамента полиции, двое из которых находятся в реанимации. Попытки задержать «Хьюстонского автоматчика» к успеху не приводили – имеющий большой опыт боевых действий в городских условиях, Лафонсо Ченнинг успешно скрывался, чтобы затем нанести новый удар.

Однако сегодня офицер Прайс заметил подозреваемого, когда тот пытался заправить автомобиль бензином. Вызвав подкрепление, офицер Прайс вступил в перестрелку с укrywшимся в здании бензозаправки Ченнингом, которую вел до прибытия подразделения спецназа. В результате попытки штурма преступник произвел подрыв бензоколонки. Никто из полицейских не пострадал.

37-летний Лафонсо Абрахам ДаМаркус Ченнинг уволился из Корпуса морской пехоты США в звании мастер-сержанта. Принимал участие в Войне в заливе, а также в боевых действиях в Ираке. Награжден Бронзовой звездой и медалью «Пурпурное сердце». Чем занимался Лафонсо Ченнинг после увольнения из Корпуса морской пехоты и почему устроил бойню на улицах Хьюстона – на данный момент неизвестно. Полицейское управление Хьюстона ведет расследование.

*«Стройно, шагом, друг за другом, приготовьте ваши ружья,
С вами ли ваши пистолеты и острые топоры?»
Уолт Уитмен*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Заложники Неверлэнда

Калифорния, Соединенные Штаты, декабрь 2012 года

– Нет, умер он не здесь, – печально говорил Джордж Либеропулос, беря со столика бокал с «Шато петрю» двухтысячного года. – Майкл умер в Лос-Анджелесе, в доме, который снимал в Холмби-Хиллз. Как потом рассказал его личный кардиолог Мюррей, он поднялся на второй этаж и нашел Джексона в постели без сознания, Майкл уже не дышал... Кардиолог начал проводить сердечно-легочную реанимацию, а потом вызвал «девять-один-один». Но было уже поздно, и когда приехали медики, они зарегистрировали остановку сердца.

Продюсер рассказывал с таким видом, словно стоял у постели в последние минуты жизни покойного, а сам был как минимум его близким другом.

– Строго говоря, Джексон умер в медицинском центре Калифорнийского университета, – встрял один из гостей. Либеропулос кротко посмотрел на него, вздохнул и продолжил:

– Я купил это ранчо и постарался все оставить таким, как было при Майкле. Кое-что, конечно, пришлось изменить и подновить, но зато теперь это очень милый и уютный уголок.

«Милый и уютный уголок» представлял собой поместье площадью в одиннадцать квадратных километров, что в пять раз превышало территорию княжества Монако. За сколько купил его Либеропулос – ходили разные слухи, однако суммы ниже ста миллионов долларов не назывались.

Впрочем, причиной сегодняшней вечеринки были вовсе не очередные поминки по Майклу Джексону, а так и не случившийся конец света по версии индейцев майя. 23 декабря мир не погрузился в огненную бездну, а его не самые лучшие представители даже выпивали и закусывали, радостно отмечая сей факт.

У стола с закусками стояла и, то и дело облизывая толстые губы, наворачивала канане с черной каспийской икрой разгорающаяся звезда черного рэпа – Профессор Джей-Ти. С виду ему можно было дать не больше восемнадцати, однако, как он пел сам, «в гетто сначала стареют душой». И действительно, внешне спокойный и даже расслабленный рэпер всегда был настороже, зырая по сторонам, словно ожидая нападения.

Бритый череп, покрытый шрамами, Джей-Ти прятал под капюшоном широкого балахона с черно-белым шахматным узором. Из-под капюшона блестели большие золотые серьги в форме колец, а на груди болтался здоровенный пацифистский знак, инкрустированный маленькими рубинами. Дополняла картину жиденькая, но длинная бородка, заплетенная в косичку и украшенная крупной бирюзовой бусиной.

Запив канане ледяной русской водкой, Профессор Джей-Ти заметил своего коллегу по цеху, Краша. Краш тоже читал рэп, тоже был перспективным исполнителем и тоже что-то ел, вроде бы салат с омарами.

– Йо, брат! – сказал он, увидав Джей-Ти, и вытер майонез с подбородка. – Тут нехилая жрачка, да?

Джей-Ти подошел ближе, рэперы обнялись.

– Здесь и телки нехилые, – заметил он. – Вон, смотри.

И показал пальцем на девушку, беседующую с парочкой популярных фотографов.

Двадцатилетняя супермодель Атика была одета просто, словно пришла не на VIP-вечеринку, а собралась с друзьями по колледжу на пикник: узкие черные джинсы, короткий голубой то-

пик с физиономией Гомера Симпсона, какие-то совершенно уж легкомысленные матерчатые тапочки. Впрочем, она относилась к той категории людей, которые не имели нужды следовать моде – с определенного этапа мода начинала следовать за ними...

Хрупкая, с фигуркой четырнадцатилетней девочки, Атика носила шикарные длинные черные волосы. На фотографиях в «Вог», «Космполитэн» и «Харперс Базар» они обычно были распущены и ниспадали почти до колен, но сегодня девушка просто замотала их в некое подобие кока, заколов двумя карандашами.

Кожа девушки была смуглой, с нежным оливковым отблеском. Ее предки приехали в Штаты из Египта еще до второй мировой войны; досужие журналисты выводили родословную Атики от фараонов, другие, из идиотских таблоидов, утверждали, что ее бабка была портовой проституткой в Каире или Александрии, и потому бог весть чьи гены могли смешаться в крови фотомодели. Но главное – у нее были огромные, бездонные и глаза, окаймленные длинными черными ресницами.

– Эта черная кошечка давно уже забыла, что она черная, – скептически сказал Краш. – Ты же знаешь, как только черная девчонка разбогатеет, ее тут же тянет на белых мужиков.

– А когда разбогатеет наш брат ниггер, он тут же набивает свой «Кадиллак» белыми цыпочками, – воскликнул Джей-Ти, хлопнул Краша по плечу и оба захохотали.

– Может, хочешь нюхнуть? – осведомился Краш. – У меня с собой есть.

– У меня тоже есть, – солидно сказал Джей-Ти. – Но еще рановато. Меня после дури иногда так зарубает, что я потом не помню, чего делал. А тут кругом репортеры и другая ботва, не хочу потом видеть в журнале фотку, на которой я блюю, продев башку в сиденье от толчка. И потом, тут столько бухла, что можно утопить в нем это чертово ранчо. Кстати, как тебе оно?

– По-моему, отстой, – произнес Краш, повертев головой по сторонам, словно раньше у него не было времени осмотреться. – Да и что ожидать от чувака, который из черномазого перекарасился в белозадного.

– Отчего и помер. Господь видит правду, брат! Ниггером родился – стало быть, и помирать надо ниггером! Кстати, хорошее название для песни... Ниггером родился, ниггером померешь... йо, йо!

Профессор Джей-Ти забормотал себе под нос, подбирая подходящую рифму для продолжения, а в зале появилось еще одно действующее лицо, привлечшее к себе внимание.

Русский оказался вовсе не таким здоровенным, как принято думать о хоккеистах. Впрочем, их-то видят в основном в форме, со всеми этими каркасами и защитными щитками, а в светло-голубых джинсах «ливайс» и льняной бежевой рубашке Ростислав Шибанов напоминал скорее киноактера. Коротко стриженные русые волосы, под правым глазом – небольшой шрам, полученный в стычке с защитником «Сент-Луис блюз» еще в самом начале карьеры в НХЛ. Разумеется, шрам легко мог убрать пластический хирург, но хоккеисты – это как раз не киноактеры, они свои шрамы ценят. Именно так сказал двадцатидвухлетний Шибанов в интервью «Чикаго трибьюн», добавив, что к завершению хоккейной карьеры постарается собрать коллекцию повнушительнее.

Сейчас Шибанов восстанавливался после тяжелой травмы ноги, полученной в матче с Питтсбургом. Врачи пока не допускали его к активным тренировкам, не говоря уже об играх, а вот съездить и немного развеяться разрешили. Впрочем, Ростиславу было скучновато. Торжественных приемов и подобных вечеринок он не любил, потому что, во-первых, практически не пил, а что здесь делать трезвому человеку? Разве что говорить о спорте, но на таких вечеринках обычно говорят о кино, о музыке, а главное – о деньгах. Деньги то, деньги се,

один заработал, другой прогорел... Вон два негра, одетые, как клоуны, таращатся на него – наверное, пытаются вспомнить, кто он таков. Еще бы, они ведь стопроцентно смотрят только баскетбол, о каком хоккее может идти речь?

– Чувак, что это за плесень? Актер, что ли, какой-то? – спросил в этот момент Краш.

– Кажись, спортсмен. Я видал его рожу на обложках спортивных журналов.

– Для баскетболиста низковат.

– Да он, кажется, хоккеист.

– Если он хоккеист, то небось русский или чертов чех.

– А что ты имеешь против чехов или русских? – с интересом осведомился Профессор Джей-Ти. Краш, чавкая омарами, пояснил:

– Ну, русские вроде как всегда хотели нас завоевать, разве нет? А чехи... Чехи, наверно, им стали бы помогать. В любом случае черным ничего хорошего ждать от них не приходится. Да и хоккей этот – игра для идиотов. Не знаю ни одного черного парня, который интересовался бы хоккеем, а тем более играл бы в эту хрень.

– А как же Пит Уоррелл, «Черная пантера»? – подначивал Профессор Джей-Ти. – А Энсон Картер¹⁴?

– Это черные парни, которые играли в хоккей? – с недоверием покосился Краш.

– Ага.

– Фигня какая... Наверно, это перекрашенные белые. Как Джексон, только наоборот. Не верю, что настоящий ниггер станет бегать по льду с деревянной палкой за круглым куском резины. Ладно, хрен с ним, давай лучше поговорим про свежую десятку синглов. Ты почему съехал на седьмое место, братан?!

Шибанов вышел на балкон и спросил у пробежавшего официанта, где раздобыть холодного пива. Это был единственный ал-

---

¹⁴ Уоррелл, Картер – известные чернокожие игроки НХЛ

когольный напиток, который Ростислав хотя бы изредка себе позволял. Официант уточнил, какое именно пиво желает гость – светлое, темное, крепкое, слабое, безалкогольное, сваренное в Штатах, Канаде, Англии, Германии... Хоккеисту пришлось перебить зачитывание списка:

– Светлое, «Молсон»¹⁵.

Через полминуты он уже стоял на балконе и смотрел на ночную Санта-Барбару, ярко сияющую огнями. Внизу кто-то верещал и выл. Шибанов слегка удивился – это явно были не собаки, а более крупные звери. Впрочем, у богатых свои причуды. Дома, в России, сильные мира сего тоже взяли моду заводить себе на даче зверюшку покрупнее – то тигрового питона, то леопарда... В унисон с голосами животных в городе были автомобильные сирены. Вот полицейская, вот куда-то торопится «скорая помощь», а это – пожарные... Что-то многовато сирен, подумал Шибанов, отпивая пару глотков ледяного «Молсона».

– Эх, – тихо сказал он, – сейчас бы на Волгу...

– Там тоже ночью кричат дикие звери? Вы не бойтесь – там внизу есть зоопарк, он принадлежит хозяину этого дома. Звери все в клетках и они сытые – я видела, как их недавно кормили.

Только сейчас Шибанов понял, что на огромном балконе он давно не один.

На широких перилах сидела, свесив ноги вниз, маленькая девочка в блестящем платье.

– Привет, мисс, – с улыбкой произнес хоккеист.

– Привет, – ответила девочка. – Я вас знаю, вы из России. Спортсмен.

– Правильно, – кивнул Ростислав, – я играю в хоккей. А ты что здесь делаешь совсем одна?

– Я не одна. Где-то здесь моя мачеха, но я ее не люблю. К тому же ее интересуют только мужчины, а про меня она, скорее всего, уже забыла. Меня зовут Мидори.

---

¹⁵ Сорт канадского пива

Теперь Шибанов вспомнил, где видел это личико. Мидори Сандзо, звезда прошлогоднего диснеевского блокбастера о девочке, которая попадает в волшебную страну, чтобы спасти своего отца. Двенадцать лет, прическа «паж», огромные черные глаза. Японка по отцу. Во время второй мировой американцы сажали таких в концлагеря¹⁶...

– А меня – Ростислав.

– Очень приятно, – сказала девочка, спрыгнула с перил на розовый мраморный пол и неожиданно сделала книксен. – Вам тоже скучно?

– Не то слово, – признался Ростислав. – А уезжать вроде бы рановато, хозяин обидится...

– А я не могу уехать, пока мачеха не решит убраться отсюда. Я могла бы угнать автомобиль, но меня остановит дорожная полиция, будут неприятности. Поэтому я решила посидеть здесь и посмотреть, как звезды отражаются в воде. Но мне не нравится, что все время воют сирены. И в зоопарке кто-то кричит так, словно чувствует приближение беды...

Мидори говорила серьезно, словно старушка. Такое бывает с детьми, рано окунающимися во взрослую жизнь, будь то спорт или шоу-бизнес. А у Мидори, насколько помнил Шибанов из статьи в таблоиде, на все это накладывались еще и семейные проблемы: мать умерла давным-давно, год назад в автотрагедии погиб отец, а мачехе-опекунше маленькая актриса была нужна исключительно как источник постоянного дохода.

– Когда мы ехали сюда, я видела, как человек разбил витрину кафе, – продолжала Мидори, подойдя ближе к хоккеисту. – Это было маленькое итальянское кафе, с такой красивой зеркальной витриной. Человек взял столик и бросил, он что-то кричал при этом, я не слышала из машины. Зачем он так поступил?

---

¹⁶ В 1942 году в специальные лагеря были перемещены около 120 тысяч японцев (из которых 62% имели американское гражданство) с западного побережья США. Во многих публикациях данные лагеря называют концентрационными. В январе 1945 года законы о выселении были отменены

– Может быть, больной, – пожал плечами Шибанов. – Чего только не случается с людьми.

– Может быть, – согласилась девочка. – У него было такое страшное лицо...

Внезапно внутри, в зале, что-то загремело, послышался женский визг, крики.

– Стой здесь! – тотчас велел Ростислав, поставил пиво на перила и вернулся к столам.

Давешние расфуфыренные негры стояли друг против друга. У одного, со здоровенным пацифистским символом на шее, по щеке текла кровь из разодранного уха. Второй держал в пальцах вырванную серьгу и слизывал с нее красную жидкость.

– Что он делает?! – верещала какая-то блондинка в безвкусном леопардовом платье. – Охрана, скорее, скорее сюда!

Двое охранников протиснулись через толпу и попытались осторожно развести чернокожих смутьянов по сторонам, но тот, что был с пацификом, вырвался и закричал:

– Чертов ниггер, ты мне ухо разорвал! Зачем ты, блин, это сделал?!

Второй ничего не отвечал, только злобно смотрел по сторонам. Потом неожиданно извернулся и вцепился зубами в запястье охранника. Тот взвыл, а негр выхватил из его наплечной кобуры «глок»¹⁷ и, быстро отскочив к столам, принялся стрелять вокруг себя. Первая же пуля ударила прямо в лоб верещавшую блондинку, разнеся ее голову, словно арбуз. Вторая досталась несчастному охраннику, угодив в живот. Толпа с воплями бросилась врассыпную, переворачивая мебель и сбрасывая на пол посуду. По ковру текло, впитываясь и смешиваясь с кровью, пятидесятилетнее шотландское виски.

Через мгновение Шибанов сообразил, что остался стоять, словно статуя, среди общего панического бегства, и представ-

---

¹⁷ Марка австрийского пистолета, ряд моделей изготавливается из пластика и композитных материалов

ляет собой идеальную мишень. К счастью, чокнутый рэпер стрелял, не целясь. Быстро отпрыгнув за колонну, Ростислав сделал первое, что пришло в голову – схватил с пола бутылку и метнул в безумца.

Тяжелая бутылка угодила рэперу в плечо, он пошатнулся, поскользнулся на грудке салата и грохнулся навзничь, выпустив оставшиеся пули в потолок. Посыпалась штукатурка, битое стекло с люстры, к упавшему кинулся охранник и ногой выбил у него пистолет. Потом завернул руки негра за спину и защелкнул наручники.

Шибанов вышел из-за колонны и обнаружил, что в зале не осталось никого, не считая уже упомянутого охранника, двух трупов и второго негра, который, морщась, поливал себе на ухо «Столичную» из литровой бутылки. Этот опасным не выглядел; приложил к уху скомканную салфетку, тут же начавшую краснеть, и заметил со знанием дела:

– Красиво ты его, чувак.

– Я в детстве любил играть в городки, – рассеянно объяснил Ростислав, осторожно обходя распростертое тело блондинки.

– Это что еще за фигня, блин?! – удивился негр.

Ростислав не ответил. В зале появилось еще несколько охранников, тревожно переговаривавшихся по рации. Кто-то вызывал полицию. Прибежал и сам хозяин; пухлый грек с растерянным видом метался среди перевернутых столов, что-то бормоча себе под нос, видимо, молился.

Кто-то дернул Шибанова за рукав рубашки. Он оглянулся и увидел Мидори.

– По-моему, люди сходят с ума, – сказала она. Ростислав поспешил развернуть девочку и увести подальше от мертвых тел, и только тогда спросил:

– Что ты имеешь в виду? Негра? Он, наверное, принял какой-то наркотик...

– Нужно говорить «афроамериканец», – наставительно произнесла Мидори. – Но я не про него. Я про тех людей, которые снаружи.

– Каких людей? – не понял Шибанов. Девочка молча потянула его в сторону балкона.

Сначала хоккеист подумал, что внизу, во дворе, снимают массовую сцену для кинофильма. Но потом он понял, что это не так. Разномастная толпа людей, каким-то образом проникшая на территорию ранчо Неверлэнд, шла на штурм. Шла почти бесшумно, и это было самым жутким. Основная масса плотной толпой валила к дому. Но часть из них вломилась в зоопарк, и стало совсем страшно. Потому что оттуда сразу же послышались истошные крики животных.

Животных, которых убивали.

Возможно, рвали на части.

Ростислава толкнули плечом. Распространяя удушливый запах водки, через перила перегнулся раненый негр и протянул в недоумении:

– Твою мать... Чувак, я на это не подписывался! Я приехал сюда побухать, повертеться перед камерами, может, сбацать пару песен. Что это за хренов бунт?! Там и ниггеры, и белые... А вон с ними коп... Слушай, у вас в России вроде была революция – это тоже так выглядело?

– Она была сто лет назад, – коротко сообщил Шибанов. – Я не застал.

Чернокожего рэпера эта новость, похоже, чрезвычайно поразила, но продолжать дальнейший исторический ликбез помешал огонь, который нападавшие открыли по балкону, вероятно, заметив на нем людей. Схватив в охапку пискнувшую Мидори, Ростислав бросился в дом. За ним торопился Профессор Джей-Ти, не переставая восклицать:

– Черт! Твою мать! Черт!

– Что там творится?! – крикнул Шибанов, едва не врезавшись в одного из охранников, плотного парня со сломанным носом.

– Не знаю, сэр! – испуганным голосом отозвался тот. – Какие-то волнения... В полиции говорят, что так по всему городу... Вроде в Карсон-Сити и в Солт-Лейк тоже...

– Я же говорил – революция! – заявил негр. – Но все равно ни хрена не понимаю. Еще ладно бы черные погнали белых, это давно пора. Но они там все вместе, и в меня стрелял хренов коп, блин, я сам видел!

– Что бы ни было, отсюда надо уходить, – бросил Шибанов. Мидори вцепилась ему в шею и зашептала:

– Не бросайте меня!

– Кто ж тебя бросит... – обозлился хоккеист. Отметив, что рэпер следует за ним, Шибанов пробежал по длинному коридору и остановился, не зная, куда повернуть. Из открывшейся двери выглянула смуглая девушка и крикнула:

– Сюда! Идите сюда!

Через секунду Атика захлопнула дверь за их спинами и щелкнула замком. Шибанов посадил девочку в кресло у огромного камина и выдохнул:

– Спасибо, мисс... Вы знаете, куда идти?

– Ничего я не знаю, – хмуро произнесла Атика. В руке она держала пистолет, негр одобрительно прищелкнул языком и сказал:

– «Кел-тек» ПФ-9¹⁸! Хорошая машинка, сестра! Калибр девять миллиметров, а весит всего фунт... Жаль только, всего семь патронов влезает, в серьезном махаче не всегда успеешь перезарядить обойму... У тебя второго такого нет?

– Найди себе сам. Я взяла у мертвого охранника.

– А охранника тоже сама завалила?! – вытаращил глаза Профессор Джей-Ти.

– Там, внизу, и без меня была масса желающих это сделать.

– Что происходит? – спросил Ростислав.

– Не знаю... Я была внизу, собиралась уезжать, у меня сегодня еще важная встреча во Фриско... И тут эти люди вломились в дом.

---

¹⁸ Марка американского облегченного пистолета

– Я видел их с балкона, – кивнул Ростислав, прислушиваясь к шуму за дверью. Крики доносились издалека, несколько раз грохнули пистолетные выстрелы. Джей-Ти извлек из кармана украшенный драгоценными камнями мобильник и попытался набрать чей-то номер.

– Говорит, нету связи, – сообщил он. – Что за фигня? Как здесь, в Калифорнии, не может быть связи?!

– Это какие-то сумасшедшие... – продолжала Атика. – Они выглядели, как... как звери... Бросались на гостей, вцеплялись им в горло ...

Атика замолчала, видимо заново переживала увиденное. Ростислав внимательно слушавший девушку, тронул ее за плечо:

– Как звери, говоришь?

Атика передернула плечами:

– Если бы просто как звери, я бы не так испугалась. Мало ли – может эпидемия бешенства или еще что... Но эти... Они готовы убивать любым способом: у некоторых были ножи, ружья... А потом я увидела, как только что вполне нормальный с виду охранник вдруг вскинулся и набросился на другого, с которым они только что вместе отбивались от толпы. Он его... в общем он ему снес голову из пистолета, а потом отбросил пистолет, навалился на туловище и... И я подобрала пистолет и спряталась здесь.

– Мы тут как в ловушке, сестра! – недовольно заметил рэпер, бросая на пол окровавленную салфетку. – Надо рвать отсюда когти, пока нас не схватили за задницу. Не знаю как ваши, а мне моя очень дорога.

– Здесь есть второй выход, – Атика показала стволом пистолета на дверь в дальней части комнаты. – Там лестница, но куда она ведет – не знаю...

Комната вообще выглядела нежилой: холодный нечищенный камин, несколько совершенно разнородных кресел и сту-

льев, треснувшее зеркало, прислоненное к стене... Видимо, в этой части здания Либеропулос еще не успел произвести требуемые переделки. Хотя на туалетном столике валялись какие-то принадлежности – расческа, пудреница, еще что-то явно из женского арсенала. Да и на кровати было смежесмятое постельное белье. Может, это была комната для гостей? Для не очень привилегированных гостей. Или для прислуги. Впрочем, сейчас это меньше всего волновало Ростислава. Вряд ли кто-то мог в данный момент зайти и возмутиться, что неожиданные гости заняли его апартаменты.

– Попробуем выбраться. Возможно, там еще никого нет. Эти чокнутые разбираются с гостями, – сказал Шибанов и обратился к девочке-актрисе:

– Прости, Мидори, но мы не сможем сейчас найти твою маму.

– Черт с ней, – решительно заявила девочка. – Между нами, она была порядочной сукой.

Ростислав открыл рот, а Профессор Джей-Ти громко заржал. Атика тем временем рылась в туалетном столике, потом удовлетворенно хмыкнула и вынула большие ножницы. Подошла к зеркалу, примерилась.

– Что ты делаешь?! – воскликнул Ростислав, но Атика решительно защелкала ножницами. Через минуту ее роскошные черные волосы лежали на деревянном полу, словно шкурки ценных пушных зверей. Сама Атика стала похожа на озорного мальчишку с торчащими во все стороны короткими вихрами.

– Зачем?! – только и спросил хоккеист.

– Длинные волосы теперь мешают. Они за все цепляются, за них легко схватить... Похоже, мир изменился... Значит, пора меняться и мне.

– Давайте линять отсюда, братва, – напомнил негр. – Про прически поговорите после. Кстати, меня звать Профессор Джей-Ти. Можно просто Джей-Ти.

– Атика, – сказала Атика. – Через одну букву «Т», иначе получится название тюрьмы¹⁹. Ненавижу эту ошибку.

– Мидори, – сказала девочка.

– Ростислав, – сказал Шибанов.

– Вот и познакомились, блин, – заключил рэпер и потрогал разорванное ухо.

...Лестница привела беглецов в подвальное помещение, где стояли распакованные генераторы и большие деревянные ящики с маркировкой «Made in Japan». Слава богу, никого из нападавших здесь не оказалось, видимо, в самом деле они были увлечены охотой на гостей. Что это были за твари и почему они все разом утратили человеческий облик, Ростислав старался не думать. Сейчас нужно бежать, все размышления – после.

Из подвала по небольшой винтовой лесенке они поднялись в темный зал, судя по гулкому эху, довольно большой.

– У меня есть зажигалка, – сообщил Профессор Джей-Ти. Пощелкал ею, зажег желтый огонек, нашел на стене выключатель, повернул рукоятку.

– Смотрите, самолеты! – закричала девочка.

В самом деле, перед ними стояли два самолета, маленькие легкие модели, рассчитанные на пять-шесть человек.

– А толку? – махнул рукой Шибанов. – Надо искать автомобиль.

– Слушай, чувак, – начал сердитым тоном негр, – конечно, вы все думаете, что черномазые – тупые. Однако это не так, и у меня есть пилотская лицензия. Любительская, разумеется, но такую каракатицу я свободно могу вести.

– И сколько часов ты налетал?

– Сорок, из них двадцать – с инструктором, остальное самостоятельно. Короче, давайте разбираться, что тут с топливом и как открыть ворота, чтобы выкатиться на взлетную полосу.

---

¹⁹ Тюрьма строгого режима Атика расположена в Нью-Йорке. Была местом известного тюремного бунта в 1971 году

– Ты уверен, что нам не проще будет найти машину? – со вздохом уточнил хоккеист.

– Уверен, чувак. И еще, машина, она едет по земле. А на земле, если ты не заметил, – эти злобные уроды. Некоторые с оружием. В самолет попасть куда сложнее, я знаю, о чем говорю.

– Ладно, командуй, – согласился Шибанов. Они с Атикой и Мидори поспешили к противоположным воротам из гофрированного металла, рядом с которыми на стене был укреплен оранжевый щиток. В самом деле, там и оказался запуск механизма открытия ворот, но включать его Ростислав не торопился.

– В чем дело, чувак? – крикнул рэпер, высунувшись из кабины ближнего самолетки, черно-бело-красного. – Открывай хату!

– Вдруг они снаружи?! – возразил Шибанов. – Откроем, когда будем готовы взлететь. У тебя все в порядке?

– Если ты про горючку, то здесь ее полно. Правда, это «пайперсенека», я таким не управлял, но они все одинаковые, как одно место у девочек – если как-то раз в него попал своим болтом, больше уже никогда не промажешь. Простите, сестрицы, – поздновато осекся негр и спрятался в кабине.

– Садитесь в самолет, – велел Шибанов. – Когда заработает двигатель, я открою ворота, подбегу и запрыгну в салон. Если снаружи кто-то есть, они уже не успеют нам ничего сделать.

– Хорошо, – кивнула Атика, на мгновение замаялась и сунула Ростиславу пистолет. – Я сняла его с предохранителя.

– Да я и стрелять-то не умею, – растерянно сказал Шибанов, но фотомодель уже бежала к «пайперу», держа за руку Мидори. Они забрались внутрь, затарахтели моторы, провернулись трехлопастные пропеллеры. Ростислав сунул пистолет за пояс, опустил рубильник, под потолком мягко заурчал привод, ворота стали подниматься вверх. И, уже двигаясь навстречу калящемуся самолету, Шибанов понял, что совершил ошибку. И не одну.

Во-первых, взлетная полоса не была освещена. Очевидно, свет включался где-то в другом месте, а не одновременно с открытием ворот.

Во-вторых, на полосе в пределах досягаемости освещения из ангара стоял трактор. Небольшой ярко-зеленый трактор с навесными орудиями и приспособлениями, предназначенный, видимо, для расчистки полосы. Бежать к нему и отгонять не оставалось времени, потому что в открывшиеся ворота с двух сторон ринулись люди. Их рассматривать хоккеисту было уже совершенно некогда, и, отчаянно ругаясь, он вцепился в край открытой дверцы.

– Давай, давай! – заорал Профессор Джей-Ти.

– Трактор! – крикнул в ответ Шибанов, забрасывая тело внутрь кабины.

– Вижу!

«Пайпер», выехав из ворот, круто вильнул и зацепил трактор кончиком правого крыла. Самолетик отчаянно трянуло, Мидори взвизгнула.

– Проскочили, блин! – радостно завопил негр. – Йо!

И тут же в не успевшую закрыться дверцу буквально влетел человек. Шибанов, неудобно лежа на спине, согнул в колене больную ногу и с силой ударил незваного гостя в лицо, совсем забыв о пистолете.

– Не надо! – жалобно успел крикнуть тот, вылетая обратно. Покатившееся в темноту тело тут же облепили другие, с окровавленными руками, сжимающими ножи. Ростислав схватился за голову:

– Он был нормальный! Этот человек, он хотел спастись!

– Теперь уже поздно, – холодно сказала Атика, забирая у Ростислава пистолет. – Ты не виноват.

– Его глаза...

– Ты не виноват, – повторила Атика. – Похоже, русские в самом деле такие, как писал ваш Достоевский... Но если ты нач-

нешь посыпать голову пеплом и страдать, мы черта с два спасемся.

– Да, ты, наверное, права, – нехотя согласился Ростислав, закрывая дверцу.

– Кстати, пистолет был снят с предохранителя. Ты вполне мог себе что-нибудь отстрелить, когда засовывал его за пояс, а потом бегал и прыгал.

Ростислав промолчал.

Самолет набирал высоту, и Мидори тихо сказала:

– Смотрите...

Поместье Неверлэнд пылало. В ярком свете пламени видно было, как в стороны разбегаются человеческие фигурки. Одни спасались от огня, другие дрались между собой... Повернув голову, Шибанов увидел, что Санта-Барбара тоже горит – к черному звездному небу поднималось множество столбов дыма и огня. На Сценик-драйв что-то взорвалось, красочно разбросав в стороны искры.

– Это не революция, братва, – печально сказал Профессор Джей-Ти, вцепившийся в штурвал самолета. – Это тот самый конец света, который не должен был случиться. Блин, но мы-то вроде живы?

– С самолетом все в порядке? – спросил Шибанов. «Пайпер» как раз заложил небольшой вираж, и хоккеист увидел, как далеко внизу рушится объятая огнем башенка Церковной Миссии испанских францисканцев.

– Трясет малость, – все так же грустно сообщил рэпер. – Видимо, крыло чуток повредил, когда зацепился за этот долбаный трактор...

– Не отвалится?

– А хрен его знает, чувак... Куда летим-то? Если везде одно и то же...

– Как можно дальше отсюда. Сколько может пролететь этот самолет с полными баками?

- Не помню, чувак... Миль семьсот, небось.
- А, к примеру, до Вегаса сколько?
- Решил перед смертью спустить последние деньжишки, а?! – невесело улыбнулся рэпер. – До Вегаса меньше. Но я могу только примерно определить направление... Радиосвязь не работает.
- Как? Вообще?
- Вообще. Может, рация не в порядке... И бортовой компьютер тоже. То есть я лечу почти вслепую, братва. Наверно, в самом деле лучше было ехать на машине.
- Поздно. Значит, мы летим в Вегас, – решил Шибанов. Негр покосился на него через плечо, скорчил страдальческую рожу, но ничего не сказал.

Вегаса они достигли спустя два часа.

Город выглядел лучше, чем оставленный за бортом Карсон-Сити и покинутая в спешке Санта-Барбара. Башня Стратосфер-Таур сияла огнями, как и копия Эйфелевой башни, а вот Боулинг-центр горел. Горел и музей Элвиса Пресли, рядом с которым виднелись несколько перевернутых полицейских автомобилей. На бульваре Чарльстон происходило что-то напоминающее массовую драку, из окон верхних этажей отеля «Луксор» на глазах у опешивших беглецов выбросили несколько человек – еще живые, они летели вниз, на мостовую, нелепо дергаясь в воздухе.

Полыхал детский музей «Лид Дискавери»; о том, что там могло происходить сегодня ночью, жутко было даже думать...

– В аэропорту садиться нельзя, – заключил Шибанов, потирая виски. От увиденного и пережитого раскалывалась голова, к тому же отчаянно болела травмированная нога – он разбередил старую рану, выталкивая из самолета спасавшегося мужчину. Очень хотелось пить, но в самолете не об-

наружилось ничего из еды и питья. Судя по всему, он вообще стоял в ангаре частично разукomплектованным, и при более тщательном осмотре Джей-Ти мог это заметить. Но негр не удосужился, и теперь они летели без связи. Впрочем, было ли с кем связываться? В аэропортах могло происходить все, что угодно. И международный аэропорт Мак-каран, и аэропорт Гранд-Каньон в Тусейне были опасны, к тому же незадачливый пилот то и дело жаловался на поврежденное крыло. Тряска самолета и в самом деле ощущалась все сильнее.

– Ты хочешь сказать, что мы сядем в пустыне, чувак?! – подозрительно спросил Профессор Джей-Ти.

– В аэропорту могут быть безумцы, – рассудительно сказала Мидори.

Словом «безумцы» они автоматически стали называть злобные толпы внизу, как бы сразу согласившись, что перед ними – именно безумие. Что стало его причиной? «Хреновые флюиды, чувак. Давно было что-то такое в воздухе», – сказал Джей-Ти. «Это может быть эпидемия», – предположила Мидори. «Я не хочу об этом думать», – заявила Атика.

Красавица сидела у окна, держа в правой руке пистолет, а левой перебирая коротко остриженные пряди волос. Шибанов то и дело поглядывал на нее искоса, надеясь, что девушка тоже проявляет к нему интерес. Однако Атике было явно не до хоккеиста. А жаль, подумал Шибанов, все так хорошо начиналось: катастрофа, он в роли спасителя, знакомство, перерастающее... Во что перерастающее? В любовь? С чего бы это вдруг? Да и какой он, к чертям, спаситель... Скорее уж их спасла Атика, даже безалаберный Джей-Ти, а он, Ростислав Шибанов, всего-то выкинул из «пайпера» несчастного, который почти уже спасся... Герой, что тут еще сказать.

– Блин! – заорал не своим голосом Профессор Джей-Ти, отвлекая Шибанова от грустных мыслей и дергая на себя штур-

вал. Прямо перед носом самолетика из клубов дыма выскочил ярко-желтый вертолет одного из местных телеканалов. Мигая ходовыми огнями и треща винтом, он промелькнул в считанных сантиметрах ниже, потом неожиданно спикировал вниз и врезался в казино «Четыре королевы», превратившись в огненный шар.

– Черт... Я чуть не наложил в штаны, – признался рэпер, тревожно прислушиваясь к шуму двигателей. – И, по-моему, эта летающая мясорубка нас доконала. Молитесь, сестрицы.

«Пайпер» лихорадочно вибрировал, и Шибанов с ужасом представил, что будет, если сейчас у них отвалится крыло. Даже с парашютами – шансов никаких, а парашютов в салоне не имелось...

Мидори пристегнулась, вцепилась в спинку сиденья и закрыла глаза. По щекам ее текли тоненькие дорожки слез. Атика так и сидела, глядя в окно. Ростислав поразился спокойствию девушки и, хотя это было не к месту, ее неземной красоте.

– Атика... – неожиданно произнес он.

– Что? – спросила девушка, повернувшись.

– Я... В общем, если что-то случится, я хочу, чтобы ты знала...

Шибанов осекся. Девушка выжидательно смотрела.

– А я хочу, блин, чтобы вы держались крепче! – рывкнул рэпер и заорал, перекрывая шум двигателей:

Кто здесь рулит?

Ты делаешь вид, что не знаешь.

Мы здесь рулим!

Ты знаешь об этом, хотя делаешь вид, что не в курсе.

Кто здесь рулит?

Ты делаешь вид, что не знаешь.

Мы здесь рулим!

Ты знаешь об этом, хотя делаешь вид, что не в курсе.

*Ты делаешь вид, что не знаешь.
Вот увидишь, я порву этот клуб,
Этот хит принесет мне кучу бабла.
Ты знаешь об этом, хотя делаешь вид, что не в курсе²⁰.*

Самолет, сильно накренившись, миновал границу городской черты и понесся над пустыней. Постепенно серел песок, казавшийся сверху каким-то однородным и гладким, словно теплое покрывало на гигантской кровати. Светало. Справа в отдалении тянулась пропадающая за дюнами линия шоссе, на которой изредка попадались автомобили. Все они стояли и выглядели брошенными. Из города никто никуда не ехал, что очень удивило Шибанова. Возможно, жителей попросту не выпускали вначале полицейские кордоны или Национальная гвардия – это если предположить, что все-таки причиной является эпидемия. А потом, видимо, выпускать стало уже некого...

Но если это эпидемия, почему они целы и невредимы? Не бросаются друга на друга...

Самолет тряхнуло особенно безжалостно, Шибанов едва не треснулся головой о потолок и поспешно пристегнул ремень, поняв, что сидит, как дурень, непристегнутый, и рассуждает о вещах несвоевременных, рискуя свернуть шею в любой момент.

Каменистая поверхность, покрытая чахлыми кустиками, приблизилась и проносилась под самыми шасси самолета, предусмотрительно выпущенными Джей-Ти. Хоккеист глубоко вдохнул и поправил прикрепленный на ремне кожаный футлярчик. Обычно в таких носят мобильные телефоны, но у Шибанова там лежал металлический скорпион – фигурка, которая досталась ему в наследство от деда. Семейный талисман. Он помогал не раз – что, если поможет и теперь?

---

²⁰ Eminem feat. 50 Cent - «You Don't Know», пер. текста сделан лингво-лабораторией «Амальгама»

– Держитесь! – закричал рэпер, прервав свою грозную песнь.
– Иисус на осле, если мы разобьемся...

Что должен сделать Иисус, если они разобьются, Профессор Джей-Ти сказать не успел. Самолет ударился колесами о не-приметный бугорок, подскочил в воздух, снова стукнулся о землю. Поврежденное крыло отвалилось и, кувыркаясь, отлетело в сторону, разбрасывая куски обшивки. Затем несчастный «пайпер» лишился сразу обоих шасси, грохнулся на брюхо и, зарывшись лопастями уцелевшего двигателя на другом крыле, перевернулся.

«О год, крапленый злом и добром, –
год зловещих предзнаменований»
Уолт Уитмен

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Катастрофа

Сколково, Россия, декабрь 2012 года

Андрей Гумилев отложил подготовленную референтами сводку новостей о происходившем в Соединенных Штатах и выключил телевизор, назойливо бормотавший о том же. Происходило нечто ужасное, и это понимали все, включая самих американцев. Президент пытался как-то держать ситуацию под контролем, но все, что удавалось – это при помощи армии локализовать распространение вируса.

О том, что приходится иметь дело именно с вирусом, выяснилось в первые же часы. Специалисты-эпидемиологи исследовали трупы и живой биоматериал, в результате чего обнаружился доселе неизвестный вирус, который тут же получил сразу несколько названий – от «Армагеддона» до «вируса инфекционной шизофрении», хотя заболевание, которое он вызывал, отличалось от хорошо известной психиатрам болезни. Работа продолжалась ежесекундно, но пока вопросов было больше, чем ответов.

Некоторые люди обладали иммунитетом к вирусу. Один из пяти или шести – это довольно много, если не учитывать, что заболевшие четверо или пятеро всячески будут стараться прикончить этого самого пятого или шестого... Передавался вирус при физическом контакте, но в ряде случаев – и воздушно-капельным путем, правда, на очень близком расстоянии. Без носителя он чувствовал себя прекрасно, стало быть, мог долго

«прятаться», выжидая, когда придет жертва. Особенно нравились вирусу условия, в которых он сейчас и находился: сухой и теплый климат пустыни.

Гумилев включил монитор и посмотрел на карту Америки.

Невада, Юта, Колорадо, Нью-Мексико, Аризона... Часть Калифорнии, где Арни Шварценеггер успел решить вопрос жестко, но эффективно. Пока грустные сведения поступали только об этих шести пострадавших штатах, которые уже окрестили Закрытыми Территориями. В самом деле, военные практически перекрыли границы штатов, все более-менее значимые транспортные магистрали, а специальные отряды патрулировали их с воздуха. О том, что происходит с нарушителями карантинного режима, не сообщали, но Гумилев и так знал – тех, кто не хотел возвращаться обратно, уничтожали. Слишком высокой была цена ошибки. Так поступали и с теми, кто был явно заражен, и с теми, кто был с виду здоров. Кстати, инкубационный период точно определить пока не удалось – но в большинстве случаев люди заболевали буквально молниеносно, а определенная часть оставалась здоровыми, но являлась смертельно опасными носителями.

Изучение пойманных больных показало, что они вовсе не являются безумными, как подозревалось поначалу. У зараженного словно атрофировались все чувства и желания, кроме стремления убивать и разрушать. При этом они совершали абсолютно осмысленные действия – могли пользоваться оружием, управлять транспортом, обслуживать себя. Самое же печальное было в том, что зараженные, за редким исключением, не трогали друг друга, словно бы имея некую скрытую систему «свой – чужой». Более того, они иногда действовали согласованно. Сумели уничтожить релейные станции сотовой связи. Взорвали электростанцию. Они словно организованно воевали с обычными, здоровыми, нормальными людьми.

Мировое сообщество понимало истинные размеры грозящей опасности. Никаких осуждающих выступлений о «неужной жестокости» и прочих неуместных вещах не прозвучало. Канада и Мексика предложили содействие живой силой и техникой для блокирования Закрытых Территорий. Европейский Союз и Россия также предложили помощь, но руководство Соединенных Штатов пока молчало. Впрочем, все прекрасно понимали, что остановить распространение вируса можно будет только сообща. Последней же новостью стало решение Техаса об отделении, с которым ничего нельзя было поделаться.

Судя по всему, Соединенные Штаты понемногу переставали существовать в своем нынешнем виде.

Без стука, как разрешалось только при крайне важных делах, вошел Синцов. Молодой талантливый вирусолог и микробиолог получил карт-бланш сразу же, как только Гумилев узнал о жуткой эпидемии в Америке. Судя по синякам под глазами, Синцов уже давно не спал. Он устало опустился в кресло и сказал:

– Андрей Львович, пока ничего.

Речь шла о биоматериале, который должны были доставить из Хьюстона. Разумеется, со всеми возможными и невозможными предосторожностями, потому что исследования разрешалось проводить только на территории Соединенных Штатов. Гумилев поступал в данном случае не вполне законно, но иного способа не имелось – он хотел, чтобы вирус изучался в его российских лабораториях, заметно лучших по своим возможностям, нежели американские.

Собственно, практически все имеющиеся у него данные по вирусу «Армагеддон» Гумилев тоже получил незаконно – через хорошо оплачиваемого инсайдера в Центре контроля и профилактики заболеваемости США. Теоретически Центр был и так уполномочен Всемирной организацией здравоохранения.

ранения для рассылки образцов в научные учреждения разных стран, но в данном случае все установки оказались отменены.

– Подождем, Игорь, – мягко сказал Гумилев. – Ты бы отдохнул пока. Видишь же – все только начинается. Без нас им все равно не обойтись, они фактически теряют десятую часть штатов, притом с огромной территорией. И еще неясно, что там себе думают Флорида, Луизиана, Орегон и Аляска, которые могут пойти вслед за Техасом.

Синцов все так же устало молчал. Отличный специалист, которого Гумилев с великими трудностями переманил в свою вотчину из Государственного научного центра вирусологии и биотехнологии «Вектор» в Новосибирске, он вообще был немногословен и по возможности старался излагать свои соображения на бумаге и в виде компьютерных файлов.

– Поспи часика три-четыре. Если будут новости, тебя сразу известят.

– Хорошо, Андрей Львович, – покорно согласился Синцов, поднялся и ушел. Сразу после этого позвонил Чилингаров.

– Привет, Артур Николаевич, – сказал Гумилев, глядя на карту США, которую так и не убрал с монитора.

– Видел, что происходит? – спросил Чилингаров.

– Видел.

– Плохо дело. Как думаешь, до нас не дойдет?

– Сделаем все, чтобы не дошло, – твердо сказал Гумилев. – Там уже не до хрестоматийного гуманизма, полагаю, это и американцы понимают, и все остальные.

– Сколько жертв, – печально проговорил полярник. – Сколько жертв...

– Будет еще больше. Тем, кто останется в изоляции, очень не повезло. Конечно, будет гуманитарная помощь, какие-то телодвижения со стороны ООН, но... Пока не появится лекарство – территория закрыта.

– Закрытая Территория, так все уже и называют, – согласился Чилингаров. – Откуда же эта дрянь взялась-то?

– Кто бы знал, Артур Николаевич... Судя по тому, что американцы этого не ожидали – скорее всего, это не их секретная разработка. Чья-то чужая – возможно.

– Терроризм? – предположил Чилингаров. – Помнишь историю со скважиной «Бритиш Петролеум» в Мексиканском заливе. Сначала тоже думали, что оно само... А там не так все просто оказалось.

– Да уж, только-только расхлебали последствия – и вот тебе. Не везет американской администрации.

Чилингаров помолчал. Слышно было, как потрескивает табак, когда поляжник затягивается сигаретой.

– Я вообще-то удивлен, что ты еще не в Америке, – сказал он, наконец. – По всем приметам ты уже давно должен быть там.

– Закрыта Америка, – покачав головой, словно Чилингаров мог его видеть, ответил Гумилев. – Ты же знаешь – никого туда не пускают. Аэропорты закрыты, море – тоже... Конечно, если нажать на все рычаги, я бы туда пробрался. Но что потом? Там практически война, Артур Николаевич. С другой стороны, я думаю, что рано или поздно все равно туда полечу. Нужно найти лекарство.

– Думаешь, оно есть?

– Лекарство есть от всего. Главное – его разработать.

– Ну, ни пуха, коли так, – сказал Чилингаров. – Будут новости – звони.

– Договорились! – сказал Гумилев.

*«Доверчиво ластясь ко мне, шелестя у ног моих пеной,
Затем поднимаясь к ушам и мягко всего захлестнув,
Смерть, смерть, смерть, смерть, смерть, смерть.
И этого я не забуду»
Уолт Уитмен*

ГЛАВА ПЯТАЯ

Демон Невады

Невада, Соединенные Штаты, декабрь 2012 года

Шибанов выбрался из самолета и лег на песок, глядя в мутное утреннее небо. Несмотря на зимнее время, в Неваде было тепло – около двадцати градусов по Цельсию, но ночью температура опускалась почти до нуля, и спину изрядно холодило.

Слава богу, все оказались целы. Профессор Джей-Ти вдобавок к пораненному еще в Неверлэнде уху раскроил о приборную панель лоб и потерял свой пацифистский знак. У Мидори, судя по характерным симптомам, была трещина в ребре, и Ростислав дал ей таблетку обезболивающего и наложил импровизированную повязку, сделанную из рукавов рубашки. Атика и хоккеист пережили авиакатастрофу без потерь, хотя несчастный «пайпер» был так искорежен, что, казалось, выжить не должен был никто. Видимо, сыграло свою роль и то, что горючее было на нуле, иначе случился бы пожар.

– Блин, как же трещит голова, – пожаловался рэпер, сидящий рядом на округлом валуне. – Щас бы пивка или немного травки...

– У нас нет воды, – печально сказала Атика. – Нужно поискать воду.

– Нужно идти к городу. Точнее, не к городу, а к какой-либо цивилизации. Бензозаправка, кафе, – предложил Шибанов нерешительно. Он не был уверен, стоит ли сейчас искать пресловутую цивилизацию. Цивилизация – это люди, а люди – это, скорее всего, опасность. Сначала неплохо бы разобраться, что происходит.

– Хорошо, что сейчас не лето, хотя бы не так жарко... – жалобно сказала Мидори. – И еще я думаю вот что: там, на шоссе, я видела машины. В машинах может быть еда, вода и оружие.

– Учитесь у девчонки, – воскликнул негр, поднимаясь с камня. – По ходу, без оружия нам точно не обойтись, а пушки, которая у тебя, сестра, явно недостаточно.

– Прекрати называть меня сестрой! – сердито заявила Атика. – Думаешь, мне нужны такие братья?

– Напрасно ты так, – с укоризной и обидой пробормотал Джей-Ти. – Настали тяжелые времена, черные должны быть вместе. Вот увидишь, после такой фигни, которая случилась, в первую очередь достанется черным.

– Отстань, – буркнула Атика. Она помогла девочке подняться, отряхнула с длинного, усыпанного блестками платья песок и приставшие травинки.

– Шоссе вроде бы там, – сказал Шибанов, припоминая. При посадке самолет сбило с курса и перевернуло, но вроде бы он не ошибался.

– И держи наготове пушку, сестр... короче, на тебя вся надежда, – примирительно добавил негр и забормотал себе под нос:

Чувак, красный цвет – цвет крови на моей руке.

Черный – цвет ствола в моей ладони.

И зеленый – цвет шелковой нити,

которая растет сама по себе как дреды на африканцах.

*Легкие полны дымом от травы.
Камуфляжные костюмы и ботинки.
Что-то среднее между N.W.A. и Public Enemy.
Я черный, как Стив Бико.
Был выращен людьми в гетто.
Срал я на копов, вы знаете, как мы делаем это²¹.*

Шибанов все же немного не угадал направление, и на шоссе они выбрались позже, чем он полагал. В пределах видимости стояла лишь одна брошенная машина – серебристый «лэндкрузер», к которой они и направились.

– Стойте, – сказал внезапно рэпер. – Там, кажись, валяется какой-то чувак. Похоже,дохлый.

– Я не боюсь покойников, – отозвалась Мидори. Она стойко переносила боль, старалась не отставать и вообще вела себя молодцом. Шибанов подумал, что с переломом ребра или двух девочка стала бы для них обузой. Пришлось бы ее нести... Не бросать же, само собой. А судя по тому, что происходит вокруг, нормального доктора они встретят нескоро, если встретят вообще. Хотя должны же быть какие-то передвижные лагеря для беженцев, полевые госпитали, палатки... В фильмах герои рано или поздно к ним приходят. Обязательно приходят.

– На здоровье, крошка. Я ничего не имею против дохлого чувака, куда хуже, если он будет живой. С живыми в последний день у меня как-то ни хрена не задалось, блин.

Но покойник оказался именно покойником. Он лежал возле приоткрытой передней дверцы «лэндкрузера» и выглядел ужасно – кто-то обгрыз на руках мертвеца пальцы. Других ран видно не было.

– Да, бедняга, видать, помер сам, – заключил Профессор Джей-Ти, присев на корточки возле трупа. – А гребаные койоты объели ему пальцы. Ну-ка, что тут у нас...

---

²¹ Dead Prez – «I'm a African», пер. Темный

С этими словами рэпер залез в карман рубашки мертвеца. Извлек зажим с пачкой купюр, водительское удостоверение, сотовый. Включил, послушал.

– Ни хрена. Связи как не было, так и нет.

– Зачем тебе деньги? – спросил Шибанов с неприязнью.

– Ну, ему-то они точно не нужны, разве нет? – осведомился Джей-Ти. – А мне, может, пригодятся. А вот часики у чувака – дерьмо, штамповка. «Пульсар». Хотя вроде при бабках, и тачка ничего. Не понимаю я таких людей. Черный никогда не надел бы такие поганые часы, имея новенький «круизер».

– Интересно, он был нормальный или безумец? – спросила Мидори, которую, судя по всему, мародерская выходка рэпера вовсе не покорила. Девочка бродила вокруг машины, с интересом ее осматривая и прижав ладонь к больному месту.

– Теперь не понять, – сказала Атика, а негр добавил:

– Когда они дохлые, крошка, то все одинаковые. Я не про нормальных и безумцев, я про людей в целом.

– Да ты философ, – криво усмехнулся Ростислав. Рэпер пожал плечами:

– Жизнь в гетто многому учит. Ладно, вы как хотите, а я полез в машину и посмотрю насчет пожрать, бухла и прочего.

Забравшись в «лэндкруизер», негр принялся возиться там, потом вылез обратно и показал две бутылки минеральной воды, пачку пшеничных крекеров и банку колы.

– Держи, – сказал он, вручая Атике продукты. Потом опять нырнул в автомобиль, чтобы появиться с автоматом Калашникова. Это была старая модель, с деревянным прикладом, который не складывался и не отсоединялся. В другой руке Профессор Джей-Ти держал запасной магазин.

– Швейная машинка еще та, – с гордостью заявил рэпер. – Правда, потаскали ее изрядно, видать, не одного бедолагу завалили... Интересно, где этот мужик его взял? Оружие, прямо скажу, не его типа.

– Дай-ка сюда, – сказал Шибанов и бесцеремонно забрал автомат у негра. Тот от подобной наглости оторопел и даже ничего не возразил. Зато Атика поинтересовалась:

– Ты что, соврал мне, когда сказал, что не умеешь стрелять?

– Из пистолета сроду не стрелял, – честно признался Ростислав. – А из автомата в школе стрелял, в юнармейском кружке. Это вроде скаутов.

– Говорил мне старина Краш – русские спят и видят, чтобы кого-то на хрен завоевать, – сказал Джей-Ти. – Ладно, автомат русский, ты тоже русский, тебе и в самом деле сподручнее. Я с таким тоже дело имел, но не люблю здоровенные дуры – куда лучше хороший пистолет.

– Будет тебе пистолет, – сказал Ростислав и прикрыл глаза ладонью от неожиданно взвившегося мелкого песка. Было похоже, что надвигается песчаная буря, и это первый ее порыв, еще слабый.

– Что за черт?! – воскликнул Джей-Ти. – Только торнадо нам не хватало.

Песок взмывал с обочины и кружился, ограничивая видимость несколькими футами. Внезапно из желто-коричневой кутерьмы раздалось вкрадчивое хихиканье, пугающее и потустороннее. Мидори вцепилась в ладонь Атики, Шибанов пере-дернул сухо клацнувший затвор автомата.

– Я в машину, – быстро сказал негр, – а вы как хотите.

Хихиканье раздалось совсем близко, и прозвучало оно до того жутко, что через пару секунд все уже сидели в салоне «лэндкрузера». Там было жарко, кондиционер не работал, а когда Джей-Ти попытался завести двигатель, тот провернулся и затих.

– Бензин на нуле, – постучал рэпер пальцем по датчику на приборной доске и заблокировал двери.

В борт джипа врезался такой сильный заряд песка, что машина закачалась на рессорах. Или это был не ветер с песком?!

– Я кого-то видела! – воскликнула Атика, поднимая пистолет. На лице девушки был написан панический ужас.

– Не стреляй, дура! – испуганно крикнул негр. – Стекло разобьешь на хрен! Только попробуй...

Тут рэпер застыл с открытым ртом, потому что увидел, кто метался в песчаной пурге за стеклом.

Существо напоминало обезьяну величиной с павиана и было покрыто короткими редкими волосами серого, пыльного цвета. Сейчас оно сидело на корточках в паре футов от автомобиля и скалилось, не обращая ни малейшего внимания на бурю. Из разинутой пасти с желтыми клыками доносилось отвратительное хихиканье. Оно словно бы забиралось через барабанные перепонки в мозг, отдаваясь там бесконечным эхом.

Шибанов потряс головой и взял с колен большой, неудобный автомат. Покосился на негра – Джей-Ти так и сидел, раззявившись, борода с бирюзовой бусиной мелко тряслась. Девочка всхлипывала, но больше всего Ростислав боялся, чтобы Атика не сделала какую-нибудь глупость со своим пистолетом.

Мотая головой, словно лошадь, которую донимают слепни, хоккеист пытался отогнать назойливое хихиканье, подавляющее волю, заставляющее сесть, сложить руки и ждать, ждать неизвестно чего.

Ты слабый, что ты можешь сделать?

Сиди и жди, жди...

Шибанов изо всех сил прикусил нижнюю губу, в рот хлынула кровь. Потом поднял автомат, уперев приклад в плечо, и левой рукой быстро нажал кнопку стеклоподъемника. Стекло с жужжанием уехало вниз, в лицо тут же впилась горсть песка, щедро брошенная ветром в салон, тварь снаружи подпрыгнула на месте, словно подпружиненная, и Ростислав выстрелил.

Стрелял он из неудобного положения, ствол увело вверх и вбок – короче, Шибанов промазал. Зато треск выстрелов в ограниченном пространстве салона заставил прийти в себя остальных.

– А-а-а! – заорал Профессор Джей-Ти. – Ты в кого стреляешь, мать твою?!

– Ты его видел? – спросил Ростислав, поднимая стекло и пытаясь что-нибудь рассмотреть в суете песчинок.

– Кого, обезьяну? Ну. Вот как тебя. Наверное, удрала из зоопарка в Вегасе, тварь. Кстати, у тебя на роже кровь.

Ростислав утерся тыльной стороной ладони.

– Это была не обезьяна, – покачала головой Мидори. – Я хорошо рассмотрела – обезьяны не такие.

– Э, крошка, я видел таких парней, которые в три раза страшнее любой обезьяны, – начал было рэпер, который, похоже, после пережитого стресса болтал еще больше, чем обычно. – Был у нас парень по кличке Мистер Фри, так этот ниггер...

– погоди, Джей, – оборвал скороговорку Профессора Ростислав. – Вы слышите?

– Да, хихикает, – подтвердила Атика и поежилась. – Словно гипнотизирует.

– Я же говорю, это никакая не обезьяна, – повторила Мидори.

Шибанов пытался поймать за окнами движение, блеск жадных голодных глаз, взмах волосатой когтистой лапы. Тщетно, невидимая тварь лишь продолжала хихикать, выманивать.

Откройте двери.

Вам уже все равно, вы слабые, вы умрете.

Откройте двери, выйдите.

Шибанов поудобнее перехватил автомат и неожиданно наткнулся ладонью на футлярчик с талисманом. Футлярчик едва заметно вибрировал – или это только казалось организму, перенакачанному адреналином.

– Сидите здесь, – сказал Ростислав и открыл дверь. Вслед что-то заполошно забормотал Профессор Джей-Ти, но русский не слушал. Он, щурясь, обошел машину спереди, заметив сквозь лобовое стекло, что Атика боится его, двумя руками держа пистолет.

Что-то метнулось сзади, у багажной двери. Всего лишь перекасти-поле, уродливое колесо из травы и прутьев, ударившееся о бампер.

А вот теперь уже точно – хихиканье раздалось прямо за спиной. Шибанов резко повернулся, прижавшись спиной к автомобилю, но не успел: тварь прыгнула на него, целясь схватить зубами за горло. Все, что смог сделать Ростислав, так это поднять автомат для защиты. Зубы с хрустом впились в древесину приклада, горящие красные глаза были прямо напротив глаз Шибанова, из пасти воняло тухлятиной. В живот впились когти задних лап – словно кошка, тварь пыталась выпустить противнику кишки. Не тут-то было – удары пришлись на широкий ремень с армейской пряжкой, как-то купленный Ростиславом в Москве. Передними лапами чудовище больно цеплялось за плечи, Шибанов пытался отпихнуть его, толкая автомат, но безрезультатно.

Тут что-то грохнуло над самым ухом, в лицо брызнула густая горячая жидкость, и Шибанов съехал по борту машины, даже не успев сообразить, что его противник куда-то делся. Автомат с изгрызенным прикладом упал на камни, и сразу несколько рук потащили хоккеиста в пахнущую дезодорантом внутренность салона.

– Я его подстрелил, йо! – радостно приговаривал негр, пока Атика вытирала с лица Шибанова сгустки крови и какой-то желтой дурно пахнущей жидкости. Ростислав отстранился, глотнул воды из протянутой Мидори бутылки и поинтересовался:

– Кто стрелял?

– Я стрелял, чувак! Я вижу – эта сволочь тебя уже начинает помаленьку жрать, а сестра... в общем, сидит и смотрит. Я тогда взял у нее пистолет, опустил чуток стекло и – бац! бац! Прямо в лобешник этой гадине.

– Спасибо, – пробормотал Ростислав, который почему-то надеялся, что стреляла Атика.

– Я не смогла выстрелить, – грустно сказала девушка. – Он будто говорил мне: «Брось, не стреляй... Это не поможет...».

– Во, а я – бац! бац! И в лобешник! – опять влез Джей-Ти. – С тебя простав, чувак! Как только найдем супермаркет. Кстати, у тебя губа распухла. Рожа еще та, скажу честно.

– А буря-то стихает, – заметила Мидори.

Действительно, мельтешение песка за окном почти прекратилось, вновь стала видна пустыня с порослью засохшего кустарника. На обочине краснела большая лужа крови, пятна поменьше размером уходили вдаль, теряясь в ложбинке.

– Удрал, – гордо сказал рэпер. – Я думал, сдох. Но и так сойдет. Точно вам говорю, это была обезьяна. Я смотрел по «Энимал планет» про таких. Очень похожи, блин.

Они выпили еще воды, пустив по кругу бутылку, после чего Шибанов сказал:

– Надо идти. Будем искать машину на ходу, продукты и оружие. Не знаю, куда мы потом поедem, но сидеть на месте – еще хуже.

– Э, а ты типа у нас теперь командир, да? – усмехнулся Профессор.

– Какая разница, – пожал плечами Ростислав. – Просто надо что-то делать.

– Да я ничего. Можно оставить пистолет у себя?

– Оставляй, – сказала Атика. – У тебя в самом деле лучше получается. Я делала это только в кино.

– Для черного парня оружие – это жизнь, – наставительно произнес рэпер.

Буря окончательно утихла, и они пошли по шоссе в сторону города. Еще один автомобиль встретился им через полмили – съехавший с шоссе и уткнувшийся радиатором в кустарник старенький «фольксваген-битл». В нем не нашлось вовсе ничего полезного, зато имелись бензин и карта в бардачке. Джей-Ти сел за руль, ворча по поводу того, что европейцы всегда дела-

ли не машины, а коробки для китайской жратвы, в которые не запихнуть и кошку, завел мотор и задним ходом выбрался на трассу.

Дальше они ехали несколько миль, останавливаясь, чтобы проверить брошенные машины. В двух пикапах и «додже» они не нашли ничего, кроме сигарет и бутылки имбирного эля, зато в доме на колесах «виннебаго» был полный холодильник еды. Он уже успел подтечь без подпитки от электричества, но испортиться ничего не испортилось. Хозяев «виннебаго», как и других автомобилей, они не нашли.

Внутри дома на колесах Мидори взяла с диванчика большого розового зайца, ласково погладила по ушам и посадила на место.

– Мы можем остаться здесь. Немного отдохнуть, – сказала Атика, копаясь в аптечке. – Надо обработать все ваши синяки и ссадины.

– Синяки? У меня половина уха на хрен оторвана, а ты говоришь – синяки! – возмутился Джей-Ти. – И на лбу дырка... Все равно ехать на этой штуке нельзя, проколото хреново колесо, а запаски нету, я поглядел. Давайте пожрем и решим, что делать дальше.

Атика быстро собрала на стол, поджарила на газобаллонной плитке яичницу с беконом и помидорами. Рэпер нашел в шкафчике початую бутылку неплохого бурбона, а пивные банки из обычного холодильника переложил в портативный, засыпав кубиками льда.

– Вот это дело, – заявил он, делая большой глоток янтарной жидкости из стакана, пока Атика обрабатывала его ухо и лоб. – Не так все и хреново, братва. Этих ублюдков здесь вроде не видно, в городе, что ли, кишат... Чертову обезьяну я прогнал, может, уже сдохла в пустыне. Предлагаю двигаться на восток, в Финикс.

– Мы не знаем, что в Финиксе, – напомнил Ростислав.

– А почему нам тогда не послушать радио и не узнать, что в Финиксе?

Шибанов едва не хлопнул себя по лбу. В машине явно было радио, и в доме на колесах оно тоже было, под потолком на кронштейне плюс ко всему был прикреплен маленький телевизор «Сони». Он поискал пульт, не нашел, дотянулся до кнопки пальцем. Экран засветился, потом на нем появилось заснеженное и размытое изображение – диктор что-то говорил, звук терялся за помехами.

– Попробуй радио, – предложил Джей-Ти, но сделать они этого так и не успели, потому что Мидори спокойно сказала:

– Смотрите, к нам едет полиция.

Полицейский автомобиль со знаками полиции штата Невада на дверцах и разбитым блоком мигалок на крыше остановился метрах в двадцати от «виннебаго». Из него долгое время никто не выходил, потом водительская дверца открылась.

– Все в порядке, офицер! – крикнул Ростислав, укрываясь за высоким бортом дома на колесах. – Вы в самом деле полицейский?

– Офицер Манчини! – слышалось в ответ. – Вы нормальный, надеюсь?

– Э-э... Да, а вы?

– Я тоже. Чем докажете?

Ростислав растерянно посмотрел на Атику, стоявшую рядом. Неожиданно девушку оттер плечом Профессор Джей-Ти (возможно, здесь сыграл свою роль бурбон), вышел из-за «виннебаго» и громко сказал:

– Мы тут все нормальные, офицер. Ненормальные с вами не стали бы разговаривать.

– Ерунда, – возразил коп, показываясь из машины. В руке он держал штатный полицейский револьвер. – Со мной с утра один болтал-болтал, а потом стал палить из дробовика.

– Ты его прикончил, надеюсь? – осведомился рэпер.

Офицер Манчини выразительно хмыкнул. Теперь было видно, что это совсем молодой парень, который явно за последние пару дней был испуган чаще и сильнее, чем за всю жизнь до этого. На форменной куртке темнели пятна, брюки были разорваны на колене.

– Хотите перекусить? – доброжелательно спросил Ростислав. – Мы как раз собирались. Заодно расскажете, что у вас тут происходит. Я – Ростислав Шибанов.

– Если бы я сам знал, мистер Шибанофф, – грустно произнес коп. Он засунул револьвер в кобуру, забрал из автомобиля укрепленный в держателе дробовик и обошел «виннебаго». Заметив Мидори и Атику, удивился:

– О, да у вас тут целая компания! Это ваш «виннебаго»?

– Нет, нашли на трассе. Решили немного здесь задержаться... Хотя это выглядит не совсем законно, понимаю...

Манчини криво усмехнулся Ростиславу:

– Законы, похоже, несколько видоизменились. По крайней мере, в академии меня учили совсем другому.

Они поднялись внутрь, и Манчини принялся за еду. Видно было, что коп давно не ел; хрустя огурчиками, он жаловался:

– Нас экстренно выгнали на дежурство, всех, даже тех, кто был в отпуске... Ничего не объяснили – сказали, что начались беспорядки, что чернома... – он осекся и виновато оглянулся на рэпера. – ...Простите, афроамериканцы грабят бутики на бульваре Чарльстон. Там в самом деле творилось бог весть что, я потерял напарника, который погнался за одним козлом, тащившим из разбитой витрины драгоценности... Потом стало еще хуже. Нас вернули обратно, кого смогли найти, поручили блокировать выезды из города. Если что – открывать огонь на поражение по всем, кто ведет себя агрессивно. Прибыли люди из ФБР, которые ни с того ни с сего затеяли перестрелку с нашими... Короче, ночью я попытался выбраться к границе шта-

та, но там всех останавливают военные, открывают предупредительный огонь. Я сам видел, как они расстреляли микроавтобус с мексиканской семьей, который отказался остановиться.

– Но почему они стреляли в людей?! Почему не помогали им?! – возмущенно воскликнула Атика.

– Насколько я понимаю, это что-то вроде эпидемии. Боятся распространения заразы.

– А почему не болеем мы?!

– Не знаю. Я же не медик, мисс, – виновато пробормотал коп, уставясь в тарелку с яичницей.

– И вы вернулись в город?

– Нет, помотался еще немного по проселкам. Везде то же самое – в одном месте меня обстреляли с армейского вертолета, так, для острстки. Но если бы поехал дальше – уверен, сейчас бы тут с вами не сидел. Военные настроены серьезно.

– Не много же ты нам рассказал, парень, – уныло сказал Профессор Джей-Ти, взбалтывая в бутылке остатки бурбона.

– А я вас, кажется, знаю, – присмотревшись, обрадовался коп. – Вы же рэпер, верно? Не помню только, какой у вас псевдоним.

– Можно просто Джей, – милостиво разрешил негр.

– Мой двоюродный брат вас очень любит. Правда, родители ему запрещают слушать такую музыку. В другой ситуации я взял бы у вас автограф, но сейчас не знаю, уместно ли... Тем более брат живет в Галвестоне, а со всеми этими закрытыми границами я даже не знаю, когда смогу туда попасть...

– Ну, автограф-то не сгниет, верно? – заулыбался рэпер. – Давайте блокнотик, у копов всегда есть такие блокнотики, куда они с грозным видом чего-то пишут. И пусть пацан не слушается своих стариков, придумают тоже: запрещать...

Манчини вручил Джею-Ти блокнот, в котором тот коряво расписался, уточнив, как зовут брата. Того звали Боб.

– Значит, границы на юге и востоке закрыты? – уточнил Шибанов, когда рэпер завершил свою приятную миссию.

– Судя по всему, да. Я пытался связаться с нашими, но диспетчер в участке не отвечает. Не знаю, что и делать. Ехать домой толку мало, я живу один, волноваться не за кого. Пытаться покинуть штат я больше не рискну. Остается обосноваться где-то здесь, но не в Вегасе, Рино или других крупных городах. Там ад.

– Мы кое-что видели с самолета, – согласно кивнул рэпер. – Жуткая хрень.

Коп деликатно не стал уточнять, с какого именно самолета это видели и куда он делся потом.

– Оставайтесь с нами, – предложила Атика. – Рядом с полицейским мне будет спокойнее.

Ростислава почему-то больно укололи эти слова, хотя виду он не подал. Да и Манчини в самом деле производил приятное впечатление: мускулистый, стройный, с открытым добродушным лицом и черными блестящими волосами. Возможно, в самом деле все наладится в ближайшее время, и полицейский в компании окажется полезен...

– Присоединяйтесь, – сказал Ростислав, окончательно переборов себя. – К тому же вы хорошо знаете штат, в отличие от нас.

Полицейский доел яичницу, поблагодарил Атику и спросил:

– У вашего «виннебаго» спущено колесо?

– Нет запаски, – пояснил Шибанов.

– Тут дальше по трассе небольшая ремонтная мастерская. Возможно, там найдется то, что надо. Я бы на вашем месте не бросал такую машину.

– Значит, надо съездить и посмотреть. Но... еще одно: вы давно видели безумцев?

– Давно. Такое впечатление, что они все в городе – кроме тех,

кто пытался вырваться за блок-посты на границе. Между нами, мне показалось, что среди них было как раз очень немного безумцев ...

– И военные все равно стреляли в людей, – с горечью сказала Атика. Она обняла Мидори, которая все это время сидела тихо и слушала.

– Я не знаю, что происходит. Если правительство так поступает, значит, есть серьезные причины. Мы не больны, не бросаемся друг на друга, у нас есть оружие и машины. Значит, мы должны выжить. И поможем выжить другим.

Манчини говорил так, словно пытался убедить сам себя. Вышло у него, честно говоря, не очень, потому что грустные карие глаза копа выдавали его истинные мысли: прежний мир рухнул, и что вырастет на его обломках, сегодня не предугадать никому.

– Куда вы предлагаете ехать? – спросила Атика, продолжая обнимать Мидори.

– У моего друга есть домик в Шелл-Крик Рейндж²². Иногда мы с парнями ездим туда на пикник, остальное время он стоит пустой. Но там вполне можно жить, хотя в горах нынче прохладно. Есть печка, запас дров... А самое главное – у меня есть ключ. Там, мне кажется, будет куда проще, чем недалеко от города.

– Что ж, отдых в горах – далеко не самое плохое, что могло случиться.

– Тогда едем в мастерскую подбирать вам колесо. Здесь слишком спокойно, мистер Шибанофф, и это мне не нравится, да и дом на колесах слишком вызывающе торчит возле дороги.

– Вы думаете, он привлечет безумцев?

– Он привлечет людей, мистер Шибанофф, – многозначительно сказал коп. – А люди сегодня все стали в той или иной степени безумцами.

---

²² Горная цепь в штате Невада, место расположения национального парка

Оставив автомат Профессору Джей-Ти, хоккеист и коп погрузились в полицейскую машину и уехали за колесом, наказав, если что, закрыться в фургоне и отстреливаться. Проводив взглядом удаляющуюся точку машины, рэпер покачал головой и сказал Атике, моющей посуду:

– Ох уж мне эти белые... У него есть ключ. Кому на хрен нужен ключ, когда вокруг творится такое? Главное, чтобы этот дом не приглядел кто-нибудь до нас, а уж войти-то мы и без ключа сумеем. Верно, крошка?

Негр подмигнул Мидори.

– Я думаю, что в любой дом лучше входить при помощи ключа, Джей, – солидно сказала девочка и занялась розовым зайцем.

Тем временем Ростислав Шибанов рассказывал полицейскому историю с хихикающей тварью. Тот внимательно слушал и качал головой.

– На самом деле эта история с отгрызенными пальцами мне что-то напоминает, – сказал он, сворачивая с трассы на проселок, упирающийся в металлический сарай, возле которого стояли несколько автомашин в полуразобранном состоянии. – Вроде бы находили тела... Но я простой патрульный, я не в курсе занятий отдела убийств. Вы уверены, что это действительно не обезьяна?

– По-моему, никакая не обезьяна. И звуки, которые она издавала. Они словно бы гипнотические.

– Я уже ничему не удивляюсь, – вздохнул офицер. – Но самое плохое, что у нас нет связи. Радиоприемник молчит, такое впечатление, что кто-то глушит прием передач. Зачем? Чего мы не должны знать?

Шибанов молчал.

– А вы в хорошей форме, – одобрительно заметил коп. – Качаетесь?

– Я спортсмен. Хоккеист.

– К сожалению, не мой вид спорта. Бейсбол и только бейсбол. Болею за «Доджерс».

Полицейская машина остановилась возле поставленного на четыре кирпича облупленного «меркури», и Манчини опустил стекло.

– Эй, Тодд! – крикнул он и пояснил Ростиславу: – Вроде все в порядке, как обычно... Тодд может валяться пьяный, потому и не отзывается. Тодд!!!

Однако никто не появлялся. Коп вручил Ростиславу дробовик, сам достал револьвер и сказал:

– На всякий случай прикрывайте меня.

Возле мастерской было тихо, только ветер хлопал ржавой дверцей древнего автомобиля. На скамеечке у сарая валялся заляпанный машинным маслом номер «Хастлера»²³ с грудастой брюнеткой на обложке, на гвоздике висел старый радиоприемник «Филко» из зеленого выцветшего пластика. Пейзаж был совершенно безжизненный.

– Тодд! – окликнул Манчини.

– По-моему, здесь пусто.

– Может, он за каким-то чертом уехал в город, – предположил коп. – Это не мешает нам найти колесо, но слишком уж здесь спокойно... Да и дверь бы он закрыл.

Похоже, Манчини не любил спокойствия. Подняв револьвер, словно на учениях, он вошел внутрь сарая, благо дверь была действительно распахнута настежь. Шибанов последовал за копом и постоял немного, чтобы глаза привыкли к полутьме после уличного яркого солнца.

– Тодд, – снова позвал полицейский. В углу, за составленными один к другому снятыми капотами, что-то завоzilось. Шибанов вскинул дробовик, но из-за капотов выскочил облезлый койот, оскалился и испуганно метнулся в дверь.

---

²³ Популярный журнал для мужчин

– Этих тут полно развелось в последние годы, – сказал коп. – Раньше было меньше. Надеюсь, он там не Тоддом завтракал?

Нет, труп Тодда не обнаружилось. Искать его в других местах тоже не пришлось, потому что Тодд объявился сам, прыгнув на спину полицейскому со стеллажа над капотами. Судя по всему, он выжидал там, пока Манчини не нагнется и не опустит свой револьвер. Шибанов стрелять не мог – дробь угодила бы в полицейского.

Тодд истошно визжал, пытаясь задушить Манчини. Полицейский хотел было выстрелить в прицепившегося автомеханика, но тот выбил револьвер из руки. Шибанов выбрал удачный момент, занес дробовик и огрел Тодда прикладом по спине. Механик свалился на земляной пол, и коп принялся охаживать его ногами до тех пор, пока Ростислав не оттащил Манчини в сторону.

– Сволочь... – бормотал полицейский, поднимая потерянную в драке шляпу и отряхивая с нее ржавую пыль. – Тоже один из них... Никогда не знаешь заранее, пока тварь не бросится.

Шибанов тем временем связал руки и ноги валявшегося без сознания Тодда кусками электропровода. Механик оказался загорелым тщедушным старичком лет семидесяти и лежал сейчас, бессильно приоткрыв беззубый рот.

– Он живой? – с опаской спросил Ростислав.

– Какая разница? – зло сказал Манчини. – Если живой, его надо прикончить. Или вы собрались взять пленного, мистер Шибанофф?

– Но... Это же больной...

– Это монстр. Опасное животное, – произнес Манчини, сощурив глаза. – Вдвойне опасное тем, что у него есть остатки разума. Если его отпустить, он может убить кого-нибудь. Если его забрать с собой, кто с ним будет возиться? В один прекрасный момент он вырвется, а у нас есть женщина и ребенок. А по до-

рогам их сейчас бродят тысячи – вы собираетесь открыть для них летний лагерь?

Вот как, отметил про себя Ростислав, уже «у нас». Быстро же он обвыкся.

– Если вам неприятно смотреть – выйдите, – сказал коп, проверяя револьвер. Ростислав вскинул на плечо дробовик и вышел. Сзади сухо треснул выстрел, потом Манчини завозился в глубине гаража с какими-то железяками. Вышел, катя перед собой колесо.

– Кажется, то, что надо, – как ни в чем ни бывало, сказал он. – Грузите его в багажник, я прихвачу еще парочку, на всякий случай.

Протектор колеса был испачкан свежей кровью.

«Мне любо глядеть на звезды и полосы
и слушать оркестр,
играющий «Янки Дудль»
Уолт Уитмен

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рейдеры

Невада, Соединенные Штаты, декабрь 2012 года

Ростислав Шибанов сидел на плоской крыше «виннебаго» и глядел на расстилавшуюся перед ним не менее плоскую равнину, вдали переходящую в горы. Если бы не полоса дороги, пейзаж был бы таким же, как, наверное, тысячу или даже десять тысяч лет назад.

Ошибается ли он в Манчини? Добродушный и перепуганный, вчера в гараже он вел себя совсем иначе. Возможно, безумного старика-механика в самом деле следовало убить, но полицейский сделал это как-то уж очень... напоказ что ли... Или это была спонтанная реакция на все пережитое?

Ростислав вспомнил рассказ приехавшего копа.

«Со мной с утра один болтал-болтал, а потом стал палить из дробовика... Ты его прикончил, надеюсь?». И выразительное хмыканье Манчини.

Конечно, молодой коп мог и соврать для престижа. Рэпер это оценил. И все равно Шибанов чувствовал, что с Манчини не все в порядке. Нет, он не безумец, но – не в порядке. И оставлять с ним Атику и Мидори он боялся.

Тем не менее сейчас в доме на колесах мирно спали все трое, а Профессор Джей-Ти заливал горючее в бак. Здесь уже поживились до них, но в цистерне кое-что осталось, а вот магазинчик при бензоколонке разграбили подчистую, а что не могли

унести, то растоптали и разбили. Возможно, это было делом рук безумцев, но с тем же успехом так могли поступить обычные люди. Чтобы не оставлять никому.

Шибанов слышал, как Профессор Джей-Ти речитативом выдает старую песню группы Public Enemy:

*Элвис был героем для многих,
Но я его никогда не ценил, видишь ли,
Как пить дать, этот козел был расистом,
Что ясно как белый день,
В жопу ж его с Джоном Вэйном в придачу!
Ведь я Черный и гордый,
Я готов и я крепок, к тому же я набрался сил,
Большинство моих героев не найти на марках.
Оглянись назад и ты обнаружишь
Одних только белых на протяжении 400 лет,
если внимателен.
«Не унывай и будь счастлив»²⁴
Эта песня стала номер один.
Черт, если скажу так, можешь вмазать
мне прямо сейчас.
(Пойми!) Пускай эта вечеринка будет правильной,
В самую точку! Давайте!
Что нам надо сказать?
Вся власть народу без промедления!
Чтобы все поняли,
Чтобы боролись с властью!²⁵*

За первый день пути они не раз встречали «обычных». Те ехали в автомобилях, шли пешком по обочине или вдали, парал-

---

²⁴ «Don't Worry, Be Happy» - название песни американского музыканта Бобби Макферрина и содержание ее посылка («Не унывай и будь счастлив!»). Песню ненавидят многие черные рэперы, считая ее квинтэссенцией примирения с расизмом

²⁵ Public Enemy - «Fight The Power», пер. Wow-One

лельно дорогам. Чем дальше от крупных дорог, тем больше попадалось людей. Но никто не заговаривал с ними – одни смотрели вслед с завистью, другие – с ненавистью. Даже на попытки Манчини вступить в беседу они никак не реагировали, лишь один мужчина злобно пробормотал что-то о копах, расстрелявших его семью в Рио.

Иногда над пустыней пролетали военные вертолеты или самолеты с эмблемами ВВС США. Дважды с вертолетов сбрасывали ящики с гуманитарными грузами – в первом были медикаменты, из которых они взяли немного, второй упал далеко от трассы и был расхвачан небольшим отрядом, шедшим на север. Когда место падения уже скрылось из виду, в той стороне раздалась выстрелы.

Несколько раз попадались и безумцы. Двое из них, коренастый мужчина в остатках дорогого костюма и женщина средних лет в костюме для джоггинга, свернули из пустыни на трассу и долго бежали за фургоном, бросая камни и крича что-то бессвязное.

Потом подросток выстрелил в Шибанова из охотничьего ружья, выскочив из-за перевернутого на обочине трейлера. Не попал; возможно, он даже не был безумцем, просто перенервничал. Но в целом Манчини, видимо, оказался прав – большинство зараженных осталось в городах, где хранились запасы продовольствия и оружия, а главное – под рукой все еще имелись потенциальные жертвы. Разумеется, тысячи здоровых прятались в своих квартирах и офисах, но им ничего не светило.

Помочь им не мог никто. Высадка десанта грозила заражением высадившихся, точно так же взятые на борт здоровые с виду люди могли оказаться носителями вируса.

Из редких пробивающихся сквозь помехи радионовостей беглецы узнали, что от Соединенных Штатов отделился Техас, что в Калифорнии удалось навести порядок, потеряв часть штата, включающую в том числе Санта-Барбару и поместье Невер-

лэнд. Постоянно передавались воззвания президентской администрации, обещавшей в ближайшее время решить проблему и найти вакцину, призывавшей хранить терпение и принимать все горести и лишения с достоинством.

Шибанову было особенно интересно, что произошло с военными базами, оказавшимися на Закрытой Территории. А их было предостаточно – базы ВВС Неллис и Хилл Эйр, Аоури и Форт Карсон, Академия военно-воздушных сил в Колорадо и даже таинственная «Зона-51», на которой еще с со-роковых годов якобы хранились космические корабли пришельцев. Скорее всего, что-то успели вывезти, часть лично-го состава – эвакуировать, благо вирусу на базы проникнуть было посложнее, чем в другие места. Но ведь там много чего осталось. Например, боевые самолеты или ядерные ракеты. По словам Манчини, безумцы часто вели себя вполне рационально, использовали оружие, могли вести машины... Что может помешать им сесть в боевой самолет и сбросить ядерную бомбу? Понятное дело, на границе такой самолет со-бьют, но что мешает в приступе безумия «уронить» ее на тот же Лас-Вегас?

Это было еще одной причиной уехать подальше от крупных населенных пунктов.

– Эй, чувак! – позвал снизу Профессор Джей-Ти. – Ты там наблюдаешь за окрестностями или передергиваешь затвор?

– Наблюдаю, – поспешно отозвался хоккеист, подтягивая поближе лежащий на крыше «калашников». – А что такое?

– А то, что к нам приближается тачка, и я ее вижу, а ты – ни хрена!

Ростислав обернулся и в самом деле увидел в миле от них ползущий в облаках пыли минивэн. Он спустился по лесенке с фургона и постучал в окошко. За стеклом появилась сонная физиономия Манчини.

– У нас гости! – крикнул Шибанов. – Выходи!

Через минуту полицейский уже стоял рядом с ним, держа в руках дробовик.

– Я пока не буду высовываться, – сказал коп.

Грязно-белый полноприводный «пontiак-монтана» не торопясь подъезжал к «виннебаго». Было видно троих, сидящих внутри минивэна; вроде бы одна из них – женщина. Ростислав высунулся из-за фургона и поднял автомат, показывая, что вооружен. Этот жест вряд ли станет лишним, подумал он, и, видимо, угадал – «пontiак» остановился довольно далеко, из задней дверцы вылез человек и пошел к ним, подняв руки. Это ничего не значило – оружие вполне могло быть у оставшихся в салоне.

– Стой! – крикнул Шибанов. – Что вам нужно?

– Горючее не повредило бы! – весело отозвался пришелец, одетый в кожаные брюки и джинсовую куртку. Ноги в ковбойских сапогах из змеиной кожи лихо щелкнули каблуком о каблук.

– Мы последнее высосали, извини, – сказал Профессор. – Больше тут и нет ни хрена.

– А вы куда направляетесь?

– А вам какая разница? – спросил Шибанов.

– Я просто спросил, мужик. Никаких проблем, – покачал головой ковбой. У него были длинные рыжие волосы, собранные в хвост, глаза скрывали черные солнцезащитные очки. – А вы не продадите нам немного топлива?

– Смысл? Деньги мало чего стоят.

– Это верно, но я бы заплатил жратвой. Или выпивкой, если угодно.

– Прости, дружище, но у нас впереди много миль пути и почти сухие баки, – развел руками Ростислав. – С продуктами у нас как раз более-менее нормально, а вот с бензином...

– Ладно, без обид, – все так же весело согласился ковбой. – Удачи вам. Может, еще встретимся.

Он повернулся и зашагал к минивэну. Как только ковбой сел в машину, она лихо развернулась и помчалась прочь, подсакивая на неровностях дороги.

– Назад они поехали более резво, – задумчиво сказал Манчини.

– А мне не понравился его базар, – скривился рэпер. – «Может, еще встретимся». По мне, так это прозвучало как угроза. Это дерьмо из южных штатов со всеми так разговаривает, не говоря уже про черных. Видали, как он на меня посмотрел?

– Он был в темных очках, Джей, – попытался успокоить негра полицейский. – Как бы мы могли увидеть, как он на тебя посмотрел?

– Да я видел через очки, – настаивал Профессор, размахивая шлангом насоса. – Эти любители овец спят и видят, как бы вздернуть ниггера. Давайте отсюда поскорее убираться, пока он не вернулся с друзьями.

– Может, их всего трое и есть.

– В самом деле, поторопимся, – поддержал рэпера Шибанов. – Торчим здесь, как чирей на одном месте.

– Что у вас случилось? – спросила Атика, выглядывая из фургона и сонно моргая.

– Ничего, были гости, хотели купить бензин. Сейчас поедem, – успокоил ее Профессор.

Вел Манчини, а хоккеист с негром сидели на диванчике у заднего окна и пили баночное пиво. Шибанов здраво рассудил, что тренировки его ожидают очень нескоро, а пара банок в день для его физической формы суцая чепуха. К тому же пиво быстро закончится – заводы не работают, а старые запасы рано или поздно испортятся.

– Небось думаешь о том же, о чем и я, чувак? – поинтересовался Джей-Ти, сминая опустевшую банку.

– О чем же?

– О том, что все это уже было в кино. Помнишь, «Ночь живых мертвецов»²⁶ и прочую фигню? Когда эти парни выбираются из своих могил и бродят по стране, хватая живых. А живые вместо того, чтобы объединиться и врезать им по протухшим задницам, дерутся между собой. Помню, я смотрел и хихикал – уж больно потешные были эти мертвецы, которые еле-еле ковыляли и бормотали: «Мозги! Мозги!».

Рэпер показал восставшего мертвеца довольно искусно, и Мидори, наблюдавшая за ними, засмеялась.

– Мне предлагали сняться в одном из сиквелов «Живых мертвецов», – сказала она. – Дочерью главного героя. Я не стала читать весь сценарий, но начинается с того, что люди плывут на катере по Миссисипи и ищут место, где пристать.

– Видишь, все это уже было, – поднял палец Профессор. – Мы сейчас тоже плывем и ищем, где пристать. А пустыня или Миссисипи – какая, на хрен, разница...

– В кино герои всегда спасаются, – неуверенно сказал Шибанов.

– А вот и нет! В «Ночи живых мертвецов» нормального такого черного парня прикончили ни за что, когда он почти спасся. Застрелил козел, похожий на того, что кланчил у нас бензин. В сиквелах тоже заканчивалось уныло. Эй, крошка, ты не заглядывала в конец сценария, чем там у тебя все кончилось?

– Я же говорю – сценарий не дочитала. Меня пригласили в продолжение «Трансформеров».

– Я тоже мечтал сняться в кино, но так и не успел, – развел руками негр и уставился в окно, что-то заметив. – Слушай, мне кажется, или сзади кто-то едет?

Ростислав присмотрелся и увидел, что «виннебаго» нагоняют сразу два автомобиля. Один из них вроде был давешний ми-

---

²⁶ «Ночь живых мертвецов» (Night of the Living Dead, 1968) – культовая лента режиссера Дж.Ромеро, ставшая родоначальником своеобразного поджанра фильмов ужасов - о восставших мертвецах, или зомби. До этого существовали и другие фильмы о зомби, но ими непременно управлял жрец вуду. Имеет несколько сиквелов

нивэн, а второй покрупнее, здоровенная полноприводная дура вроде «шевроле-старкрафт».

– Рик! – крикнул он Манчини. – По-моему, нас преследуют давешние гости!

– Точно? – отозвался полицейский. – Может, они просто едут в ту же сторону?

– Не знаю, но они прибавляют скорость.

«Виннебаго» мчался по каменистой дороге, постепенно уходящей в горы. Особо здесь не разгонишься, тем более на поворотах, прикинул Ростислав. С другой стороны, широкий дом на колесах не позволял преследователям пойти на обгон.

– Мидори, ложись на пол! – велел он, наблюдая, как преследователи приближаются. – Атика, пистолет!

Рэпер опустил стекло и закашлялся от летевшей внутрь пыли. По задней стенке барабанили мелкие камешки. «Шевроле» прибавил ходу и громко, назойливо засигналил. Сколько человек внутри, Шибанов не видел, мешали тонированные стекла. «Понтиак» держался сзади, там, кажется, по-прежнему было трое.

«Шевроле» продолжал сигналить, держась на дистанции метров в пятнадцать. Потом из окошка высунулась черная физиономия в бейсболке и закричала:

– Остановитесь, надо поговорить!

Бейсболку сдуло встречным ветром и бросило под колеса «понтиака». Негр выругался.

– Что кричишь, брат?! – завопил в ответ Профессор Джей-Ти, выставя в окно дробовик. – Мы тут спешим!

– Стойте! – снова закричал негр, никак не реагируя на появление рэпера. Потом, решив, что переговоры закончены, прибавил скорость. «Шевроле» попытался обойти «виннебаго» справа, но Манчини следил за ситуацией в зеркала заднего вида и тут же вильнул. «Шевроле» отстал, полицейский крикнул:

– Стреляйте!

Атика послушно выстрелила из пистолета, пуля чиркнула по крыше «шевроле». Из люка в крыше внедорожника тут же появился человек и открыл огонь из автомата, целясь по задним колесам «виннебаго». Профессор выпалил в ответ, человек исчез так же молниеносно, как и появился, то ли успев спрятаться, то ли получив заряд дробы. Впрочем, крови на белой крыше «шевроле» видно не было.

Шибанов стал бить короткими очередями по радиатору машины. Разлетелись фары, отвалился и коротко прогрохотал под колесами бампер. Кто-то выставил из люка автомат и принялся стрелять наудачу. Две пули пробили стенку фургона чуть выше окна, еще одна разбила экран телевизора, посыпалось стекло.

– Мидори, не вставай! – Ростислав понял, что игры закончены, и дал очередь в лобовое стекло «шевроле». Автомобиль сразу же занесло, развернуло, в бок ему врезался «понтиак», перевернул. В скрежете металла обе машины тут же остались далеко позади, а потом и вовсе пропали из виду, когда Манчини свернул.

– Все целы?! – крикнул он из-за руля.

– Все, – отозвалась Атика. – Мы их остановили!

Неожиданно полицейский съехал с дороги и ударил по тормозам.

– Ты с ума сошел, чувак?! – испуганно вскричал негр. – Надо делать ноги, пока они далеко.

– Они столкнулись, я видел, – сказал Манчини, вылезая из-за руля. – Надо пойти и разобраться, кто они такие и что им нужно.

– Их больше, чем нас!

– Но зато они нас не ждут. Притом, возможно, они пострадали в аварии. Расты, ты со мной?

– С тобой, – кивнул Ростислав, хотя задумка копа не казалась ему такой уж обязательной к исполнению. Однако он не мог допустить, чтобы Манчини пошел один.

– Отлично. Джей?

– Куда я денусь, блин, – проворчал в сердцах негр. – С вами своей смертью не помрешь, это точно.

– Отдай Атике дробовик, возьми у нее пистолет, – велел полицейский. – Атика, если вдруг они появятся, стреляй. Но не думаю, что появятся – они там весьма серьезно столкнулись.

К месту аварии они пошли по вершинам холмов, окаймлявших дорогу. Картина предстала внушительная: «шевроле» лежал на боку, четверо, в том числе женщина, безуспешно пытались его поставить на колеса «на раз-два», еще один сидел в стороне и бинтовал ногу. Поодаль лежал труп, накрытый куском брезента.

– Преимущество у них так себе, – прошептал Манчини, осторожно выглянув из-за куска скальной породы и спрятавшись обратно. – У того, что пытается перевернуть машину, автомат висит за спиной. Тот, что сидит, положил пушку рядом, его нужно убить первым. Остальные не успеют вынуть свои пистолеты.

– Это обязательно – убивать?

– Они стреляли в наш «виннебаго». В нем были Атика и Мидори, если уж тебе наплевать на собственную шкуру. Я не собираюсь устраивать здесь мирные переговоры, Расти. Только на моих условиях.

– Хорошо, – скрепя сердце, согласился Шибанов.

– Попадешь из автомата?

– Попаду, – сказал Шибанов.

Он тщательно прицелился. Четверка продолжала возиться с перевернутым «шевроле», сидящий закончил бинтовать ногу и теперь критически осматривал завязанный узел. Это был давешний ковбой с длинными волосами, собранными в хвост. Человек, который, в принципе, ничего плохого им не сделал: довольно мирно поговорил, а потом ехал в машине, из которой никто не стрелял...

Но рядом с ним на земле лежала автоматическая винтовка М-16. И он мог подхватить ее в любой момент. Поэтому Ростислав вдохнул, задержал на мгновение дыхание и на выдохе дал короткую очередь.

Как минимум одна пуля попала ковбою в грудь, точнее, в шею между ключицами. Человека отбросило назад на пару метров, остальные тут же прыгнули в стороны от «шевроле», но выскочивший из укрытия полицейский закричал:

– Управление полиции Лас-Вегаса! Всем оставаться на местах, оружие не трогать! Поднимите руки так, чтобы я их видел!

Все четверо послушно подняли руки. Ковбой умирал и хрипел, дергая ногами; скошенные каблуки ковбойских сапог чертили в красноватой земле глубокие борозды. Подобные серые сапоги из змеиной кожи, со скошенными вперед каблуками «бульдог» носили ковбои, выступающие на родео с лассо – один из них и рассказал Ростиславу, в чем тут фишка. Оказалось, такая скошенная форма каблуков помогает крепче упираться в землю, чтобы смирить заарканенного бычка.

– Трейси, он сильно мучается, – сказала женщина. Она была похожа на мексиканку, потасканная, непонятного возраста от двадцати до пятидесяти. Типичная бродяжка, каких можно встретить под мостом или у вентиляционной шахты метро, попивающими дешевое красное вино из больших бутылок, спрятанных в оберточную бумагу. – Шлепните его, что ли, сэр.

– Расти, – коротко намекнул Манчини.

Шибанов покачал головой.

– Я его снял, но я не палач.

– Черт, что за мелодрама, он ведь все равно подойдет, – сказал коп и выстрелил, буквально на миг переведя ствол своего револьвера на лежащего. Каблуки прочертили последнюю борозду и остановились.

– Кто вы и откуда? – громко спросил полицейский. – Руки не опускать, если кто-то пошевелится – стреляю. Джей, проверь, кто там под брезентом.

Рэпер осторожно, словно покойник мог на него наброситься, ногой откинул брезент с трупa. Там лежал негр, потерявший бейсболку. От лица у него практически ничего не осталось, но никаких других негров здесь просто не было. Шибанов понял, что это он убил его, когда стрелял в лобовое стекло «шевроле». Второй. Нет, третий, если считать мужчину в ангаре на ранчо Неверлэнд...

– Мертвый ниггер, – доложил Джей-Ти полицейскому, не сводившему взгляда с четверки, и подобрал автоматическую винтовку убитого ковбоя.

– Это Эдгар, сэр, он из Вегаса. Был охранником в «Четырех королевах», – торопливо пояснил мужчина в клетчатых шортах и футболке с рекламой пончиков. Он выглядел в компании немного лишним – трое остальных явно не принадлежали даже к среднему классу, у этого же была внешность успешного риэлтора, потрепанного невзгодами последних дней. Очки в тонкой золотой оправе съехали на кончик носа.

– С Эдгаром уже все ясно, а вот кто вы такие?

– Путники, – с вызовом сказал широкоплечий мужчина в рваной армейской куртке. На поясе у него висели два здоровенных пистолета, которыми он бы с удовольствием воспользовался, случись такая возможность. – Ехали по дороге, вы начали в нас стрелять.

В самом деле, подумал Шибанов, Атика выстрелила первой, хоть и не попала толком.

– А вы с радостью ответили, – усмехнулся Манчини.

– Мы защищались.

– О, вы защищались. У вас как-то слишком много оружия для защиты. Еще раз спрашиваю: кто вы такие? Что вам здесь нужно?

Люди молчали. Коп досадливо покачал головой и выстрелил в ногу тому, что стоял крайним справа – толстяку в джинсовом комбинезоне. Оглашая окрестности истошными воплями, толстяк рухнул на землю и принялся корчиться. Мужчина с двумя пистолетами дернулся было, но Манчини выстрелил еще раз, пуля пробила крышу «шевроле» сантиметрах в десяти от его плеча.

– Хорошо стреляешь, коп, – похвалил мужчина. Толстяк жалобно повизгивал.

– В академии был первым. Прострелить ногу и тебе, или расскажешь все без боли и крови?

– А что тут рассказывать? Мы ездим по дорогам, собираем, что плохо лежит. Жить-то надо. Чокнутых мочим. Толковых парней берем с собой.

– И много у вас толковых парней?

– Достаточно. Вы бы тоже сгодились.

– Макриди не возьмет копа, – покачала головой женщина.

– Заткнись, Бетси! – рявкнул широкоплечий, но было поздно.

– Макриди? Стало быть, у вас есть босс, и он не здесь. Любопытно, – сказал полицейский. – И какие у вас цели?

– Выжить, – просто ответил мужчина.

– Мы никому не причиняли зла, – принялся объяснять очкастый риэлтор, переступая с ноги на ногу, словно хотел отойти по малой нужде. – Мы только искали продовольствие и всякие нужные вещи.

– Где у вас база? Раз есть босс, значит, должна быть и база.

Теперь Манчини обращался к очкастому, который и без запугивания был готов рассказать все.

– У нас нет базы как таковой, сэр. Есть трейлер и несколько больших машин. Банковские фургоны. Они перемещаются, а наш отряд – и другие вроде нашего – как бы разведчики.

– Ты идиот, Гофер, – сказал широкоплечий.

– А ты, похоже, нет. Но ты мне больше не нужен, – сказал полицейский и дважды выстрелил ему в грудь и в живот. Широкоплечего ударило о крышу автомобиля и он сполз по ней, оставляя кровавый след. Женщина прижала ладони ко рту, сдерживая рыдания – возможно, убитый был ее мужем или другом. Или одним из многочисленных мужей и друзей.

– Сколько вас, Гофер?

Гофер, то есть Суслик, явно было кличкой, весьма подходящей тщедушному очкарику.

– Я не знаю... Я никогда не видел всех сразу. Думаю, человек пятьдесят, сэр.

Манчини присвистнул и переглянулся с Шибановым. Толстяк тихонько плакал, даже не думая о том, чтобы вытащить из кобуры у себя на ремне пистолет.

– Джей, заberi у них оружие, – велел коп Профессору. Рэпер, стараясь не испачкаться в крови, забрал «беретту» у толстяка, оба пистолета и еще одну М-16 у широкоплечего и какую-то блестящую никелированную пушку у Бетси. У очкастого оружия не оказалось.

– Вы собирались нас убить? Я не у тебя спрашиваю, – цыкнул коп на открывшего было рот Гофера и обратился к женщине. – Ну, говори. Собирались?

– Главный был Трейси, – пожала плечами женщина. Шибанову показалось, что в ее грязных крашенных волосах что-то копошится, и хоккеиста передернуло от омерзения. – Я не знаю, как бы он решил. Вообще мы редко убивали.

– Мы их отпускали, сэр, – добавил виноватым тоном Гофер.

– Предварительно ограбив, не так ли?

Гофер съежился, но полицейский больше не стал никого трогать. Молча кивнув Ростиславу на пленников, он вместе с негром обыскал машины. Найденные рюкзаки положил на обочину, взял у рэпера блестящий пистолет Бетси, буркнул: «Дерьмо», сноровисто расстрелял шины на всех восьми колесах

и зашвырнул оружие куда-то за холм. Слышно было, как пистолет катится вниз по осыпающимся камням.

– Убирайтесь вон, – велел он Гоферу. – В машине есть аптечка, можете забинтовать этого придурка... Далеко до вашего Макриди?

– Миль пятьдесят-семьдесят к югу, не меньше.

– Может, и доберетесь...

Женщина опустила на колени возле стонущего толстяка и стала осматривать рану. Манчини вскинул рюкзак на плечо, бросил другой хоккеисту – не ожидавший этого Ростислав еле успел поймать. Джей-Ти сложил трофейное оружие и боеприпасы в третий, пустой.

– Лучше бы нам никогда больше не встречаться, – сказал на прощание полицейский и пошел по дороге, не оглядываясь. Шибанов встретился глазами с Бетси, зачем-то кивнул и пошел вслед за копом.

Его догнал Джей-Ти, бренча амуницией.

– Слушай, он охрененно крутой, этот легавый! – восхищенно прошептал рэпер. – Видал, как он разобрался с этими лохами?! Даже не зачитал им права.

– ...И стрелял в безоружных, – тихо ответил Ростислав.

– Чувак, тут война, если ты не заметил. Был бы ты в гетто...

– Отстань ты от меня со своим гетто! – рявкнул Шибанов так, что негр отшатнулся. – Не жил ты в Кирове при Ельцине.

– А что такое Киров? – только и смог пробормотать опешивший рэпер...

«Виннебаго» выглядел покинутым, но Атика тут же появилась из-за груды камней в нескольких футах от дома на колесах. За ней выглянула мордочка Мидори, блески платья ослепительно сияли на солнце. Боль в треснувшем ребре ее больше не беспокоила, не потребовалось даже обезболивающее, запасливо прихваченное Ростиславом в разграбленной аптеке вме-

сте с антибиотиками, аспирином, бинтами и прочим медицинским скарбом.

– Надо найти девочке нормальную одежду, – сказал Манчини, подходя к фургону и кладя рюкзак на ступеньку. – Тут все же не бульвар Сансет.

– Все в порядке? – осторожно спросила Атика, почему-то глядя на Шибанова. Видимо, на лице у хоккеиста было написано, что не все, далеко не все теперь в порядке. Тем не менее, он улыбнулся и сказал:

– Все хорошо. Наши победили.

Негр уже возился в холодильнике – видимо, хотел вознаградить себя холодным «будвайзером» за успешное участие в боевой операции.

– Разберите, пожалуйста, что там в рюкзаках, – попросил коп Атику и Мидори, после чего поманил Ростислава пальцем:

– Расти, нужно поговорить.

Они отошли за кабину, в тень, и Манчини протянул хоккеисту открытую пачку сигарет. Ростислав покачал головой:

– Не курю.

– Напрасно, хорошие сигареты... Слушай, Расти, я тебя не совсем понимаю. Ты вроде был не против, когда меня позвали присоединиться к вашему отряду. В гараже Тодда ты повел себя немного неправильно, ну да ладно, я списал на аффект. Но сегодня... Ты не хочешь испачкать руки?

– Я не понимаю, зачем нужно было убивать этого Трейси, ковбоя, – упрямо сказал Шибанов.

– Затем, чтобы этот ковбой Трейси не убил меня, тебя или нашего черномазого приятеля.

Слово «черномазый» неприятно кольнуло Ростислава.

– Джей уже черномазый?

– Извини, – пробормотал Манчини, закуривая. – На самом деле я спокойно к ним отношусь, но работа в участке... Это, считай, профессиональный термин.

– Ладно, проехали. Так что я сделал неправильно?

– Ты свалил грязную работу на меня. Подстрелил ковбоя, но добивать не стал. Хотя понимал, что рана смертельная. Тебе было бы легче, если бы он сдох там в страшных мучениях?

– А зачем ты застрелил второго? Для чего ранил толстяка, он был явно безобиден?

– Ты сам ответил на свой вопрос, Расти. Второй был опасен, он рано или поздно выкинул бы какую-то штуку. Толстяка я ранил, чтобы напугать остальных. Если ты не заметил, я всего лишь прострелил ему мякоть икры. Даже кость, полагаю, не задел.

Шибанов молчал, ковыряя ногтем отслоившуюся чешуйку серебряной краски на радиаторе.

– Я хочу попросить об одном, Расти. Я против тебя ничего не имею, но я – коп. А ты – хоккеист. Остальные вообще не в счет, включая Джея с его постоянными рассказами о подвигах в гетто, в котором он, по-моему, и не жил-то сроду. Поверь, я лучше знаю, когда нужно стрелять.

Полицейский внимательно смотрел на Ростислава, не обращая внимания на длинный столбик пепла, собравшийся на кончике сигареты. Наконец, столбик отвалился и упал на песок.

– Я понял, – глухо произнес Шибанов. – Но я не привык убивать, Рик. Одно дело – захватить кому-то в челюсть на хоккейной площадке. Это часть шоу, мне за него платят. И совсем другое – убивать людей. Причем не из чувства самосохранения, это я еще мог бы понять... Просто убивать. По ситуации. Потому что так лучше.

Манчини с сожалением раздавил окурок о бампер «виннебаго» и сказал:

– Убийство тоже стало частью шоу, Расти. Шоу, главный приз в котором – не миллион баксов, а твоя жизнь.

И тут внутри фургона громко завизжала Мидори. Оттолкнув полицейского, Ростислав бросился туда и влетел в дом, едва не застряв в дверном проеме:

– Что?! Что случилось?!

Девочка стояла, испуганно прижав ладони к губам. Перед ней на полу, среди вещей, высыпанных из рюкзака – подтаявших шоколадных батончиков, презервативов, патронов, дешевых газовых зажигалок и банок с консервами – лежала связка человеческих ушей, покрытых запекшейся кровью.

– Я же сказал – шоу, – бесстрастно закончил их прерванную беседу Рик Манчини, поднимая уши за бечевку и выбрасывая их вон.

...Четверо суток спустя Ростислав Шибанов лежал, укрывшись за толстым стволом упавшего бука. Он не мог поднять головы, потому что на малейшее движение стрелок, засевший в охотничьем домике, реагировал моментально. Последняя пуля вспорола кору совсем недалеко от его головы, и теперь хоккеист вжимался в землю, чтобы спрятаться от снайпера.

Рядом, у вывороченного корневища, свернулся клубком Манчини. Коп был ранен – собственно, с его ранения и начался обстрел, когда они осторожно пробирались по тропинке. Втягивая сквозь зубы холодный воздух, полицейский пытался определить, насколько опасна полученная рана. Весь бок его темно-зеленого свитера стал черным от крови.

– По-моему, сквозное... – прошипел Манчини, глядя на окровавленные пальцы. – Надеюсь, внутренности не задеты... только почему же так больно, черт его подери?! Кровь темная... по-моему, это означает, что повреждена печень...

– Держись, Рик... Может, это кто-то из твоих любителей пикников?

Полицейский помотал головой.

– Я не знаю...

– Эй, там! – заорал Шибанов, надеясь, что в домике его слышно. – Это Рик Манчини из управления полиции Лас-Вегаса!

Ответом ему был еще один выстрел, на этот раз не прицельный, осыпавший их сбитой хвоей.

– Перестань, Расти, – прохрипел коп. – Я не полицейский... Даже если там сидит кто-то из тех ребят, он меня не узнает...

Шибанов опешил.

– Не полицейский?! Но форма...

– Все наоборот, Расти. Я карточный шулер и преступник. Меня вез в участок коп по имени Рик Манчини после того, как поймал меня во время ограбления бутика «Тиффани»... Но потом в машину врезался грузовик, копа выбросило наружу, он свернул шею... Я открыл наручники, надел его одежду, влез в другую полицейскую машину и поехал к границе, слушая переговоры по рации...

Он тяжело дышал, на губах показалась кровь.

– Мое настоящее имя – Джерри Романо... Но коп из меня получил неплохой, правда?

Романо улыбнулся. Ростислав прислушался – не подкрадывается ли к ним кто-нибудь по тропе или через лес со стороны домика. Нет, тихо – видимо, стрелок решил не рисковать и засесть в обороне.

– Когда я вас встретил, вы даже не посмотрели на мои документы, вам хватило нашивки на форме.

– А как же ключ?!

– Да нет у меня никакого ключа, Расти... Какие, твою мать, в это время могут быть ключи?! Здесь уйма этих домиков, мне приходилось бывать тут пару раз... Разве трудно выбить дверь?!

Романо болезненно поморщился и сплюнул кровавый сгусток.

– Похоже, дело дрянь, – пробормотал он. – Прости, что вас обманывал... Вроде все было хорошо, да ведь?

– Все было отлично, Рик... то есть Джерри. Ты нам очень помог.

– Жалко, мало с вами побыл... И почти влюбился в эту девчонку... в Атику...

Романо снова улыбнулся.

– Надо же... неплохой коп получился, а? Отец был бы рад, он всегда хотел видеть меня в форме, но увидел только в хлопчатобумажном костюме исправительной колонии для мальчиков...

Романо закрыл глаза.

– Джерри! – позвал хоккеист.

Романо молчал. Потянувшись к его руке, Ростислав попытался нащупать пульс, но пульса не было. Тогда он закричал невидимому снайперу:

– Все, я ухожу! Я ухожу, не стреляй!

Снайпер молчал. Может, он вообще был немым или не понимал по-английски – по пути им не раз попадались мексиканцы и китайцы. Шибанов подполз ближе к Романо, рискуя получить пулю, и проверил пульс на шее.

Джерри Романо был окончательно и бесповоротно мертв. Шибанов прикрыл его карие глаза, удивленно смотрящие куда-то на верхушки сосен на Шелл-Крик Рейндж, и пополз по едва заметной тропинке вниз, туда, где стоял «виннебаго» с Профессором, Атикой и Мидори.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Шибанов

Невада, Соединенные Штаты, январь 2013 года

...Нет, вовсе не этого я ожидал, когда подписывал контракт с клубом НХЛ. А ведь столько было поставлено на карту: даже от двух матчей за сборную пришлось отказаться, потом из-за этого возникли трения с ее руководством, с Олимпийским комитетом России... Но НХЛ есть НХЛ, тем более деньги по контракту предлагались весьма приличные, в российских клубах такого не заработаешь. А после первого же отыгранного сезона – съемки в рекламе, покупка дома, лимузина... Шик-блеск, как говорится.

Глупо, конечно. Но очень хотелось почувствовать, каково это – быть звездой.

Между нами говоря, очень хреново ей быть. Нет, деньги и слава – вещи приятные, но становишься другим, сам того не замечая. Все чаще говоришь маме: «Я потом перезвоню, сейчас занят», и не перезваниваешь...

А вездесущие журналисты со своими фотоаппаратами? Ни пожрать, ни искупаться, ни с девушкой познакомиться...

А уж когда чемпионом мира стал в составе сборной России, тут вообще такое началось... В кино даже позвали сниматься. Про хоккей, правда, но какой я актер? Даже в школьной самодеятельности только раз играл. Кошку в «Репке». Роль без слов, еще и хвост случайно оторвала мышка, когда репку тянули.

Поэтому, когда я получил травму, даже обрадовался: появилась возможность от всего отдохнуть. И дернул же черт поехать в этот Неверлэнд, приняв предложение грека-продюсера! Со-

бирался же домой, в Киров – маму навестить, с друзьями встретиться, тупо сходить на Вятку, пивка попить с вяленой рыбкой... В Америке, кстати, с этим делом плохо. Не пьют у них пива с рыбой. И в Европе не пьют. Привез племяш воблы, американцы были в ужасе. «Дэд фиш²⁷», говорят, носы морщат.

И вот съездил, получите-распишитесь. Развеялся.

Ладно, главное – жив. Всегда думал, а что стану делать, если попаду в экстремальную ситуацию? Фильмы всякие смотрел – типа «Я – легенда», «Книга Илая», «Дорога»... «2012» еще было кино, дурацкое до припадков, но смешное местами, там русский мафиози забавный... И, кстати, Лас-Вегас под землю провалился, только Эйфелева башня мелькнула. Не везет Лас-Вегасу, ни в кино, ни в реальности.

Еще я в «Фоллаут» играл. Там герой ходил по пустошам, отбивался от рейдеров и зомби, собирал всякий полезный хлам. И что в результате? Хожу по пустошам, отбиваюсь от рейдеров и зомби, собираю всякий полезный хлам. Полный «Фоллаут» и есть... Вместо зомби – сумасшедшие, вот и вся разница. Ну, еще радиации нету. Здесь нету, точнее, потому что уже есть места, где ее предостаточно. Не обошлось без взрывов... Мутантов тоже нет, но за мутантов сойдут опять же чокнутые.

И каково тебе внутри компьютерной игры, Шибанов?

Хреново внутри компьютерной игры, Шибанов. И даже сохраниться нельзя перед прохождением опасного уровня. И чит-коды не работают. И подсказку в интернете не поищешь.

Ладно, живы будем – как-нибудь проживем. Дед на моем месте небось уже обустроился бы с удобствами, он был мужик обстоятельный, тертый. Он бы и в одиночку продержался, не то что с компанией. А я вот не знаю. Одному-то плохо, и не только потому, что отбиться сложно или спину некому прикрыть. Сдуреешь один. Завоеешь...

---

²⁷ Мертвая рыба (англ.)

А компания подобралась отличная, право слово. Всем дай бог такую компанию. Как там дед все время цитировал?

*...И подумала впервые
Смерть, следя со стороны:
«До чего они, живые,
Меж собой свои – дружны.
Потому и с одиночкой
Сладить надобно суметь,
Нехотя даешь отсрочку».
И, вздохнув, отстала Смерть.*

Поэму Твардовского про Василия Теркина дед наизусть знал, и постоянно вворачивал оттуда куски по случаю. За дедом и я выучил помаленьку... В школе даже, помнится, читал с выражением на торжественном вечере по случаю Дня Победы.

Дед говорил, что Теркина во время войны лично знал. Врал, поди: Теркин же персонаж литературный, то есть вымышленный... Хотя у деда не разберешь, где он врал, а где правду говорил. Сунул как-то нос в его чемоданчик – был такой фанерный, кожей обтянутый, трофейный вроде, дед там всякие документы свои хранил... Уши до сих пор болят, как вспомню. А помер дед – и чемоданчик куда-то делся. Зарыл он его, что ли? Вполне мог.

Про что то бишь я? А то на деда отвлекся.

А, да – про компанию. Компания что надо, даром что совершенно случайная.

Вот, к примеру, негр. Мне с самого приезда вдалбливали, что правильно говорить «афроамериканец», хотя какой он «афро», если Африку только по телевизору видел? Нас с детства приучили, что негр – он и есть негр. «Хижина дяди Тома». Черная кожа у человека – стало быть, негр, и никто, наверно, сроду не обижался, пока этого «афроамериканца» не при-

думали. Сами-то они меж собой запросто – «ниггер», «черномазый», а попробуй ты случайно где-то помяни, что у кого-то кожа другого цвета – беда, отмазываться замучаешься. Брякнул как-то на пресс-конференции про игрока: «Один из лучших чернокожих хоккеистов». Что было! Едва ли не в расизме обвинили... Списали на то, что русский, из диких, мол, краев, у них там негров нету почти, не привыкли с ними правильно обходиться.

А по мне, выдумки это все. Вон Джей-Ти взять – парень как парень, и все эти его разговоры про расизм, про то, как черных белые гнобят – часть имиджа. Положено так. Рэп на этом построен, там все тексты про гетто, про перестрелки, про наркоту, про злобных копов... А ведь сам Джей в этом гетто, скорее всего, бывал только проездом. Мне приходилось видеть настоящих деятелей из гетто, так то обычные преступники, которые цветом кожи не различаются.

Сначала не понравился он мне со всеми этими фитюльками и висюльками. Думал я, что и сам Джей – такая же пустышка. А он самолет вытянул, и потом вел себя, как мужик. Дед бы одобрил. Я бы такого Дджея на половину ребят из команды не променял бы... Еще бы сквернословить его малость отучить, все же девчонки постоянно рядом, цены бы ему не было.

Кстати, о девчонках. Боевые девчонки нам попались! Атика вообще молоток, никогда бы не подумал, что модельки на такое способны. Собачки, рюшечки, каблучки, – это да, а тут сразу пистолет раздобыла, их, считай, спасла в Неверлэнде... И умная, хотя, вроде, обычно модельки дуры. На уме опять же собачки и рюшечки, ну, мужики еще... А к этой не подступись. Хотя выбора особенного вроде и нет – я да Джей-Ти. Может, он ей ближе? Все-таки африканские корни у обоих, хотя про Атику сразу и не скажешь... Да нет, на Дджея она особенно не смотрит, относится сугубо как к товарищу по несчастью...

Эх, Шибанов, Шибанов!

А к тебе она, можно подумать, иначе относится?! Давай-ка ты заканчивай выдавать желаемое за действительность. Это опять же только в кино прекрасная героиня влюбляется в прекрасного героя. А тут не кино, да и ты не герой, к тому же далеко не прекрасный. Обычная вятская рожа, она, небось, к таким и не привыкла, вращаясь в своем бомонде.

Хотя что греха таить, влюбился ты, Шибанов, по уши. Как последний мальчишка. И, судя по всему, совершенно бесперспективно влюбился. Уж проще дожидаться, пока Мидори повзрослеет, наша маленькая смелая Мидори.

Что-то я не о том думаю. Тут надо думать, как выжить, что дальше делать. Похоже, никто со стороны помогать не собирается, только на себя и приходится надеяться. Интересно, надолго это все? А главное – что в остальном мире творится? Может, уже везде так? Сигналы глушат, информация – урывками, пока, кажется, все нормально в России, но мало ли. А там ведь мама, родственники... Думают, наверное, переживают, волнуются, что со мной. Приучил прогресс, что в любой момент из любого места позвонить можно. Сто пятьдесят лет назад письмо отсюда месяц бы шло, а то и два, если не все три. И ничего, жили люди. Любили друг друга, деловые вопросы решали...

Несколько раз пробовал звонить, и домой, и менеджеру, и просто девять-один-один – нет связи. Рухнула цивилизация. Электричества, и того нет, хотя по идее электростанции должны работать, та же самая Боулдер-Дэм, крупнейшая в Штатах гидроэлектростанция... Или специально отключили? А может, диверсия?

Этак я черт знает до чего додумаюсь. Хотя с вирусом вроде идея верная – эти чокнутые друг от друга перезаразились. А у нашей четверки, видимо, иммунитет. Повезло, ничего не скажешь. Везет, как утопленным.

Хорошо, пускай это все надолго. Что будет с чокнутыми? Передохнут, не умея себя обслужить? Да нет, они действуют до-

вольно осмысленно, просто бешеные. А пожрать всегда найдут, с горя сожрут кого... Тьфу, дрянь какая в голову-то лезет!

Если не передохнут, значит, так и будут на всех бросаться. Хотя и обычные люди, не чокнутые, только так бросаются. Борьба за выживание, ничего не поделаешь. Цивилизация осталась в прошлом, теперь отношения простые, примитивные. Никогда не думал, что мне придется в человека стрелять – а пришлось. И никакие слюняйские переживания не возникают, поди ж ты! Сначала, конечно, хреново было, это я только виду не показывал. А потом усвоил: или ты, или тебя. Звериный принцип, но что ж поделывать, если по-другому нельзя? Если бы по-другому, так и валялся бы в том же Неверлэнде, ну, может, дня три протянул бы сверх того... Многие, которые вдоль шоссе гниют, тоже были добрые и правильные.

Жалко полицейского... Черт, хотя какой он полицейский, жулик он... А парень неплохой оказался, запутавшийся просто. И жестокость эта его, наверное, оправданная. Наперекосяк идет со всем, чему меня всю жизнь учили, но все равно в чем-то Манчини был прав. Как он там сказал? «Шоу, главный приз в котором – не миллион баксов, а твоя жизнь». И не только моя, братан. Теперь за мной и старина Джей, и Атика, и Мидори.

Нет, я в командиры не лезу. Я и в команде капитаном не был никогда, не умею руководить и не люблю. Но сейчас, выходит, я старший. Не Джей же, в конце концов...

Ладно, старший, что делать-то дальше будем? Фургон у нас есть, бензин пока не перевелся, оружие тоже имеется, хотя попадись нам серьезный отряд – бой будет недолгим. Наверное, живым нельзя сдаваться, тем более девчонкам... Но бог его ведет, изменилось же все. Может, девчонкам как раз можно. Их не тронут, будут этими... как их... наложницами? Зато живы, сыты, заботиться о них будут.

Нет, Атика так не сможет. И Мидори, девочка непростая и циничная, тоже не сможет.

Или это я опять сам себя убеждаю?

А вот тебе, Шибанов, и задача: чтобы не ломать голову, попросту не допускай подобной ситуации. Штат большой, места всем хватит, а если штат к тому же не один – и подавно. Обязательно появятся люди, которые начнут объединяться. Против чокнутых, против бандитов-рейдеров. Мало, что ли, порядочных людей сейчас вот так же, как они, шляются по дорогам? Рано или поздно где-то осядут, вместе-то попроще и обороняться, и пропитание добывать.

Но пока главное – не стоять на месте. Двигаться. Жаль, «вин-небаго» старенький уже, мотор постукивает, греется... Навернется в неподходящий момент или в неподходящем месте – пиши пропало. На трассе новый такой не сразу найдешь, а в города соваться – себе дорожке, там безумцы правят. Что ж поделать, пока фурычит дом на колесах, будем ехать, а проблемы решать по мере их поступления...

Оружие бы раздобыть, вот что. Почему-то во всех книгах и фильмах – и про смертельный вирус, и про зомбаков, и про нашествие инопланетян – бедолаги вроде нас тут же находят целый арсенал. А на самом деле ничего толком и не попадается. Оружие или на военных базах, или у полицейских, или в частных домах хранится – в сейфах, в оружейных шкафах, которые без ключа не так-то просто открыть. И это в Америке, где на душу населения, включая младенцев, приходится минимум по одному стволу.

С водой и едой тоже надо что-то придумывать. Насосы работали от электричества – поэтому источников воды почти не осталось, а запасы в виде фасованной по бутылкам и канистрам скоро закончатся. Точно так же и пища: консервы еще туда-сюда, а хлеб, овощи, фрукты, мясо испортятся, если уже не испортились. Растить новый урожай некому и негде, а надеяться на гуманитарную помощь – глупо, потому что все равно на всех не хватит. И еще поди ее найди, эту гуманитарную по-

мощь... Видали уже, какая свара была, когда с вертолета контейнеры сбрасывали.

Наверное, на севере немного не так, там все же есть плодородные районы. Фермер из меня, правда, неважный, но на даче родители заставляли работать, кое-что помню. Как сорняки дергать, как картошку сажать. До севера, конечно, еще нужно добраться, и вовсе не факт, что нас там ждут с распростертыми объятиями. За плодородную землю, за урожай, за дрянные консервы, даже кошачьи или собачьи, скоро начнется самая настоящая война.

А в Атику я, похоже, все-таки влюбился. Нашел же время, ничего не скажешь. Со стороны, наверно, виднее, надо у Джея спросить. Хотя на смех же поднимет, гангстер доморощенный. Или полезные советы начнет давать, издеваться.

Может, все ей сказать? Набраться смелости и выложить, а там будь что будет... Да ну, не сумею же. Я и на пресс-конференциях тех же двух слов связать не мог, терялся, а тут надо говорить о таких важных вещах. Не письмо же ей писать, как Онегин Татьяне...

Когда я вообще последний раз влюблялся? В школе, по-моему, в десятом классе? В Ирку Свиридову, рыженькая такая, конопатая... Потом и времени не было с этим хоккеем, тренировками, даже дед все подкалывал: «Смотри, внучек, заиграешься с клюшкой, забудешь, зачем своя собственная клюшка надобна». Не забыл, конечно, но и ничего серьезного не случилось. Нет, девушки-то были, как без девушек. И в России, и в Штатах. На день, на два. Но чтобы по-настоящему, чтобы хотелось бежать навстречу, чтобы считать часы и минуты – не было такого. А тут посмотрит своими глазами – и дрожь пробирает, ноги ватные делаются. Может, колдовство? Мало ли что там у них в Египте придумали.

Ладно, как говорится, «будем посмотреть». Если влюбился – значит, влюбился. А нет – само отвалится. В любом случае вопрос как-то разрешится, раз уж мы вместе и надолго.

А пока жить надо. Жить. А там и с любовью разберемся.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Уотерхоул

Невада, Соединенные Штаты, март 2014 года

Атика допила кофе и поставила чашку на полку, не ополаскивая – с водой опять было плохо. Скважина то выдавала навверх тройную норму, то практически иссякала. Доктор Салазар сказала, что есть какие-то проблемы с подземной рекой, и весь городок боялся, что вода исчезнет. Исчезновение воды означало бы, что надо искать новое место для жилья, а найти его крайне нелегко.

– Расти... – тихонько позвала девушка, наклонившись над постелью. Она давно уже звала Ростислава на американский манер, хотя имя Расти происходило изначально вовсе не от Ростислава.

Шибанов спал, неуклюже закрывшись руками от солнечного света, как делают обычно дети и кошки.

– Расти... – чуть громче позвала Атика и поцеловала его в висок.

Шибанов встряхнул головой и открыл глаза.

– Ты просил разбудить тебя в семь, – напомнила Атика. – Я дала тебе пятнадцать минут сверх нормы. Вставай, кофе готов!

– Я же просил в семь, – деланно проворчал Ростислав, выбираясь из-под одеяла. – Или у вас в Египте принято не слушаться мужей?

– А у вас в России принято бить мужей скалкой, – засмеялась Атика. – Я помню, ты сам рассказывал мне анекдот, где муж поздно возвращается домой.

– У тебя и скалки-то нет, а туда же, – расхохотался и Ростислав. Он принялся умываться над пластиковым ведром, стараясь не расплескивать воду мимо – после умывания ее можно было использовать для других целей.

Атика смотрела на сильное тело мужа, на перекатывающиеся под светлой кожей мускулы, на пулевой шрам, полученный при давнем нападении рейдеров, на след от самодельной пики безумца, оставшийся после набега в Рино за лекарствами... Это был совсем не тот Расти, которого Атика встретила в поместье Неверлэнд. Тот остался где-то там, на дорогах южной Невады, в брошенном на обочине «виннебаго», изношенный двигатель которого в один прекрасный день все же пришел в негодность.

Больше года они скитались по Закрытой Территории. За год можно забыть многое. Атика забыла, что такое съемки для журналов и портфолио, забыла щелканье фотокамер, ехидные вопросы на пресс-конференциях и похабные предложения голливудских кинопродюсеров в обмен на роль в очередной картине. Она забыла платья от Балансиага и туфли от Маноло Бланик, хотя при желании могла бы иметь их даже больше, чем раньше. Но сейчас ценились не туфли на шпильках, а удобные и прочные ботинки. Не воздушные полупрозрачные платья, а грубые джинсы и рубашки, а порой и бронежилеты.

И она влюбилась в Ростислава.

Точнее, это Ростислав влюбился в нее... В первый раз у них все случилось как раз в «виннебаго», когда дом на колесах стоял, спрятанный в небольшой горной ложине и заваленный ветвями для маскировки. Профессор Джей-Ти бродил снаружи, отбывая свои два часа дежурства, а Мидори мирно спала в отсеке над водительской кабиной.

Атика с наслаждением сбросила ботинки, подвигала пальцами ног.

– Ты не возражаешь, если я не стану надевать пижаму? Жарко... – светским тоном спросила Атика. Ростислав хмыкнул.

Пижама и пеньюары – это были какие-то давно забытые слова из прошлой жизни. Атика стащила с себя джинсы и расстегнула рубашу. Ростислав украдкой поглядывал на нее, в ожидании, когда она ляжет, укутавшись в простыню и уткнувшись носом в стенку. Ему нравилась ее совершенная фигура, которая за эти месяцы утратила рафинированную томность модели и налилась упругой силой. Если поначалу ему хотелось только оберегать и защищать Атику, то теперь он чувствовал нечто иное. Атика заметила, что Ростислав за ней наблюдает, сбросила рубашу, оставшись в одних трусиках, и демонстративно потянулась. Ростислав нахмурился и отвернулся. Она явно дразнила его, наверняка догадывалась, что нравится ему. Да и как она могла не нравиться?

– А у тебя разноцветные глаза, – неожиданно сказала Атика.
– Раньше я не замечала... Как такое может быть?!

– Я ношу линзы. Вернее, носил... У старых вышел срок, а новые взять негде.

– Ты плохо видишь?

– Нет, вижу я хорошо, просто не люблю привлекать к себе лишнее внимание, вот и носил обычные зеленые без диоптрий. Мне и так хватало забот с папарацци и прочей газетной шантрапой. Да и стеснялся, если честно... В детстве дразнили...

Атика сочувственно улыбнулась и сказала:

– У моей бабушки тоже были глаза разного цвета...

И снова потянулась, еще более демонстративно, чем в первый раз.

Ростислав поднялся с колченогого складного стульчика и неловко стукнулся головой о полку. Чертов дом на колесах всем был хорош, кроме тесноты.

Атика захихикала.

– Ничего смешного, – буркнул Ростислав и тоже начал раздеваться. В другое время он бы взял плед, да завалился спать на полу прямо в одежде. Но в тот день было особенно жарко, Ростис-

лав сварился бы в своей амуниции. Да и на диванчике все же мягче будет. А отдохнуть надо как следует – так уговаривал себя Ростислав, повернувшись спиной к Атике и снимая штаны.

Атика лежала на спине, закинув руки за голову. Она так и не укрылась простыней.

Атика думала о том, что можно постараться растянуть этот миг блаженства, когда все так зыбко, неизвестно, но замешано на коктейле взаимного интереса. Краткий миг наслаждения тем, что можно не переступить грань. Волнующее чувство – это не просто дружеский интерес, а нечто более интимное. Можно оставить как есть, и этот интерес тихо угаснет. Можно подогреть его намеками и провокационными фразами и увести в стремительно развивающуюся страсть. А можно рассудительно оставить на уровне крепких дружеских отношений и взаимопонимания. Атика никак не могла решить – чего же ей хочется больше. Она привыкла, что Ростислав – друг. Такой надежный и сильный. Но в то же время она чувствовала, что их дружба вот-вот перейдет в другое качество. И тогда неизвестно – что будет.

Ростислав осторожно лег рядом и зажмурился. Потом подумал, что это довольно глупо и, открыв глаза, покосился на девушку. Атика лежала с закрытыми глазами. Ростислав повернулся было на бок, спиной к ней, но сна не было ни в одном глазу. К тому же он точно знал, что и Атика не спит. Ростислав повернулся к девушке и сердито спросил:

– Ты меня дразнишь, что ли?

Атика распахнула свои миндалевидные глаза и удивленно уставилась на него. Ростислав смутился:

– Извини. Я просто... в общем, извини.

Атика положила свою руку ему на плечо:

– Да ничего...

Ее ладонь была прохладная, но Ростислава словно обожгло, он физически ощутил, как от ладони Атики внутрь его потек жар, заставляя быстрее биться сердце, затуманивая мозг.

– Атика... – прошептал Ростислав и, взяв ее руку в свою, поднес к губам. Узкая смуглая ладонь с тоненькими пальчиками... Ростислав вдруг внезапно понял, как давно ему хотелось вот так взять и перецеловать каждый пальчик, каждую родинку. Даже въевшаяся грязь под ногтями его умилила – сколько приходится терпеть девочке, которая была создана совсем для другого – для дорогих маникюрных салонов, для бассейнов с прохладной голубоватой водой, для... да мало ли для чего. Атика внезапно резко перевернулась и нависла над ним, опираясь на руки, глаза ее сузились:

– Не смей меня жалеть!

– Я и не думал, – тихо сказал Ростислав и потянул девушку к себе.

Спустя мгновение они самозабвенно целовались, руки Ростислава ерошили ее короткие волосы, скользили вдоль спины и ниже. Ему хотелось почувствовать ее всю, обнять, заслонить собой от мира... Гибкое тело Атики мгновенно и чувственно реагировало на прикосновения и ласки, словно и она ждала этого очень и очень долго.

Два часа пролетели так быстро и незаметно, что они чуть было не пропустили возвращение Профессора...

– Привет! – сказала Мидори, входя в комнату и оторвав Атику от воспоминаний.

Девочка выросла за этот год, почти догнав ее. Видимо, японские гены отца в части роста не срабатывали. Мидори и пострижена была так же, как Атика – коротко, под мальчишку. На поясе тринадцатилетней девочки висел небольшой «браунинг», подарок Роя Кларка. Следом за Мидори вошел и сам Кларк, чтобы тут же обрушиться на табурет и заявить в своей обычной манере:

– В этом доме наливают пожрать?

Ростислав вытерся полотенцем и, качая головой, достал из шкафчика бутылку «Джим Бим» и налил в стакан на два паль-

ца. Кларк благодарственно кивнул и одним глотком выпил спиртное. Глядя на его красное, бугристое лицо, можно было подумать, что Рой Кларк – обычный алкоголик. Но эта доза виски была его единственной выпивкой на весь начинающийся день.

Бывший водитель-дальнобойщик, Кларк как-то незаметно стал лидером общины Уотерхоул. Его здоровенный «кенворт» с прицепом сейчас являлся частью стены, окружающей городок вокруг водяной скважины. Довольно правильный квадрат примерно пятьсот на пятьсот метров был собран из трейлеров, карьерных самосвалов и автобусов, проемы заполнены разным металлическим мусором и затянуты стальной сеткой. По углам высились сторожевые башенки с пулеметными турелями, а из ворот в случае нужды всегда мог выехать их последний довод – броневомобиль «хамви» с сорокамиллиметровой автоматической пушкой. Снаружи возле ворот стоял танк М60, который выглядел весьма угрожающе – посторонним незачем было знать, что двигатель танка не работал, а весь его боекомплект ограничивался тремя зарядами для орудия. Пулемет с него был снят и укреплен на одной из башенок.

Таких маленьких фортков в труднодоступных местах пустыни было много, но связи они между собой практически не имели. Редкие торгово-обменные операции происходили случайным образом, не говоря уже о попытках объединения с целью отражения атак рейдеров.

А рейдеров в пустыне хватало. Старый знакомый Шибанова, Карл Макриди, ухитрился собрать небольшую армию, в том числе включающую некоторое количество бывших военных и вполне серьезную технику. Против таких сил у Уотерхоула попросту не было шансов, но Макриди не обращал пока внимания на подобные городишки, имея куда более серьезные цели в виде крупных городов. В крупных городах была своя проблема – тысячи безумцев, которые оказались не совсем-то и без-

умцами. Осенью прошлого года кто-то – то ли в самом деле сумасшедший, то ли несколько офицеров, зараженных вирусом и ухитрившихся сговориться – попытался запустить с секретной базы несколько ракет с ядерными боеголовками. Системы ПВО Североамериканского Альянса сбили их, и ракеты упали, едва успев взлететь. Поэтому сразу несколько мест на Закрытой Территории превратились в радиоактивные проплешины, где не осталось ничего живого, а то, что там обитало, живым не поворачивался назвать язык. К счастью, все такие пятна были далеко от Уотерхоула, однако многие климатические изменения, вызванные взрывами, сказывались и здесь, начиная прежде всего с песчаных бурь.

Попытки выйти на связь с Большой землей заканчивались неудачей – Закрытую Территорию словно старались не замечать. Границы по-прежнему были перекрыты, там установили роботизированные системы, реагирующие даже на койотов и кроликов, и о мыслях удрать с проклятых земель все давно забыли. Изредка над Территорией появлялись самолеты и вертолеты с гуманитарными грузами, однако после того, как несколько машин было сбито, гуманитарку стали сбрасывать значительно реже. Кто сбил – те же больные военные, или же нормальные военные, которые все равно, как известно, в массе своей чокнутые – не знал никто. Кстати, немногочисленную авиатехнику, оставшуюся исправной на Территории, тоже сбивали – на сей раз с другой стороны, поэтому всякие попытки полетов быстро прекратились.

Складывалось впечатление, что Закрытая Территория стала чем-то вроде самостоятельного государства, с которым никто не хочет знаться и чьи границы закрыты в обе стороны, вроде Северной Кореи при династии тиранов Кимов. Разница заключалась в том, что тирания подразумевает жесткую власть, а на Закрытой Территории единой власти не было и быть не могло.

Маленькие городишки вроде Уотерхоула чаще всего были чем-то вроде коммун. Однако встречались и маленькие поселения с совершенно иным управлением – одни походили на гитлеровскую Германию, другие – на благостно-нелепые идеи утопистов. Первые жили долго и частенько побеждали вторых.

В Солт-Лейк-Сити располагалось, по сути, настоящее государство. Во главе его стоял человек, называющий себя Мастером; ходили слухи, что он то ли бывший министр, то ли бывший сенатор. Вернуться оттуда было еще более сложным делом, чем попасть туда. Поговаривали, что в Солт-Лейк-Сити возродился рабовладельческий строй, а множество научных и технических достижений человечества, кроме военных, объявлено выдумками Сатаны.

Ко всему этому следовало добавить кочевые рейдерские банды, остающиеся «сами по себе», стаи безумцев, которым не хватило места в больших городах, случайные компании деградировавших едва ли не до дикости людей. Кое-где, по слухам, процветал каннибализм, хотя фактических свидетельств не существовало. С другой стороны, как они могли существовать, если свидетели закончили свой жизненный путь в котле с похлебкой или на гриле?

Новостей в Уотерхоуле не было уже шестой день. В последний раз сюда наведались несколько рокеров, «Ангелов Ада», которые колесили по пустыне в поисках приключений на самодельных багги. «Ангелы» рассказали, что Макриди со своим войском разгромил довольно крупное поселение на месте тренировочного лагеря Национальной гвардии к юго-востоку отсюда.

– По-моему, они вполне могут двинуться сюда, – сказал один из «ангелов», тощий бородач в проклепанной куртке и с татуировкой в виде свастики на лбу. – Я бы на вашем месте, ребята, не сильно расслаблялся.

И «ребята» не расслаблялись. Усилили ночные посты на башенках, послали двух парней на квадроциклах «ямаха» объезжать окрестности, хотя бензин был на вес золота. Никаких следов Макриди.

Потому Кларк пребывал в хорошем расположении духа. Потирая объемистое пузо, он добродушно поинтересовался:

– Слушай, Расти, а что ты хранишь в этом футлярчике, который постоянно болтается у тебя на ремне?

– Амулет, – ответила за Ростислава девушка.

– И чего он означает?

– Любой амулет в первую очередь приносит своему обладателю счастье. Расти, покажи Рою скорпиончика.

Шибанов не любил демонстрировать посторонним свой талисман, но Рой Кларк на роль постороннего годился не вполне. Именно он сочетал их с Атикой браком. Кларк не стал тогда тянуть с церемонией и попросту спросил: «Согласны стать мужем и женой?». «Да», – хором ответили Ростислав и Атика. «Ну так и будьте, за чем дело стало? У нас в Неваде с этим всегда обстояло без особенных хлопот²⁸», – заключил Кларк и предложил отметить появление новой семьи.

Шибанов расстегнул кнопки футлярчика на поясе джинсов и показал Кларку металлическую фигурку. Бывший дальнбойщик осторожно взял ее в руки, повертел, укололся о торчавшее жало и, ойкнув, вернул.

– Где взял-то?

– От деда осталось.

– Дед колдун был, что ли?

– Нет, военный. Хотя, может быть, и колдун немножко...

– У моей бабушки тоже была подобная фигурка. Обезьянка, – сказала Атика, но Шибанов пропустил ее слова мимо ушей, потому что ему вспомнился дед.

---

²⁸ Согласно местным законам, в Лас-Вегасе свадебные церемонии проходят двадцать четыре часа в сутки. При этом период ожидания для подавших заявление отсутствует, более того, жених и невеста могут даже не выходить из машины

Дед Саня воспитывал юного Ростислава, пока отец с матерью мотались по далеким гарнизонам – профессия военного была в семье Шибановых наследственной. Здоровенный, всегда бреющийся наголо дед напоминал Ростиславу Юла Бриннера, голливудского актера с русскими корнями. Как-то Ростик сказал об этом деду, полагая, что тому подобное сравнение будет приятно, но дед только рассердился.

– Ты божий дар с яичницей не путай, – наставительно сказал он, – этот твой Юл, он кто? Обычный одесский биндюжник. А я потомственный казак с Таганрога. Чуешь разницу?

Каждое утро дед Саня целый час делал зарядку с гантелями, и Ростика к этому приучил. Ростислав хорошо помнил, как дед на спор подтягивался на турнике пятьдесят раз – а было ему в то время хорошо за восемьдесят. Могуч был дед Саня, могуч и крепок, как вековой дуб. Он всегда казался Ростиславу вечным – смерть просто не осмелилась бы приблизиться к такому молодцу. Поэтому, когда дед вдруг заговорил с ним о наследстве, Шибанов-младший сначала подумал, что он шутит.

Но дед был серьезен, как никогда. Он позвал четырнадцатилетнего Ростика в свою комнату, велел сесть в кресло и, открыв шкаф, вытащил деревянный, обклеенный картинками из старых советских журналов сундучок.

Сундучок не вызывал у Ростислава никаких добрых чувств. Дед хранил в нем целую грудку орденов и медалей, которые почему-то никогда не надевал, даже на День Победы. Когда Ростик было лет семь, он без спросу полез в сундучок, но рассмотреть там ничего не успел – дед бесшумно подошел к нему со спины, взял за ухо железными пальцами и вывел из комнаты. Потом взял широкий армейский ремень и несколько раз врезал Ростикуну пониже спины. Эта простая воспитательная мера надежно отбила у Ростислава желание повторно заглянуть в сундучок, и теперь он предсказуемо напрягся.

– Ростислав, – строго сказал дед, открывая сундук, – я скоро умру.

– Да ты что, дед! – опешил Шибанов-младший. – Что ты говоришь-то такое?

– Молчи, пацан, – дед Саня рылся в сундучке, звеня медалями. – Сказал – умру, значит, умру. Всему свое время, как говорил один старый еврей, время собирать камни, и время их разбрасывать. Страшного в том ничего нет, я и так уже пережил всех, с кем когда-то вместе под пули ходил. Последним вон академик²⁹ умер, тоже долго продержался, хотя и давили его, суки, со всех сторон. Но он молодец, пробился все же, я его даже по телевизору несколько раз смотрел...

Ростислав не понимал, о чем говорит дед – про свои военные приключения тот никогда не рассказывал, и никаких академиков до того момента не упоминал.

– Вот оно, – удовлетворенно пробормотал дед Саня, извлекая из сундучка какой-то кожаный мешочек. – Вот оно, твое наследство, Ростислав.

– Что это? – удивился Ростик.

– Предмет, – веско ответил дед Саня. Развязал шнурок, стягивавший горловину мешочка и осторожно вытряс на ладонь небольшую серебряную фигурку скорпиона. Но держать в руках ее не стал, положил на газету и газету уже пододвинул к внуку. – Возьми его и носи при себе. Поможет.

– В чем?

– В чем нужда будет, в том и поможет. Может, в спорте чемпионом стать, может, науку какую превзойти. Но только если ты его достоин будешь, понял? Плохим людям он не помогает.

Ростислав осторожно взял скорпиона в руку и укололся об острый хвост. Фигурка приятно холодила пальцы.

– И не показывай его никому. А особенно – не дари.

– Не дарить?

---

²⁹ Лев Гумилев не был академиком, Шибанов называет его так в шутку

– Украсить или отобрать у тебя его не смогут. А вот если ты его сам кому подаришь, особенно если девке, беда будет.

– Почему это?

Дед ответил не сразу. Потом тяжело поднялся и подошел к стеллажам, на которых стояли разные военные мемуары и книги по истории.

– Предмет этот, – сказал он, наконец, – принадлежал одному хорошему человеку, поэту. Хранил его во всех передрыгах, и на войне, и в Африке. А потом этот человек подарил его одной вертихвостке, которая тоже стишками баловалась...

– И что с ним случилось? – тихо спросил Ростислав. Скорпион в его руке казался живым.

– Шлепнули его как белогвардейский контрреволюционный элемент, – отрезал дед. – А вертихвостка эта уехала в Париж и прожила до девяноста лет, печалей не зная. А не подарил бы он ей скорпиона – глядишь, и сам бы жив остался, и сколько бы стихов еще хороших написал...

К стихам дед Саня был всегда равнодушен, цитировал классиков к месту и не к месту.

– Как же он у тебя-то оказался, деда?

– Так и оказался, – неизвестно отчего помрачнел дед. – Когда немцы Париж взяли, один штандартенфюрер скорпиона у этой вертихвостки забрал. Ну, ему-то это, положим, не помогло, скорпион только хорошим людям помогает... А уж у штандартенфюрера и я позаимствовал, только это позже было, уже под конец войны.

– И как он тебе помогал? – продолжал любопытствовать Шибанов-младший.

– А никак. Я ж его силой взял, а так он не работает. Но тебе по наследству передать могу, на это запретов никаких нет.

– А почему мне, а не отцу? – не унимался Ростислав.

– Потому что за отца твоего я и так спокоен, – отрезал дед. – Он мужик правильный, военная косточка, ему никакой пред-

мет не нужен. А насчет тебя сомнения у меня имеются. А проследить, чтобы ты человеком вырос, я уже не успею...

Ростик забрал скорпиона и спрятал его в ящике стола. А три месяца спустя, когда он был на спортивных сборах, дед умер – неожиданно, во сне. Словно остановился заведенный восемьдесят семь лет назад часовой механизм, до того работавший без сбоев...

– А мой талисман вон стоит, на улице, – пригорюнившись, сказал Кларк. – Почитай, все штаты проехал, включая Аляску, а теперь – кусок стенки. Хотя все лучше, чем если бы в каньоне сгнил или на трассе сгорел. Пользу приносит, как ни крути.

Грузный дальнобойщик поднялся.

– Ладно, пошел я. Расти, не забудь сменить своего приятеля на башне.

Приятеlem на башне был Профессор Джей-Ти, которого теперь уже никто не называл Профессором, особенно с учетом того, что в Уотерхоуле имелся настоящий профессор – доктор биологии Джулия Салазар.

Шибанов снял с крючка автомат – тот самый «калашников», с погрызенным тварью прикладом. Кстати, о хихикающем чудовище Ростислав потом слышал не один десяток рассказов. Кто-то явно привирал и сам твари не видел, другие видели, но издали, и только один мексиканец столкнулся с ней лицом к лицу, потеряв в результате маленького сына и жену. Мексиканец говорил об этом случае только однажды, сильно напившись, и называл пустынную тварь не иначе как дьяволом, который влезает человеку в мозг, чтобы потом съесть его душу и пальцы.

– Он пришел из Ада, – бормотал мексиканец, сжимая в руке бутылку с дешевой текилой. – Есть такие места, где Ад совсем близко. Стенку в наш господень мир можно проткнуть пальцем... А нынче мы все в собственном Аду, так почему дьяволу не ходить сюда на обед?

Джей-Ти обрадовался, когда Ростислав по шаткой металлической лесенке взобрался на башню.

– Я думал, ты опять проспишь, чувак, – сказал он. – Конечно, кому еще работать, как не бедному ниггеру, пока белый человек дрыхнет.

«Бедный ниггер» теперь мало напоминал того расфуфыренного типа в широченных штанах, бесформенном балахоне и увешанного побрякушками, с которым Шибанов когда-то познакомился в Неверлэнде. Правда, одну серьгу рэпер все же сохранил, но одет был просто и практично – в плотный комбинезон цвета хаки и высокие туристические ботинки со шнуровкой.

На небольшой площадке башенки размещался армейский пулемет М240, укрепленный на хитроумно сделанной вращающейся турели. На всех башнях пулеметы были разные, какие попались под руку. Тут же висел колокол, а еще часовому полагалась рация на аккумуляторах, которые заряжались от самодельного ветрового генератора.

– Иди завтракай, бедный ниггер, – велел Шибанов, хлопая приятеля по задку.

– Оставь эти штучки для своей жены, извращенец! – выкрикнул Джей-Ти, скатываясь вниз. – Или она тебе не разрешает? Прекрасно понимаю Атику, тоже мне, связалась с белым. То ли дело черные парни! Пожалуй, я навещу ее, пока ты там таращишься на стервятников!

Шибанов беззлобно ругнулся и сделал вид, что целится в негра из пулемета. Хохочущий Джей-Ти скрылся за углом строительного вагончика, в которых жили почти все обитатели Уотерхоула, включая семейство Шибановых. Рой Кларк обустроился в кабине своего тягача, то есть фактически в крепостной стене. Еще у некоторых имелись подобию домов, собранные из деревянных щитов, фанеры и листов гофрированного железа. Иногда Ростислав с ужасом думал, что бы случилось, произойди все это на Аляске.

– Расти! – позвали его снизу.

Это оказалась доктор Салазар. Немолодая, но все еще привлекательная женщина, до эпидемии она преподавала в университете штата. Накануне «конца света» Салазар уехала по делам в частный колледж Сьерра-Невада на границе с Калифорнией, оставив семью в Вегасе. Она смогла вернуться туда лишь через три дня, чтобы увидеть, что их дома больше нет, а на пепелище кем-то сложена пирамида из обглоданных человеческих костей. Поговаривали, что у нее роман с Кларком, но никаких видимых подтверждений тому не имелось. Сейчас Джулия Салазар выглядела крайне взволнованной.

– Что случилось, доктор? – отозвался Ростислав.

– Фил случайно поймал своим сканером радиопереговоры разведчиков Макриди. Они совсем рядом, возле Ред-Сэндс.

Ред-Сэндс – так назывался мертвый городок в нескольких милях от Уотерхоула. Там жило человек двадцать, и в один прекрасный день все куда-то исчезли, оставив массу полезных вещей, которые в случае ухода обязательно унесли бы с собой. Это породило массу легенд, основная параллель проводилась с таинственной историей колонистов, бесследно исчезнувших с острова Роанок в Чесапикском заливе между 1587 и 1590 годами. Грешили и на безумцев, и на неведомых мутантов, которые якобы делали набег из радиоактивных зон, хотя Салазар уверяла, что мутации не могли произойти так быстро. Люди пропали, даже не забрав оружие и продукты. Один из пулеметов на башнях Уотерхоула был как раз из Ред-Сэндс, Шибанов сам снимал его с тамошней установки над хлипкими воротами. Сейчас руины мертвого городка были окончательно разграблены, а сам он наполовину занесен песком.

– Рою сообщили?

– Рой как раз и просил позвать тебя. Он в штабе.

Штабом назывался школьный автобус, стоявший примерно посередине городка и служивший для общественных мероприятий.

– Я только что заступил, – развел руками Ростислав.
– Сейчас придут Атика и Мидори, они тебя подменяют. Спускайся.

Атика и Мидори всегда и везде старались ходить вместе. Их отношения ни в коем случае не были отношениями старшей и младшей подруги; полнейшее равноправие, хотя поначалу многие считали Мидори кем-то вроде дочери Атики. Детей в городке вообще было мало...

В штабе, за импровизированным столом из алюминиевого листа, сидели Кларк, Фил Гибсон, Герберт Красный Олень и Лайонел Ульрих. Красный Олень был индейцем из племени лакота, а Ульрих – капитаном Национальной гвардии, по совместительству владельцем писчебумажного магазинчика в Остине³⁰. Стоило ли пояснять, что и от магазинчика, и от Остина к этому времени уже мало что осталось.

– Садитесь, Шибанофф, – сухо произнес Ульрих. Капитан был желчным, вечно недовольным мужчиной с больным желудком. Он как раз расстелил на столе карту штата.

– Они говорили, что миновали Ред-Сэндс, – повторил Фил Гибсон, видимо, для только что пришедшего Ростислава. Чернокожий пожилой телемастер был очень учтивым и вежливым человеком, постоянно боявшимся кого-то случайно обидеть. Из разного барахла он собрал сканер радиочастот, который иногда работал.

– Сколько их? – спросил Ульрих.

– Откуда же мне знать... – виновато сказал Фил. – Они общались через позывные, первый был Ли, второй – Грант.

– Генералы Гражданской войны, – понимающе кивнул Кларк.

– Тот, который Грант... Он и был у Ред-Сэндс... Так вот он сказал, что здесь поблизости есть еще один городишко, неплохо бы туда заглянуть и посмотреть, что там да как. Собирался сделать это к вечеру.

---

³⁰ В Национальной гвардии США служат резервисты

– Интересно, чем он планирует заниматься до вечера, – пробормотал Шибанов. Ульрих кисло посмотрел на него и ткнул пальцем в карту:

– Вот здесь – Дублин, они могли сначала поехать туда. Для мобильной группы на вездеходах это недалеко.

– Значит, нам нужно выслать им навстречу небольшой отряд. Для перехвата, – предложил Кларк.

– Затем мы и пригласили Расти, – сказала доктор Салазар. Она стояла у дверей, словно не считала возможным участвовать в мужском военном совете, но все прекрасно слышала. – Братья Райт отдадут ему и Джею-Ти свои квадроциклы.

– И что они сделают, если там будет пара джипов или броневик? У Макриди полно военных «хаммеров».

Разумеется, это сказал капитан Ульрих.

– Расти? – Джулия Салазар вопросительно повернулась к Шибанову.

– А что хотели предложить вы, капитан? – поинтересовался в ответ Ростислав. – Если мы не перехватим разведчиков, они вернутся к Макриди и скоро явятся сюда с основными силами. Если перехватим – Макриди может подумать все, что угодно, особенно если пропажу разведчиков обставить как следует.

– Я в принципе согласен с вами, Шибанофф, – сказал Ульрих, сделав физиономию еще кислее. Ростислав думал, что такое невозможно.

– Я тоже, – прогудел Красный Олень, который все это время молчал, картинно сложив руки на груди.

– В таком случае нам нужно выезжать. Думаю, рации брать не стоит – нас с тем же успехом перехватят люди Макриди, как только что поступил с ними старина Фил.

– Логично, – признал Ульрих. – Но возьмите с собой еще пару человек. На квадроциклах по два места.

– Это снизит скорость, капитан, – возразил Ростислав. – Вполне возможно, нам придется удирать что есть мочи.

Ульрих пожал плечами, демонстрируя, что на данном этапе он умывает руки и Шибанофф с негром могут погибать, как им заблагорассудится. Кларк шумно почесал в паху (он не мог избавиться от этой дурной привычки многих дальнобойщиков, а остальные старательно делали вид, что не замечают) и посоветовал:

– Возьмите пару РПГ³¹. Чертовски мощные штуки, на случай, если бандиты Макриди и вправду будут на броневиках.

– Хорошо, Рой, – сказал Шибанов. – Я пошел будить Джея-Ти.

Сказать, что негр был возмущен – значит, не сказать ничего.

– Чувак! – орал он, прыгая по своему тесному вагончику в одних белых боксерских трусах. – Я проторчал целую вахту на вышке, как хрен на морозе! Только я съедаю пару сэндвичей и забываюсь тяжким сном, как ты приходишь и, блин, трясешь меня за плечо! Тебе что, некого с собой взять?!

– Ладно-ладно, – Шибанов примирительно поднял руки. – Спи дальше. Я возьму кого-нибудь из Райтов.

– Что? Этих сопливых недоносков?! Ты с ума сошел, белый. погоди, я схожу в сортир, оденусь и поеду с тобой, иначе твоя жена будет плакать на могилке, а мне придется ее утешать что есть сил. Ты, поди, будешь против?

– Еще как, – согласился Ростислав.

– Тогда иди к воротам, я сейчас приду. Пушку брать?

– Бери. Кларк обещал нам пару РПГ впридачу.

– РПГ это хорошо. Русские умеют делать всякую фигню, которая убивает, – одобрительно закивал Профессор и принялся искать брюки среди массы разбросанных по вагончику вещей.

---

³¹ Правильнее – РПГ-7. Российский ручной противотанковый гранатомет для стрельбы активно-реактивными (с ракетным двигателем) гранатами. Предназначен для борьбы с танками, самоходно-артиллерийскими установками и другой бронетехникой противника, может быть использован для уничтожения живой силы противника, а также для борьбы с низколетящими воздушными целями. Принят на вооружение в 1961 году. Эффективно использовался практически во всех вооруженных конфликтах с момента его появления. Является наиболее распространенным и узнаваемым ручным противотанковым гранатометом в мире. Благодаря модернизации боеприпасов представляет существенную опасность для современных бронированных целей, поэтому остаётся востребованным и в наши дни

Близнецы Райт стояли возле своих бесценных квадроциклов и мрачно ковыряли в носках.

– Смотри, Расти, если угробишь мою тачку, я найду твою могилу и навалю на нее огромную кучу, – пообещал Юджин Райт. Братцы раньше были отъявленными хулиганами и завсегдатаями воспитательных заведений, несмотря на достаточно нежный возраст. С тех пор они малость посерьезнели, но все равно оставались редкостными подонками без надежд на исправление.

– А я заберу себе твою вдову. И вообще, лучше бы мы сами поехали, – сказал Кевин Райт, угрюмо глядя сквозь грязные перепутанные дреды на Кларка, принесшего два ручных противотанковых гранатомета.

Шибанов не стал вступать в спор с дефективными. Он сказал Кларку, что на минутку отлучится, и поспешил в свой дом. Кларк крикнул вслед, щелкая чем-то на гранатомете:

– Даю двадцать!

– Я уже знаю, – сказала Атика, обняв его на пороге.

– Рой дал мне двадцать минут...

– Я пойду погуляю, – заявила Мидори, которая, оказывается, все слышала. Ростислав поймал себя на мысли, что краснеет, хотя девочка жила с ними и спала в отдельной комнате, все прекрасно понимая.

Мидори проскочила мимо них и унеслась куда-то между вагончиками. Шибанов закрыл дверцу на засов и повторил:

– Двадцать минут, любимая...

– А в первый раз у нас было два часа, – напомнила Атика.

Ростислав закрыл ей рот поцелуем. В первый раз им не хватило и двух часов – после они несколько дней ходили наэлектризованные, боясь случайно прикоснуться друг к другу – словно от этого мог произойти взрыв. А может, так оно и было.

Ростислав был счастлив, что это ощущение взаимной тяги, желание обнять, прикоснуться, прижаться – было между ними

всегда. И он очень надеялся, что так будет и впредь. Любую свободную минуту они старались быть вместе.

Хоть времени было катастрофически мало, Ростислав очень медленно и нежно расстегивал на Атике одежду, покрывая ее шею, плечи, руки поцелуями. Ростислав опустил на колени и взялся за ремень на ее джинсах. Атика прикрыла глаза, положила руки Ростиславу на затылок. Он как всегда почувствовал, что от ее ладоней пошел жар, растекаясь по его телу. Ростислав подхватил возлюбленную на руки и отнес на кровать.

– Какая же ты невыносимо красивая, – шептал Ростислав, прикасаясь губами к ее прохладной смуглой коже.

– Как я соскучилась, любимый, – шептала Атика ему в ответ.

Время рвануло вперед, оставляя ощущение, что его прошло много, бесконечно много. Их близость каждый раз потрясала их самих – казалось, что за минуты они проживают целую жизнь. Что может быть желаннее партнера, друга, возлюбленного, говорящего на одном с тобой глубинном языке понимания?

Они лежали рядом, в восхитительном изнеможении. Атика водила кончиками пальцев по груди Ростислава, едва касаясь его разгоряченной кожи. Он закрыл глаза, наслаждаясь этим мгновением, наполненным спокойствием и умиротворенностью. Лежал бы так и лежал, часами, днями. Но нужно было спешить. Как там говорил Иисус Лазарю? «Встань и иди»?

– Встань и иди, – громко сказал сам себе Шибанов. Атика с удивлением посмотрела на него и тихонько засмеялась:

– Никогда не думала, что мой муж и господин – сын бога.

В этот момент «сын бога» запутался в штанине и грохнулся на пол, больно ударившись копчиком.

...Джей-Ти ждал у ворот и лениво препирался с близнецами. Завидев Ростислава, он тут же выдал:

– Белый и есть белый: раз-два, и побежал. Не понимаю девчонок, которые женятся на белых. Там и смотреть-то не на что, не говоря уже насчет заняться сексом.

Близнецы заржали, несмотря на то, что под слоем загара и грязи сами были вполне белокожими. Подошел Ульрих, выдал маленькую карту с самолично сделанными пометками, пожевал тонкими синеватыми губами и сказал:

– Удачи вам, Шибанофф.

– Спасибо, сэр, – ответил Ростислав и отдал честь. Гранатометы уже были приторочены к «ямам», для каждого полагалась пара зарядов. Шибанов также взял свой «калашников», а Джей-Ти – автоматическую винтовку М-16, плюс у обоих имелись пистолеты и по паре ручных гранат.

– Жилеты наденем сразу? – спросил негр.

– Береженого бог бережет, – сказал Ростислав.

Они натянули кевларовые бронежилеты, надели шлемы с противопылевыми масками и очками. Кларк махнул рукой, зашипела гидравлика, и ворота стали медленно открываться.

Шибанов оседлал квадроцикл и погазовал для пробы. Двигатель работал, как часы: что-что, а ухаживать за своей техникой близнецы Райт умели. Собственно, раньше они промышляли в том числе кражей различной мелкой техники, так что руку набить успели.

– Если не вернемся до заката, значит, дело плохо, – сказал хоккеист. Кларк покачал головой:

– Вы уж вернитесь.

– Всякое бывает, Рой. Если что, считайте меня коммунистом.

– Зачем? – удивился Кларк.

– А, ерунда. Русская традиция, – улыбнулся Шибанов и выехал за ворота, плавно обогнув корму стоявшего там танка.

Кевин Райт успел крикнуть вслед какую-то гадость, а может, напутствие, но Ростислав уже ничего не слышал.

Негр нагнал его на вершине ближайшего бархана и пристроился рядом. Сейчас они ехали в Ред-Сендс, поскольку парни Макриди недавно вертелись где-то там. Ветра не было, стоял полный штиль, и найти их по следам колес не составляло особого труда.

По песку впереди неторопливо прошествовал хила-монстр – ядовитая ящерица с красивой яркой окраской. Кларк утверждал, что раньше их было куда меньше, как и койотов. Что поделать, цивилизация понемногу отступала, а пустыня – наступала, потому что ее ничего не сдерживало.

Слева промелькнул остов сгоревшей автомашины – память о не столь давнем визите рейдеров, который был успешно отбит. Банда была маленькой, и справиться с ней не составило труда – один автомобиль подбили из пушки «хамви», три других удрали. Эта маленькая победа шумно праздновалась, но все понимали, что Уотерхоул как боевая единица мало чего стоит. Основную часть населения городка составляли женщины и пожилые мужчины, в крайнем случае – малолетние проходимцы вроде братьев Райт. Все они в случае нужды могли держать в руках оружие, проходили под руководством капитана Ульриха стрелковую подготовку, но против сильного противника вряд ли бы выстояли. До сих пор им, видимо, просто везло. Шибанов надеялся, что повезет и сейчас: они либо уведут разведчиков в сторону, «перенацелив» на кого-то из соседей помощнее, либо уничтожат. Первый способ был довольно подлым, второй – маловыполнимым, но у них за спиной были люди, которые надеялись на Расти и Джея. Зависели от них.

Иногда Шибанов думал, что будет, если его убьют.

Вообще-то он размышлял об этом, еще будучи хоккеистом. Страшные истории о солнечных артериях, случайно перере-

занных коньком, о шоке, полученном при попадании шайбой в сердце, о смертельных переломах в столкновении с бортом или противником... Но там смерть являлась глупой случайностью. После побега с ранчо Неверлэнд она сделалась постоянным спутником и таилась за каждым углом.

Конечно, Ростислав боялся смерти. Его пугал не моментальный уход из жизни – это, наверное, так же молниеносно, как щелчок выключателя и гаснущий свет, – а мучения – например, получить пулю в живот и остаться лежать в пустыне, на ночном холодеющем песке, слыша, как к тебе крадутся падальщики, чтобы начать пожирать еще живое тело. Еще он боялся попасть в руки к безумцам – он видел то, что осталось от тел таких неудачников, и представлял, что они пережили перед тем, как умереть. Сильнее всего Шибанов боялся оставить одних Атику и Мидори. Конечно, в случае чего в Уотерхоуле их никто не обидит, но жизнь велика, а Уотерхоул не вечен. Поэтому надо выжить.

Талисман-скорпиончик был тут как тут, в футляре на ремне. Атика убедила мужа, что амулет в самом деле приносит ему удачу, помогает в жизни. По ее мнению, такие вещи, передаваемые из поколения в поколение, собирают в себе их мудрость и опыт; другое дело, сумеешь ли ты ими правильно воспользоваться. Но это уже, как говорится, твои проблемы.

Ростислав часто вынимал скорпиона из его обиталища и рассматривал, даже при помощи мощной лупы. Ни клейма производителя, ни какого-нибудь микроскопического значка мастера он не нашел. Стереться они не могли – металл был очень прочным. Как-то в Нью-Йорке он почти решился показать фигурку ювелиру и попросить сделать анализ металла, но в последний момент передумал. Больше того, Ростиславу показалось, что фигурка сама этого не хочет, и он ее послушался.

– Это, брат, штука важная. Береги ее, – говорил дед, ничего не объясняя. Шибанов-внук и берег.

Наконец, после долгой унылой езды и однообразного пейзажа, вдаль черной точкой показался Ред-Сэндс. Джей-Ти помахал рукой, делая знак остановиться. Шибанов притормозил и заглушил мотор.

– Предлагаю в сам город не соваться, а обогнуть его. Ты, чувак, слева, а я – справа.

– Может, все-таки осмотрим? – усомнился Ростислав.

– На хрена, братан? Вдруг там кто-нибудь поселился?

«Где крещеного человека долго не бывает, там и чему другому поселиться невелик труд», – вспомнилась Шибанову какая-то старинная книжка, прочитанная в детстве. Вряд ли в брошенном Ред-Сэндс поселились привидения или вурдалаки, но вот стая безумцев вполне могла, равно как и отряд бродяг, приметивших пустующие домишки. Быть зарезанным по глупости, выполняя важное задание для города, Ростислав не планировал.

– Окей, – сказал он. – Ты – справа, я – слева, встречаемся с той стороны.

Рэпер, выбросив из-под колес квадроцикла целый шквал песка, помчался в своем направлении. Шибанов торопиться не стал – сверился с картой, поправил слегка разболтавшееся крепление гранатомета и только тогда тронулся с места.

Он медленно проехал метрах в сорока от ржавых стен Ред-Сэндс, собранных, как и в Уотерхоуле, из кусков кровельного железа, оградительной сетки, автобусов, грузовиков и даже длинной цистерны, отполированной до зеркального блеска. Несмотря на полное безветрие, в городе что-то брякало, постукивало и подвывало, словно сквозняк.

Ростислав пригнулся к рулю «ямахи», готовый в случае малейшей опасности умчаться прочь. Но никто в него не стрелял и никто на него не бросался. Квадроцикл миновал поко-

сившуюся решетчатую башенку, и Шибанов увидел своего спутника. Квадроцикл негра стоял в ложбине между двумя песчаными дюнами, а сам Джей-Ти что-то рассматривал, нагнувшись. Заметив Шибанова, он поманил его рукой.

В песке лежал труп.

Довольно свежий, насколько в этом разбирался Ростислав. Понятное дело, что на горячем песке тело остывало достаточно долго, но зато и разлагалось быстро. Этот покойник был свежим, человека убили от силы пару часов назад.

– Смотри, что за хрень, – сказал негр, показывая на руки трупа. На них не было пальцев.

*«Где осажденная крепость,
бессильная отбросить врага?»
Уолт Уитмен*

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В осаде

Невада, Соединенные Штаты, март 2014 года

– Наш старый знакомый? – задумчиво произнес Шибанов, озираясь.

– Не исключено. Пальцы обгрызены на хрен, хотя это мог сделать и койот.

Но оба прекрасно понимали, что изуродовал тело вовсе не койот. Ростислав осмотрел мертвеца: хорошая походная одежда, добротные ботинки «докерс», большой охотничий нож в чехле, пустая кобура из-под чего-то крупнокалиберного, в карманах – всякие обычные мелочи. Изможденным не выглядит, скорее, наоборот, умер оттого, что ему свернули шею, на которой Ростислав заметил следы царапин, словно от острых когтей.

– Он пришел оттуда, – Джей-Ти указал на цепочку следов, уходящую за холм. Рядом со следами «докерсов» все было испещрено другими, похожими на отпечатки босых ног, хаотичными, будто их обладатель беспорядочно прыгал вокруг идущего или бегущего человека.

– Точно, та самая тварь. Далековато она забралась от Вега-са, – заметил негр.

– Нынче мы все в собственном Аду, так почему дьяволу не ходить сюда на обед? – повторил Шибанов слова пьяного мексиканца.

– Чего?

– Рассуждаю вслух, Джей.

– Тогда нормально. А то я думал, ты превратишься в чертова проповедника, – озабоченно сказал негр. – Я их страсть как не люблю, даже черных. Как только какой-то чувак начинает мне втолковывать про Ад и Рай, я стараюсь поскорее сделать ноги. Берегу мозги, вот как.

Они поехали по следам, и примерно через полторы мили наткнулись на лагерь.

Несомненно, он принадлежал людям Макриди. Джип в маскировочной пустынной окраске, с пулеметом Мк.48 на турели в люке, и багги-пескоход на высоких толстых колесах. В стороне был разложен маленький костерок, уже погасший, рядом валялись так и не вскрытые банки с мясными консервами и пара бутылок пива. Хозяев всего этого, в отличие от банок, весьма умеючи вскрыли. Три тела были вспороты от горла до низа живота, так, что наружу торчали белые взломанные ребра, внутренности разбросаны вокруг. Слышно было жужжание насекомых, облепивших трупы.

– Смотри... Та же фигня, – промямлил Джей-Ти.

Да, та же самая фигня. Шибанов видел – у всех троих отсутствовали пальцы.

– Эта сволочь положила четырех бойцов Макриди. Они даже не успели выстрелить.

– Да уж, – согласился негр, поддевая ногой винтовку «ремингтон». Ствол ее был согнут почти под прямым углом. – Слушай, чувак, я не понимаю, как мы-то в свое время уцелели?!

– Не знаю, Джей, – покачал головой Шибанов. На самом деле он подозревал, что может как-то сопротивляться гипнотической силе хихикающего демона, но почему – даже не догадывался. Эти люди сопротивляться не смогли и были жестоко убиты.

– Может, он до сих пор тут? – шепотом спросил рэпер, пригибаясь.

– Вспомни – он приходит с песчаной бурей. Ты тогда назвал ее торнадо. Сейчас все тихо.

– Все равно мне тут не по себе, чувак. Давай отсюда валить. Покойники эти, не люблю я их. Как на бойне, блин. Так и жду, что оно снова захихикает.

– Секунду. Машины можно забрать потом, но давай их хотя бы обыщем.

Автоматы, пистолеты, патроны, ящик с лентами к пулемету... Сухой паек, канистры с водой и бензином – все это отлично пригодится городу. Шибанов захлопнул дверцу джипа, и тут громко запищала рация. Не их рация – они не брали с собой «уоки-токи».

Звук исходил со стороны лежавших у костра трупов. Ростислав нашел в нагрудном кармане бородача-латиноса продолговатый пластмассовый брусочек, вопросительно посмотрел на Профессора. Тот пожал плечами – сам, дескать, решай. Ростислав нажал кнопку и нарочито невнятным голосом сказал:

– Прием.

– Грант? Что случилось? Почему не выходишь на связь?

– Грант мертв, – сказал Ростислав все так же невнятно, стараясь держать микрофон подальше от лица. – На нас напали.

– Кто напал? С кем я говорю?

– Безумцы, здесь их целая толпа! Я удрал... Ли, здесь опасно!

Невидимый Ли что-то повелительным тоном закричал в ответ, но Ростислав с размаху треснул рацию о крыло джипа. В стороны полетели куски пластмассы.

– Задурил им башку, ага, – одобрительно заушмылялся Джей-Ти. – Про чокнутых это ты хорошо. Ладно, поехали домой. Я, блин, реально боюсь.

– Эх, зря я рацию разбил... – запоздало сказал Шибанов. – Могла пригодиться...

Ворота уже были открыты – дозорные на башнях заметили своих и сигнализировали Кларку. Рой сам встречал их со всем штабом – Ульрих, доктор Салазар, Гибсон, вечно молчащий Красный Олень. Тут же были любопытные, не занятые на работах, и неизменные братья Райт, которые сразу бросились осматривать ненаглядные квадроциклы. Атика бросилась Ростиславу на шею, словно он отсутствовал с неделю. Мидори радостно улыбалась.

– Милая, мне нужно поговорить с Роем, – сказал Шибанов, осторожно высвобождаясь от объятий жены. – Идемте в «грейхаунд», Рой. Парни, не разгружайте технику, возможно, мы сейчас поедем обратно.

Последнее было сказано уже Райтам, которые пытались снять с багажника гранатомет.

В автобусе Шибанов рассказал все о найденных мертвых разведчиках Макриди и о том, что попытался ввести противника в заблуждение.

– Они могли поверить и пока не соваться сюда. Могли не поверить, тогда они вышлют другой отряд. В любом случае предлагаю поскорее забрать две машины и остальные трофеи, а тела хорошенько спрятать.

– Снова этот пустынный демон, – пробормотал Кларк, гулко постукивая пальцами по листу алюминия, заменявшему стол. – Я-то думал, это все сказки.

– Не сказки, – возразил Шибанов. – Я его тоже видел.

– Ты мне не рассказывал, – поднял укоризненные глаза бывший дальнобойщик.

– Не считал нужным. В конце концов, все истории про демона касались юга Невады. А теперь, получается, он здесь.

– А если это были безумцы? – предположил Ульрих.

– Безумцы сожрали бы припасы, как вариант – забрали бы оружие, если не совсем отмороженные. Даже могли угнать технику. А здесь – все цело. Да вы сами увидите, сейчас мы с братьями Райт съездим туда и пригоним автомобили с грузом.

– С этими молокососами? – усомнился Ульрих, не любивший отсутствия дисциплины, которое для Райтов было образом жизни.

– Они нам нужны только как водители, сэр, – сказал Шибанов. – Только туда и обратно.

– Хорошо, – решил Кларк, – отправляйтесь. Будем надеяться, что Макриди клюнул и отправится в какое-нибудь другое графство. Не все ли ему равно, в конце концов.

– Нам неизвестны его планы, – разумно заметил Ульрих. – Возможно, он собирается стать властелином Территории. Из его радиообращений, которые мы время от времени слушаем, это вполне проистекает.

– Нынче не об этом речь. Езжайте, Расти. Мы вас ждем.

Братья-разбойники наотрез отказались пускать за руль Джея-Ти и Ростислава, показывая какие-то древние царапины на рамах «ямах» и клевета, что это заслуга их дурного вождения. Плюнув, Шибанов сел позади Юджина, негр – за спиной Кевина, и они во второй раз за сегодняшний день выехали из городка.

Ред-Сэндс миновали по широкой дуге; суеверные Райты охотно слушали страшилки о пустынной нечисти и радостно им верили. Лагерь нашли быстро.

– Holy shit! – воскликнул Юджин Райт, осеняя себя крестным знамением. – Кто это их так подрал?

– Звери, – не стал вдаваться в подробности Шибанов, снял с крепления на борту джипа лопату и швырнул Юджину. – Копайте яму, поглубже. Надо зарыть трупы.

Поднимался ветер, и это было весьма кстати: он заметет автомобильную колею, и разведчикам Макриди, если что, будет трудно найти машины и тем паче увидеть, куда они направились из мертвого лагеря.

С могилами справились быстро, сволокли туда покойников, причем Кевин Райт немного поблевал, вызвав ехидные на-

смешки братца. Зарыли. Ветер все усиливался, кидаясь песчаными зарядами и колючими мотками перекасти-поля. Загрузив припасы и валявшееся у костра оружие в джип, Шибанов тревожно огляделся вокруг. С ветром мог прийти хихикающий демон, следовало поторопиться. Но Ростислав решил поступить несколько иначе, как только обнаружил в специальном чехольчике на приборной доске багги еще одну рацию, ранее незамеченную.

– Парни, гоните обратно машины, а мы на ваших квадроциклах немного попатрулируем, пока не началась буря, – приказал он близнецам. Те для виду поворчали, хотя погонять на джипе и багги явно были не прочь, затем поссорились из-за того, что кому вести, получили по шее от Ростислава и уехали – Юджин на багги, Кевин на джипе. А может, и наоборот: близнецов частенько путали.

– Что ты задумал, чувак? – подозрительно спросил Джей-Ти, когда автомобили скрылись за дюнами. – Если ловить эту тварь, то я не стану.

– погоди, – отмахнулся Шибанов и включил найденную рацию, обернув ее носовым платком для искажения голоса. В сочетании с завыванием ветра это должно было дать хороший эффект. – Ли? Ли, это Грант.

– Грант? – ожил динамик. – Какого черта! Сказали, что ты покойник.

– Кто сказал?

– Я не понял... Кажется, Фрэнки. Типа на вас напали безумцы, всех перебили, а он сбежал.

– Чертов Фрэнки в самом деле сбежал, я не знаю, где он... Безумцев было человек триста, Ли! Давно столько не видел. Многие с оружием, какая-то кочующая стая... Я на багги, пытаюсь выбраться к вам.

– Мы в десяти милях от точки встречи, где именно ты находишься?

– Я... Э-э...

Шибанов замешкался. Негр смотрел на него, держа винтовку наготове.

– Грант? Это точно ты? – озабоченно спросил Ли. Видимо, дело было не в голосе – сама манера разговора Ростислава не походила на покойного Гранта, черт бы его побрал.

Шибанов отключился. Надуть никого не удалось – какие-то силы армии Макриди двигались сюда. «Мы в десяти милях от точки встречи», – сказал Ли. А где точка встречи? Может быть, лагерь и был точкой встречи, раз уж разведчики расположились здесь?

Что ж, придется продолжить работу, которую они уже начали.

– Поедем искать Макриди, Джей, – сказал Шибанов, забираясь на квадроцикл. Ветер усиливался.

– Черт. Мог бы предупредить, чувак. Я бы попрощался с Минни.

Минни – так звали девушку Джея-Ти, миниатюрную негритянку лет шестнадцати. До эпидемии отношения с девушкой такого возраста стоили бы рэперу тюремного срока и прочих неприятностей, но только не сейчас. Закон остался в прошлом, и порой в этом не было ничего плохого.

История Минни запросто сгодилась бы голливудским продюсерам. Она с отцом, пилотом-частником, пыталась спастись из Колорадо на маленькой «сессне». Однако на границе их перехватил армейский вертолет, велел развернуться, а когда отец не послушался предупреждения – сбил.

После падения из шести человек, находившихся в самолете, выжила только Минни. Ее подобрали какие-то парни на мотоциклах, увезли с собой, хотели изнасиловать, но не успели – появились полицейские и прикончили парней. С полицейскими Минни поехала в некий временный лагерь, но стоило туда приехать, как на лагерь напала толпа безумцев, превратив развер-

нутые шатры и полевой госпиталь в смешанную с кровавым мясом груду тряпок. Но Минни удалось спастись снова – на грузовичке Фила Гибсона, чернокожего телемастера. С Гибсоном она попадала в целый ряд безвыходных ситуаций, но снова и снова спасалась, пока не оказалась в Уотерхоуле. Когда Минни увидела Джей-Ти, то едва не упала в обморок: девушка была его фанаткой и ежедневно писала ему письма в числе тысяч таких же фанаток, которые рэпер, конечно же, не читал.

Тем не менее их отношения были нежными и вполне настоящими, хотя официально Минни до сих пор жила у Фила, заменившего ей отца.

– Зачем прощаться? Мы вернемся.

– Я теперь всегда прощаюсь, братан, когда уезжаю. И утром попрощался, а когда поехали во второй раз, то прикинул: блин, всего-то надо забрать трофейную технику, зачем опять ее будить... Ладно, если что, гореть тебе в аду, белый.

Эту угрозу Джей-Ти сопровождал яркой белозубой улыбкой, но Ростислав видел, что его товарищ огорчен.

– Как ты думаешь, где они, Джей?

– Ну, я так прикидываю, чувак, что у них там большие тачки, правда? Даже если это просто крупный отряд, а не основные силы хренова Макриди. А большие тачки обычно стараются по максимуму ехать по шоссе, а не через холмы и пустыню. Шоссе тут есть, оно дерьмовое, но местами еще не занесено песком. Значит, они там.

– Я тоже так думаю, – сказал Шибанов, сворачивая карту. – Едем к шоссе по кратчайшему пути. Надеюсь, мы их встретим. Хорошо, что не оставили гранатометы.

– Дай бог, чтобы они нам негодились, – сварливо проворчал Джей-Ти.

Как бы то ни было, на колонну армии Макриди они наткнулись через полчаса с небольшим. Первым машины заметил Джей-Ти и успел свернуть между двумя торчавшими из земли

скальными выступами до того, как его засекли. Ростислав повторил его маневр.

Вместе они осторожно выглянули из-за скалы.

Четыре армейских «хамви», в том числе один с безоткатным орудием на прицепе, длинный бронетранспортер, четыре переделанных в боевые разномастных джипа с пулеметами, трехосный грузовик с тентом и эмблемами Национальной гвардии на дверцах кабины, багги. Для основных сил Макриди, безусловно, маловато, но для Уотерхоула и этого достаточно. Армия рейдеров, видимо, хорошо представляла себе, что такое маленький Уотерхоул. Не первый и не последний городок, на который они планировали нападение, и боевой опыт научил их правильно рассчитывать силы.

– Что будем делать? – спросил Джей-Ти. Он старался выглядеть невозмутимым, но голос заметно подрагивал.

– Атакуем и стараемся нанести максимальный ущерб. Потом удираем домой. У них из скоростных машин только багги, остальные нам не конкуренты... Распаковывай гранатометы.

– Может, удерем? Встретим их дома.

– Нет, Джей. Мы встретим их здесь, пока они не ожидают. А потом удерем, как ты и предлагал.

Колонна не торопилась, медленно переползая с еле заметного под песчаными заносами шоссе на бездорожье. Шибанов взял тяжелый РПГ и прицелился в передний «хамви». Это серьезное оружие он знал только в теории, потому что тратить на занятиях драгоценные заряды Ульрих не разрешал.

– Стреляй в замыкающую машину, – сказал Шибанов. Негр кивнул.

Оба РПГ выстрелили практически одновременно. Шедший впереди «хамви» исчез во вспышке, затем снова появился, кувыркаясь и разбрасывая ошметки пламени. Джей-Ти промазал – граната унеслась куда-то в пустыню, оставляя дымный

след. Багги вывалился из строя и помчался, огибая скалы. Шибанов поспешно зарядил гранатомет и выстрелил в бронетранспортер, угодив в заднее колесо. Туда же, судя по всему, попал и Джей-Ти. После этого по скалам, за которыми они прятались, открыли шквальный огонь.

– Поехали! – изо всех сил закричал Шибанов. Он прыгнул на свой квадроцикл, завел мотор и оглянулся.

Чертова «ямаха» Джея не заводилась. Негр растерянно посмотрел на Ростислава.

– Сюда! – крикнул Шибанов, хлопая по сиденью ладонью. Джей побежал к нему, сел сзади, и вовремя – из-за поросшей кустарником дюны вырулил багги.

Квадроцикл помчался по пустыне, наперерез несущему песок ветру. Шибанов впопыхах забыл надеть маску и нахватав полный рот песка; отплевываясь, он кое-как напялил ее и оглянулся через плечо. Багги не отставал, за скалами, где остановилась колонна рейдеров, что-то дымно горело.

– Почему они не стреляют?! – прерывисто дыша, крикнул в самое ухо Джей-Ти. Словно спохватившись, с багги открыли огонь. Насколько успел заметить Ростислав, за ними гнался обычный двухместный вариант, значит, стрелял пассажир. Водителю на такой местности не до стрельбы. Судя по звуку, оружие было не слишком внушительным – типа израильского автомата «узи».

– Гранату! – бросил он Джею.

– Что?

– Гранату! У тебя на поясе!

– А! – сообразил негр, отцепил с ремня ручную гранату, выдернул чеку и бросил назад. Через несколько секунд рванул взрыв, но багги, мастерски вильнув, продолжал преследование.

Джей-Ти швырнул вторую гранату и зашарил по бокам Ростислава, ища его арсенал. Багги успешно ушел и от второго взрыва.

– Твою мать! – вскрикнул рэпер, обхватив Шибанова руками.
– В меня попали!
– Держись, ниггер!

Удерживая руль «ямахи» одной рукой, Ростислав ощупью нашел свою гранату, зубами выдрал кольцо и, не глядя, бросил назад. Квадроцикл кидало в стороны, и Шибанов молился об одном – не перевернуться.

Впереди показался Рэд-Сендс. Дорога стала поровнее, «ямаха» начала набирать скорость, понемногу отрываясь от более тяжелого багги. В полуразрушенной стене брошенного городка-крепости Шибанов увидел пролом, вполне подходящий для того, чтобы туда проскочить. Мотор взревел, когда Ростислав круто вывернул влево, всем телом удерживая равновесие. Джей-Ти тяжело мотался за спиной, постанывая. Значит, живой, подумал Ростислав. Только бы не свалился...

Квадроцикл влетел внутрь пролома, промчался по короткой улочке и свернул между двумя мятыми трейлерами. Притормозив, Ростислав спрыгнул с сиденья и поволок за собой товарища. Рэпер неуклюже свалился на правый бок, и «ямаха» тут же со скрежетом врезалась в опору сторожевой вышки. Вышка со скрежетом начала падать, но Шибанову некогда было разглядывать произведенные им разрушения. Он потащил негра в распахнутую дверцу трейлера, едва не поддавая ногой для скорости.

Внутри трейлера жутко воняло тухлятиной – то ли исчезнувшие хозяева где-то оставили еду, то ли какой-то обитатель пустыни заполз сюда, чтобы издохнуть. Внутренность трейлера была распотрошена, даже обивка зачем-то содрана со стен. Толкнув Джея на откидное сиденье, Ростислав сорвал с плеча автомат и прислушался.

Вышка рухнула, на высокой ноте, как струна, лопнул один из удерживающих ее тросов. В этот же момент в проулке показался один из преследователей, в ярко-красной бандане на

длинной, как огурец, голове. Он осторожно шел, пригнувшись и оглядываясь, и был легкой добычей, но Шибанов не мог стрелять – второй удерет на багги. Следовало дожидаться двоих.

– Джей! Твой выход! – негромко сказал он рэперу.

– Что ты задумал?! – Джей-Ти, скорчившись от боли, уставился на него.

– Выходи наружу. Давай, не бойся! Скорее, нам надо выманить второго!

Рэпер потряс головой, словно отказываясь верить в то, что слышит. Затем, похоже, понял, что замыслил русский, но все равно таращился с сомнением.

Рейдер тем временем остановился и заглянул в окно другого трейлера. Он выглядел крайне озабоченным.

– Давай! – Шибанов помог Джею подняться и толкнул к дверям.

– Ненавижу тебя, белый! – прошипел Джей-Ти и, постанывая, заковылял наружу. Рейдер не замечал его, глядя совсем в другую сторону, пока негр не позвал жалобно:

– Эй, приятель!

Рейдер быстро развернулся, выставив перед собой ствол «узи», потом расплылся в щербатой улыбке:

– А где второй?

– Смылся, с-сука... – простонал Джей-Ти. – Бросил меня...

– Эй, Снейк! – громко крикнул рейдер, не сводя глаз с Джея. – Тут раненый ниггер, второй смылся. Думаю, Картер скажет нам спасибо за такой подарок!

– Иду, – еле слышно отозвался Снейк. Первый рейдер, не опуская «узи», мелкими осторожными шагами направился к Джею-Ти. Он был прекрасной мишенью, но стрелять было рано – Снейк еще не присоединился к напарнику.

– Братан, у тебя есть аптечка? – умирающим голосом спросил негр. На взгляд Ростислава, он немного переигрывал.

– Вот моя аптечка, – ответил рейдер, имея в виду «узи».

Из-за угла показался Снейк. У него на голове тоже была бандана, только оранжевая. В руках – дробовик.

– И в самом деле, ниггер, – удивился он, подняв выцветшие брови.

Это были последние слова незадачливого Снейка. Выждав, пока оба рейдера окажутся на одной линии, Шибанов нажал на спусковой крючок. Тот, что в красной бандане, падая, сшиб Снейка, которому тоже досталось несколько пуль. Снейк успел выстрелить в ответ, но заряд дробы ушел вверх, не причинив никому вреда.

Шибанов выбежал из трейлера и проверил, что с нападавшими. Оба были мертвы. Если бы его попросили вновь повторить такой трюк – срезать одной короткой очередью двоих противников – черта с два у него получилось бы.

– А если бы он в меня попал, а?! – возмущенно кричал тем временем Джей-Ти. – Этот хрен с «узи» направил свою трещотку прямо на меня, блин! Если бы он перед тем, как сдохнуть, прострочил меня насквозь?

– Про это я не подумал, – честно сказал Шибанов, чем поверг негра в такое изумление, что тот замолчал. – Идти можешь?

Джей-Ти кивнул. До самого багги он не промолвил ни слова, и лишь устроившись на пассажирском сиденье и пристегнув ремень, буркнул:

– Ловко ты их. Небось и в хоккей неплохо играл.

– Куда тебя ранили? Давай перевяжу.

– Уж потерплю как-нибудь до настоящего врача, – заявил Джей-Ти, и они поехали домой.

В Уотерхоуле их встретили настороженно, танк начал поворачивать свою приплюснутую башню, но потом рассмотрели в бинокль и открыли ворота.

Близнецы Райт тут же завопили по поводу угробленных квадроциклов, но Кларк грубо прикрикнул на них. Доктор Салазар

и плачущая Минни потащили раненого Джея в медпункт, а капитан Ульрих спросил:

– Наткнулись на основной отряд? Сколько их?

Шибанов вкратце доложил обстановку, добавив:

– Один «хамви» мы точно вывели из игры. Еще повредили бронетранспортер, но не знаю, серьезно ли. В любом случае, это был только передовой отряд, и сюда они, скорее всего, доползут.

– Фил, – сказал Кларк Гибсону, – накормите людей. Потом, возможно, будет уже некогда.

– Я займусь расстановкой на стене, – деловито сообщил Ульрих и ушел. Капитан знал свое дело и здесь в советчиках точно не нуждался.

– Отдохни, пока есть время, – велел Кларк Ростиславу.

Времени не было, Шибанов прекрасно это понимал, но все равно пошел в свой вагончик. Его встретила Мидори.

– А где Атика? – спросил Шибанов, снимая с плеча автомат и вешая на привычный крючок.

– В медпункте, сейчас придет... Она была у скважины, сказали, что вы приехали, один раненый...

В вагончик ворвалась Атика.

– С тобой все в порядке?! – воскликнула она в тревоге, схватив мужа за руку и поворачивая, словно ища раны, которые он от нее прятал.

– Все хорошо, это Джея зацепило. Кстати, что с ним?

– Доктор Салазар сказала, что ерунда. Пуля в...

Атика замялась.

– В заднице? – безмятежно уточнила Мидори. Все трое расхохотались.

Ростислав стоял на мостике, окружающем «крепостную стену» изнутри, и смотрел в прорезь амбразуры. Самой колонны еще не было видно, но пыль вдалеке ясно показывала ее приближение.

– У меня плохие предчувствия, – сказал стоявший рядом с Шибановым Кларк. – Даже если удастся отбросить этот отряд, Макриди приведет сюда основные силы. Рано или поздно.

– Отступать некуда, Рой. Может, он плюнет и отправится искать более легкую добычу.

– Я знаю, Расти. Но вариант отступления тоже надо рассматривать. Конечно, нас могут принять в каком-то из дружественных городков к западу, но ненадолго. Каждый сам за себя.

– Каждый сам за себя, – согласился Шибанов, продолжая напряженно вглядываться в пустыню. – Получается, Макриди действует верно. Он хотя бы собирает вокруг себя людей, пока остальные грызутся между собой.

– Ты хотел бы уйти к Макриди? – серьезно спросил Кларк.

Ростислав вспомнил гирлянду из человеческих ушей, болтающуюся в руке фальшивого полицейского Рика Манчини, и покачал головой.

– То-то и оно, Расти. То-то и оно. Кем станет у солдат Макриди Атика? А Мидори? А Минни? Проститутками? Да половина наших им не нужна – старики, немолодые женщины... Я сгожусь, как механик, и то не факт. У них нет нужды в пешках, пешки сами сбегаются к ним за подачкой.

– Есть Солт-Лейк-Сити, – помолчав, напомнил Шибанов. – О нем рассказывают много разного, но там хотя бы какое-то подобие государства.

– Оттуда не возвращаются. А это означает, что либо там чересчур хорошо, либо...

Бывший дальнобойщик замолчал, вглядываясь в приближающегося врага. Рядом на стене монтировали снятую с броневишка сорокамиллиметровую автоматическую пушку – как движущаяся боевая единица, один «хамви» Уотерхоула ничего не значил против отряда Макриди. Внизу, в прикованном к месту танке, сидел капитан Ульрих с тремя снарядами.

Подъезжающие цепью машины противника уже были хорошо видны даже без биноклей. Внезапно они остановились, из цепи выехал один из джипов и направился к городку. В окно кто-то высунул руку с белой тряпкой, развевающейся на ветру.

– Парламентер, – удивился Кларк. – Может быть, еще не все потеряно?

Джип подъехал совсем близко, когда с одной из вышек в мегафон заговорил металлическим голосом Красный Олень:

– Остановитесь и выйдите из машины! Повторяю: остановитесь и выйдите из машины!

Джип послушно остановился. Из пассажирской дверцы спереди выбрался человек в военной форме, даже каска имела на голове, и, не опуская белого куса ткани, остановился у радиатора. Никаких звукоусилительных приборов у него не было, и он развел руками – что делать дальше?

– Герб! Скажи ему, пусть идет к воротам! – крикнул на вышку Кларк.

– Идите к воротам. Вас не тронут, – бесстрастно продиктовал индеец.

Человек в каске о чем-то посоветовался с сидящими внутри машины и направился к воротам. Белой тряпкой он, похоже, на ходу вытирал с лица пот.

– Идем, – бросил Кларк, прыгнув с мостика вниз. Шибанов прыгнул следом, едва не столкнувшись с Джеем-Ти.

– Только ни о чем не спрашивай! – предостерегающе поднял розовые ладони негр. Ростислав с улыбкой подмигнул и заспешил к воротам.

Их открыли ровно настолько, чтобы парламентер мог войти внутрь, и сразу же закрыли.

– А у вас здесь уютно, – сказал парламентер, аккуратно складывая свой белый флаг и убирая его в карман куртки. Это оказался светлокожий человек средних лет с ухоженными усика-

ми. Он поправил очки в тонкой золотой оправе и выжидающе огляделся в поисках главного. Главный был тут как тут.

– Представьтесь для начала, – сказал Кларк сухо.

– Лейтенант Дональд Смоллвуд, – отрекомендовался парламентар. – Командир мобильного отряда Республиканской армии.

– Республиканской армии, вот как, – усмехнулся бывший дальнбойщик. – Что-то я не помню, чтобы Макриди о таком говорил в своих радиообращениях.

– Название принято совсем недавно, – с достоинством сказал Смоллвуд. – Я уполномочен от лица командующего Республиканской армией генерала Эрвина Макриди предложить вам сдаться. После капитуляции поселения мы обещаем сохранить всем жизнь. Ваше оружие, продукты питания, горючее, вода и прочее переходят в собственность Республиканской армии и будут распределяться согласно правилам, установленным в ней.

– Интересно было бы познакомиться с правилами, – заметил Шибанов.

Лейтенант изучающе посмотрел на него, снова поправил очки и продолжил, проигнорировав реплику:

– Комендантом поселения буду назначен я.

– А зачем? – спросил Шибанов. – Насколько я понимаю, принцип так называемой Республиканской армии – забрать все, что есть, и двигаться дальше, чтобы награть еще. Вы же не собираетесь заниматься здесь, скажем, сельским хозяйством?

– Вы кто? – со вздохом обратился к нему лейтенант.

– Лейтенант Шибанов, – не удержался Ростислав.

– Лейтенант, вы слишком много знаете, как я посмотрю.

– Я быстро учусь. Как и вы... Гофер?

Парламентар опять привычным движением поправил очки и улыбнулся одними губами:

– А я-то пытался вспомнить, где раньше вас видел... Неожданная встреча, ничего не скажешь.

– Раста, ты знаешь этого типа? – недоуменно спросил Кларк.

– Итак, продолжим, – сказал лейтенант. – Вы согласны капитулировать?

– Какие у вас гарантии?

– Никаких. Вы либо капитулируете и остаетесь живы, но подчиняетесь новым законам и правилам, либо погибаете. Тем, кто выживет в случае штурма, я ничего гарантировать не могу и подавно.

– Послушай, Гофер, – мягко произнес Шибанов, беря лейтенанта за рукав и разворачивая к себе. – Убирайтесь отсюда, пока не поздно. Может быть, вы и возьмете Уотерхоул. Но делить награбленное будут далеко не все ваши бандиты. И ты в том числе, я об этом позабочусь лично.

– Не смейте меня трогать! Я парламентар! – взвизгнул лейтенант, вырывая рукав из пальцев Ростислава. Перед русским сразу предстал тот, прошлый Гофер: трясущийся очкарик в шортах и футболке с рекламой пончиков, переминающийся с ноги на ногу, словно из боязни обмочиться.

Вокруг засмеялись.

– Идите себе, сэр, – вежливо сказал Фил Гибсон, подталкивая парламентаря к вновь приоткрывшимся воротам. – Идите. Скажите своим, может, они передумают и поедут по домам.

Однако по лицу Гофера-Смоллвуда было ясно, что он ничего никому не скажет.

– Секунду, Фил, – попросил Ростислав и остановил лейтенанта. – Что все же случилось? Мне в самом деле интересно.

– Что случилось? – повторил Смоллвуд. – Что случилось... Ваш приятель, тот, полицейский... Он показал мне, как нужно теперь жить. В заново сложившихся условиях.

– Он не был полицейским, – сказал Шибанов.

– То есть?

– Он был обычным преступником, который переоделся в форму копа. Неплохим человеком, да, но – преступником. А кем были вы? Риэлтором?

– Как вы угадали? – лейтенант сделал было еще шаг к воротам, но замер.

– Интуиция, – сказал Ростислав.

Гофер повернулся и вышел. Пошел к джипу, потом ускорился и побежал трусцой. Шибанов подумал, что лейтенант отчаянно удерживается, чтобы не оглянуться назад через плечо. С вышки кто-то презрительно заулюлюкал.

– Ты не ответил, Расти, – сказал бывший дальнобойщик. – Знал этого типа?

– Встречались. Тогда он был никем. Думаю, мы правильно поступаем, что не сдаемся армии, в которой такие лейтенанты, Рой.

– Тогда идем на стену, потому что вот-вот начнется самое интересное. Хочешь хлебнуть?

Кларк протянул Шибанову початую бутылку виски.

– Ты уже принял дневную норму, Рой, – с улыбкой сказал Ростислав. – А я не пью.

– Сегодня особенный день, Расти, – с такой же улыбкой сказал Кларк. – А в раю виски точно нет. Там только амброзия, а я не уверен, что мне она понравится. Наверное, чересчур сладко.

Ростислав взял бутылку и сделал большой глоток.

Противник выжидал. Во время своего визита в Уотерхоул лейтенант Смоллвуд имел возможность рассмотреть вблизи танк и вышки с турельными пулеметами. Что еще в запасе у защитников городка, они даже не представляли. Вероятно, сейчас шли активные переговоры с генералом Макриди по поводу того, начинать штурм или ждать подкрепления.

– А что, если они развернутся и уберутся восвояси? – с надеждой предположил Фил Гибсон. Он взобрался на мостик вместе с Минни и Джеем-Ти, который заметно хромал, но на невинный вопрос Ростислава «болит ли боевая рана?» так окрысился, что Шибанов от греха отошел подальше.

– Они никуда не уйдут, Фил. Что там с детьми?

– Сидят в автобусе. Если что, мы ломаем заднюю стену, они успеют уехать. Вряд ли эти негодяи нас собираются окружать, их не так уж много.

– Хорошо. Кажется, они начинают.

В самом деле, цепь машин противника начала двигаться. Перед этим из покрытого тентом грузовика вылезли пехотинцы, человек двадцать, и рассредоточились на местности, а еще несколько человек отцепили безоткатное орудие и принялись его устанавливать.

– Следите по флангам, пехота может попытаться проникнуть незаметно, – велел Кларк.

Видимо, рейдеры сообразили, что с танком что-то не так, иначе не наступали бы столь решительно. Правда, они не учли других сюрпризов, приготовленных защитниками Уотерхоула. И поняли это, когда один из джипов провалился в замаскированную яму. Машина рухнула вниз, вертикально вонзившись в дно. Вокруг засуетились, и тут же немного левее провалился «хамви».

На стенах радостно завопили, но наступающие тоже не были идиотами. Бросив безнадежно застрявшую технику, они пустили вперед солдат, прощупывающих дорогу, и благополучно миновали еще несколько ловушек. Бронетранспортер, который если и пострадал от выстрелов РПГ, то незначительно, въехал на холм и открыл огонь из автоматической пушки, пристреливаясь.

В этот момент в игру вступил капитан Ульрих, бывший владелец писчебумажного магазинчика. Танк повернул башню и

выстрелил. Снаряд ударил в нескольких метрах от бронетранспортера.

– Мимо! – выдохнул Фил Гибсон, прижав к груди винтовку.

С вышек открыли огонь из пулеметов, заработала недавно установленная автоматическая пушка, несколько темно-зеленых фигурок упало. Огонь перенесли на безоткатное орудие. Один из джипов остановился, потом сдал назад. Бронетранспортер продолжал палить, с грохотом обрушилась правая пулеметная вышка Уотерхоула. Кто-то дико закричал от боли, голос был женским. У Ростислава кольнуло сердце, но он знал, что и Атика, и Мидори – не на стене, они ждут штурма вниз.

И тут со второго выстрела Ульрих накрыл бронетранспортер. Боевая машина окуталась клубами дыма, а когда он рассеялся, стало видно, что бронетранспортер разъехался, словно жаба. Башня отсутствовала, а по склону катилось горящее колесо.

На стене снова завопили, кто-то фальшиво запел американский гимн, его подхватили. Танк выпустил третий снаряд, целясь в приближающийся «хамви», но опять промазал. Теперь танк был бесполезен, но нападающие этого не знали – «хамви» шустро развернулся и помчался назад.

Начала отступать и пехота, укрываясь за дюнами. Кое-кто полз по-пластунски, вокруг вскипали песчаные фонтанчики от пуль. Несколько фигур так и осталось валяться, то ли раненые, то ли убитые. Безоткатка так ни разу и не выстрелила – видимо, снаряды автоматической пушки защитников Уотерхоула серьезно ее повредили. Короче, по очкам пока уверенно вел городок.

– Похоже, мы их сделали, – признал Кларк. – Интересно, надолго ли?

– Они ждут подкрепление, – проскрипел Ульрих, вылезший из ставшего никчемным танка и незаметно взобравшийся на стену. – Не хотят зря рисковать. Куда им торопиться?

– Прожектора работают? – осведомился Кларк у Фила. Гибсон закивал:

– Все шесть, если что, ночью будет светло, как днем.

Но они пришли раньше, еще при свете дня, и прожектора Фила Гибсона не понадобились.

У армии Макриди было достаточно танков. Спустя три часа два «абрамса» выползли на пригорок, где еще истекал черным дымом подбитый БТР, и расстреляли неподвижного собрата у ворот Уотерхоула. Потом они сбили оставшиеся вышки и медленно, с достоинством поползли к городку.

– Вот теперь нам кранты, – заключил Рой Кларк, пока доктор Салазар перебинтовывала ему раненую руку. – Если кто-то хочет покинуть город, я не возражаю. Женщины и дети в автобусе могут отправляться уже сейчас. Минни, ты старшая.

Минни заплакала. Фил Гибсон рассеянно погладил ее по голове.

– Фил, разбирай заднюю стену, – велел Кларк. – Сам садись за руль, вези их, пока хватит горючего.

– Да, сэр! – отозвался Фил.

Шибанов тем временем безуспешно пытался остановить пехоту, сменив упавшего мертвым возле автоматической пушки товарища. Набегающие фигурки рейдеров падали под огнем со стен городка, но против танков защитники Уотерхоула не могли сделать ничего. Ростислав видел, как из ворот выбежал Красный Олень со связкой гранат, как он полз по песку и подорвал один танк. Второй раздавил индейца, словно змею на дороге.

Видел, как близнецы Райт отстреливались плечом к плечу из пистолетов до тех пор, пока их не расстреляли в упор превосходящие силы армии Макриди, ворвавшиеся через сломанные ворота в городок.

Видел, как Джулия Салазар бросилась с мачете на пехотинца, и тот проткнул ее штыком.

Видел, как капитан Ульрих с двумя гранатами в руках ждал возле штабного «грейхаунда» и взорвал гранаты, когда вокруг него собралось десятка полтора рейдеров.

Шибанов высматривал лейтенанта Гофера, чтобы исполнить обещанное, но тот либо намеренно прятался, либо просто находился в другом месте. Плюнув на поиски бывшего риэлтора, Ростислав уже готовился дорого продать свою жизнь, отстреливаясь с крыши одного из вагончиков, когда его буквально сдернул оттуда за штанину Рой Кларк.

– Расти! – крикнул он, размахивая забинтованной рукой, на которой проступали кровавые пятна. – Быстро в мою «Мадонну»!

Шибанов подумал, что в пылу сражения бывший дальнобойщик спятил. Мадонной он называл свой тягач, ныне составляющий неотъемлемую часть крепостной стены Уотерхоула.

– В «Мадонну»! – кричал Кларк. – Там твои и Профессор! Бензина хватит, чтобы уйти!

– Что?! – заорал в ответ Ростислав. Звуки боя уносили обрывки фраз Кларка.

– Уезжайте на «Мадонне»! Она на ходу, я берег пятьсот литров с самого начала! Остальные уже уехали в автобусе с Филом, но твои отказались. Быстрее, мы все равно проиграли! Вы должны спастись!

Шибанов, не находя слов, обнял краснолицего дальнобойщика и бросился к «Мадонне». В самом деле, Атика и Мидори уже сидели в кабине. У обеих в руках были пистолеты.

– Где Джей? – крикнул Ростислав.

– Ищет Минни, – отозвалась Атика.

– Черт... Минни уехала с детьми и Филом! Я сейчас вернусь!

Ростислав побежал, петляя между жилыми вагончиками, к задней стене. Она и в самом деле была разобрана, а у выломанного куска ограждения рыдал Джей-Ти. Шибанов вздернул его за шиворот и закричал в самое ухо:

– Не нить! Минни спаслась вместе с детьми, ты тоже должен спастись! Вспомни гетто, ниггер!

Кто здесь рулит?
Ты делаешь вид, что не знаешь.
Мы здесь рулим!
Ты знаешь об этом, хотя делаешь вид, что не в курсе.
Кто здесь рулит?
Ты делаешь вид, что не знаешь.
Мы здесь рулим!

– Мы здесь рулим, – послушно повторил негр, размазывая слезы по грязному лицу.

– За мной! Быстро!

Усевшись за руль «Мадонны», Шибанов все равно не верил, что тягач сможет вырваться из западни. Вокруг стрекотали автоматные очереди, что-то рвалось, раскидывая обрывки человеческих тел... Но мощный двигатель заработал, стоило повернуть ключ зажигания, и Ростислав нажал на газ.

Колеса провернулись в песке, «Мадонна» дернулась, но разнокалиберные крепления не пускали ее.

– Не едет! – заорал Джей-Ти.

– Сейчас поедет, – процедил сквозь зубы Шибанов, вдавливая в пол педаль газа и дергая рукоять рычага. Кларк не признавал автоматической коробки передач – на его «Мадонне» стояла обычная.

С ужасающим скрипом огромный тягач выдрался из стены Уотерхоула, потащив за собой куски стальной сетки и листов металла. Вся эта мишура осыпалась с него на ближайших ста метрах, а нападающие даже не среагировали – они были слишком заняты штурмом, чтобы обращать внимание на отдельный удравший автомобиль. В зеркало заднего вида Ростислав увидел взметнувшийся над городком огненный шар – это Кларк взорвал бензохранилище, как и обещал сделать в критической ситуации.

Их дома больше не существовало.

Нужно было искать новый.

*«Вместо дыхания – хрип,
глаза уже остеклели,
но борется жизнь упорно»
Уолт Уитмен*

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Священный Город Святых

Юта, Соединенные Штаты, март 2014 года

...У костра сидел пузатый старик в мятой широкополой шляпе и полотняных штанах, а молодой парень арабской внешности жарил над углями куски мяса, насаженные на металлический прут.

– Привет, – сказал старик, что-то жуя. – Куда путь держите?

– В Солт-Лейк-Сити, – осторожно ответил Шибанов. Атика прижалась к его плечу.

– Славное место, славное. Однако идти вам еще далеко. Хотите перекусить?

– Нам нечем заплатить за еду. Мы всего лишь хотели спросить дорогу.

– Платить за еду вовсе не обязательно, юноша, – сказал старик, продолжая жевать. – Разве мы не добрые самаритяне, чтобы делиться тем, что у нас есть, безвозмездно? Не правда ли, Карим?

Парень кивнул, будучи поглощен своим занятием.

– Карим – мусульманин, но я убедил его, что есть одна лишь истинная вера – в господу нашего Иисуса. Вы имеете что-нибудь против?

– Ни в коем случае, – сказал Ростислав.

Старик ему определенно не нравился, но это было так называемое «первое чувство». Шибанов сам придумал такое опреде-

ление и старался по возможности гасить его, потому что оно зачастую было ошибочным. В конце концов, сам он тоже выглядел весьма подозрительно с точки зрения нормального человека.

– Я жую табак, это мой маленький грех, – посетовал тем временем старик и сплюнул в огонь длинную струю густой слюны. – Раньше говорили, что от этой дурной привычки случается рак полости рта или рак губы. Но господу виднее, потому что он не наказал меня за все мои без малого семьдесят лет. Хотя он при этом забирал тысячи младенцев, посылая им опухоли мозга. Господу виднее, да.

– Иисус велик, – пробормотал с явным акцентом Карим, поворачивая мясо над угольями. Капающий жир громко зашипел.

– Все хорошо, – шепнул заметно нервничающей Атике Ростислав. Он опустился на корточки напротив старика, Атика села рядом по-турецки. Вкусно пахло жареным мясом. Потрескивали угольки.

– Сейчас все будет готово, – радушно сказал старик, поймав голодный взгляд Шибанова. – О, я не представился... Меня зовут Авессалом.

– Библейское имя, – наудачу сказал Шибанов, полагая, что настолько нелепое имя просто не может не иметь отношения к Библии. В религии бывший хоккеист разбирался примерно так же, как и в ядерной физике.

Старик захихикал, схватившись за грудь, и его смех напомнил Шибанову пустынного демона.

– Верно, верно! Авессалом, сиречь третий сын Давида от Маахи, дочери Фалмая, царя Гессура. За бесчестие сестры Фамари он убил брата Амнона, потом восстал против отца, был разбит, во время бегства запутался длинными волосами в ветвях дерева и был убит. Но у меня короткие волосы.

Сказав так, старик демонстративно снял свою нелепую шляпу, под которой оказалась лысина, окаймленная седым цыплячьим пухом.

Шибанов деланно засмеялся. Старик не нравился ему все больше. Он подумал, что зря пошел на свет костра, и уж тем более напрасно взял с собой Атику. Но внизу, у подножия холма, их ждали Джей-Ти и Мидори. Если что, они придут на помощь. Или дождутся их, чтобы пойти дальше.

– Мясо готово, – сообщил Карим, пластмассовой вилкой стаскивая истекающие соком и жиром куски на поднос с логотипом «Макдональдса».

– Присоединяйтесь к трапезе, как я уже предлагал, – сказал Авессалом, надевая шляпу. Табачную жвачку он сплюнул в ладонь и убрал в пластиковый пакетик. – Разве мы не добрые самаритяне, чтобы делиться тем, что у нас есть, безвозмездно?

«Это он уже говорил», – подумал Шибанов. Но особенных причин волноваться бывший хоккеист НХЛ все равно не видел. Да, старичок слегка не в себе. Да, он сбрендил на религии, что в сложившейся ситуации куда лучше, чем если бы он был сбрендившим на самозащите и оружии. А самое главное, пресловутого оружия нигде не было видно. В то время как у Ростислава на плече висел «калашников», в кобуре ждал своего часа пистолет, да и Атика в случае чего могла поддержать огнем. Не говоря уже о Джее-Ти и Мидори, которые сразу включатся в перестрелку, если она начнется.

Карим протянул Шибанову пластиковую тарелочку, на которую переложил с подносика пару кусков мяса.

– У нас нет хлеба. Я давно уже его не ел, – печально поведал Авессалом, принимая свою порцию. – Но у меня есть виски, а его делали из зерна. Стало быть, в какой-то степени это тоже хлеб. Выпьете? Это еще один мой маленький грех, но ведь и господь наш Иисус начинал с того, что на свадьбе превратил воду в вино. Кабы он был против, то превратил бы вино в воду, не правда ли?

– Совершенно с вами согласен, – сказал Шибанов и взял протянутую стариком поллитровую стеклянную фляжку «Баллан-

тайна». Запасы спиртного, как он уже успел заметить, сохранились вопреки ожиданиям куда лучше, чем запасы продовольствия. Разумеется, в первую очередь это было связано с тем, что спиртное не портилось.

– Вы не боитесь ходить по пустошам вдвоем? – спросила Атика, держа двумя пальцами кусок мяса и аккуратно дуя на него.

– Но ведь и вы ходите по пустошам вдвоем, – Авессалом зашипел, обжегшись горячим жиром. – Опять же сказано у Матфея: «Где двое или трое соберутся во имя Мое, там Я среди них». Или вы собрались не во имя Его?

Ростислав промолчал. Мясо было вкусным, хорошо прожаренным – Карим знал свое дело, как любой восточный человек. Не хватало хлеба, но глоток виски пришелся весьма кстати. Отхлебнув, Шибанов вернул флягу старику, который тут же к ней присосался.

– Очень вкусно, – похвалила Атика, с наслаждением вгрызаясь в свой кусок. – Это оленина?

– Это божья тварь, милая, – сказал Авессалом. – Вот что самое главное. Кстати, вы можете взять немного мяса с собой; наши запасы все равно испортятся, потому что у нас нет холодильника.

Они отужинали, передавая бутылку по кругу. Впрочем, «по кругу» было громко сказано: Карим не пил совсем, а Атика сделала лишь пару небольших глотков. Когда тарелки опустели, а бутылка подошла к концу, Шибанов спросил:

– И все-таки, что это за дичь?

– Это самая главная дичь на свете, – торжественно произнес Авессалом, завинчивая крышечку.

– И какая же?

– Человек.

Атику тут же вырвало. Ростислав еле сдержал рвоту, нащупывая пистолет и расстегивая кобуру. Авессалом тем временем

встал на колени в свете костра и заговорил хорошо поставленным, красивым голосом:

– И глаголет Левит, глава двадцать шестая: «Если и после сего не исправитесь и пойдете против Меня, то и Я пойду против вас и поражу вас всемеро за грехи ваши, и наведу на вас мстительный меч в отмщение за завет; если же вы укроетесь в города ваши, то пошлю на вас язву, и преданы будете в руки врага; хлеб подкрепляющий истреблю у вас; десять женщин будут печь хлеб ваш в одной печи и будут отдавать хлеб ваш весом; вы будете есть и не будете сыты. Если же и после сего не послушаете Меня и пойдете против Меня, то и Я в ярости пойду против вас и накажу вас всемеро за грехи ваши, и будете есть плоть сынов ваших, и плоть дочерей ваших будете есть; разорю высоты ваши и разрушу столбы ваши, и повергну трупы ваши на обломки идолов ваших, и возгнушается душа Моя вами; города ваши сделаю пустынею, и опустошу святилища ваши, и не буду обонять приятного благоухания жертв ваших; опустошу землю, так что изумятся о ней враги ваши, поселившиеся на ней; а вас рассею между народами и обнажу вслед вас меч, и будет земля ваша пуста и города ваши разрушены».

– Аминь! – закричал Карим, падая ниц.

– А разве не говорил господь наш Иисус Христос: «Приимите, ядите: сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов! Пийте от нея вси: сия есть Кровь Моя Новаго Завета, я же за вы и за многия изливаемая во оставление грехов. Сие творите в Мое воспоминание»? – продолжал Авессалом, воздев руки к черным небесам.

Атика содрогалась от рвотных спазмов. Ростислав трясущейся рукой наконец выволок из кобуры пистолет, но тут над его головой грянул выстрел, и старик с пробитой головой завалился назад. Карим вскочил, бросившись в темноту, но второй выстрел настиг и его. Араб шумно покатился вниз по склону, ломая ветви падуба, и никто не пошел проверять, жив ли он.

Стало совсем тихо, лишь потрескивал костер и где-то далеко завывал койот. Джей-Ти вышел из темноты, поблескивая драгоценными камнями на своей единственной серьге.

– Я никогда не верил этим дерьмовым проповедникам, – сказал он, поднимая выпавшую из руки Авессалома недопитую флягу «Баллантайна». – А этот к тому же белый. Черномазые проповедники хотя бы хорошо поют. А тетки еще и пляшут в церкви.

Ростислав погладил по спине трясущуюся Атику. Внезапно ему сделалось совсем плохо; вскочив, Шибанов бросился к краю оврага и наткнулся на поблескивающие в свете костра свежие кости. Судя по размеру черепа, это был ребенок.

Тут Шибанова вывернуло, после чего он потерял сознание.

Очнулся Ростислав оттого, что в рот ему текла едкая жидкость. Закашлявшись, он оттолкнул от своих губ сосуд и перекатился набок.

– Живой, – удовлетворенно заключил склонившийся над ним негр. – А я думал, сдыхаешь.

– Это его виски?! – прохрипел Шибанов, едва удерживающийся от новых спазмов. – Выбрось...

– С какого хрена, чувак?! – возмутился Джей-Ти. – Тут написано: «Сделано в Шотландии». Вряд ли этот поганый людоед нассал в бутылку. С другой стороны, я не уверен, что какой-нибудь мой прадед, живя в Африке, не жрал время от времени врагов, которых приканчивал своим каменным топором или чем там они мочили друг друга. Братан, будь попроще!

– Пошел ты в задницу, Джей, – пробормотал Шибанов и засмеялся. Джей-Ти подхватил:

– А этот-то, этот, Авессалом, мол, волосами зацепился, а у меня волосы короткие! И помогла ему плешь? Хренушки!!! Всю башку ему разнесло!

Негр с сожалением допил остатки и бросил бутылку в затухающие уголья костра.

Кстати, я обыскал обоих. Ни черта, даже дрянного двадцать второго калибра, и того нет. У араба был большой нож, видать, им они и управлялись. С божьей помощью, хе-хе...

Атика так и не пришла толком в себя. Она брела рядом с Ростиславом, вцепившись обеими руками в его локоть, глядя прямо перед собой и не отвечая на вопросы. Мидори, напротив, интересовалась, на что похоже человеческое мясо, вкусное ли оно, правда ли, что имеет сладковатый привкус. Девчонка договорилась до того, что Шибанов грубо прикрикнул на нее, после чего Мидори шла на несколько метров позади и ни с кем не разговаривала, надув губы.

Джей-Ти, как обычно, сосредоточенно бормотал:

*Всю жизнь меня считали отбросом.
Я обманывал мать, даже воровал у нее.
Преступление за преступлением,
от наркотиков к вымогательству.
Прости меня за мое неуважительное отношение,
прости мою ложь.
Моей младшенькой – восемь месяцев,
ее сестренке – два года.
Кого винить за них обоих (нет, ниггер, только не тебя).
Клянусь, я хочу перерезать себе вены,
чтобы это дерьмо закончилось.
Приставить Магнум к голове, грозя нажать курок,
и сделать это, чтобы
постель окрасилась в красный цвет.
Я доволен, я мертв, никчемный обкуренный урод.
Стресс усиливается, я не могу, я не могу поверить,
что у меня в голове мысли о самоубийстве³².*

– Джей, богом прошу, заткнись, – устало сказал Шибанов. – Без тебя тошно, а песенка твоя далеко не позитивная.

³² The Notorious B.I.G. – «Suicidal Thoughts». Пер. MarS

– А я что? А я ничего, чувак. Это старина Ноториус³³. Кстати, его замочили, как любого толкового ниггера. Я тоже как-то прикидывал: вот разбогатею, стану знаменитым, и меня сразу замочат, словно Ноториуса или Тупака Шакура³⁴. Или посадят в тюрьму белые, как Тайсона.

– Если я правильно помню, Тайсон был сам виноват³⁵. Он же кого-то изнасиловал, разве нет? – осторожно уточнил Шибанов.

– Это все белые придумали, – со знанием дела заявил Джей-Ти. Ростислав махнул рукой и не стал больше спорить.

После побега из городка Уотерхоул, разоренного Республиканской армией генерала Макриди, прошло без малого три месяца. Трейлер, ту самую «Мадонну», которую так любил Рой Кларк, им пришлось бросить на шоссе, как только в баках иссякло горючее. Оставив машину, они решили идти к Солт-Лейк-Сити, потому что там царил порядок. Хуже, чем в пустыне, просто не могло быть.

Как же они заблуждались...

Хотя Солт-Лейк-Сити частенько называли «Священным Городом Святых», название в буквальном переводе означало «Город у Соленого Озера». Действительно, так оно и было: город раскинулся в долине большого озера. Сама долина сразу после ледникового периода была заполнена водой, здесь находилось описанное геологами озеро Бонневиль. Пласты его донных отложений до сих пор видны на холмах, выстилающих долину. Однако со временем озеро практически высохло, оставив насыщенные солями воды – Большое Соленое Озеро.

³³ The Notorious B.I.G. (1972 - 1997), псевдоним американского рэпера Кристофера Джорджа Латора Уоллеса. Убит во время так называемой «войны побережий», развязанной двумя кланами рэп-исполнителей

³⁴ Тупак Амару (1971 - 1996), американский рэпер, киноактер и общественный деятель. Попал в Книгу Рекордов Гиннеса как самый успешный хип-хоп артист. Убит в ходе «войны побережий», убийство Ноториуса B.I.G. якобы явилось ответом на смерть Шакура. Первый рэпер, которому поставили памятник

³⁵ Легендарный боксер Майк Тайсон имеет за плечами три уголовные судимости, в т.ч. в 1992 году – за изнасилование черной «Мисс Америки»

Город у озера был основан в 1847 году религиозной группой мормонов – членов Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. Мормоны, ведомые своим лидером Бригамом Янгом, отправились на поиски удаленного местечка, подальше от мирской суеты. Согласно легенде, Бригам Янг увидел долину во сне, и когда наяву его взору предстала Долина Соленого Озера, воскликнул: «Это оно».

– Это оно! – крикнул и Профессор Джей-Ти, когда впереди показался город на берегу озера, блестящего под лучами закатного солнца.

– Был здесь? – спросил Шибанов, вытирая со лба обильный пот.

– Неа. Тут, чувак, живут мормоны. Я ничего не имею против нескольких жен, как у них обычно заведено, но что-то маловато я видал черных мормонов. Да и остальные их порядки мне не нравятся. Ниггеру нечего делать в таком месте.

Город заметно пострадал, но большая его часть, прилегающая к озеру, осталась практически невредимой. Ростислав вспомнил Солт-Лейк-Сити до эпидемии – да, вон Храмовая площадь со штаб-квартирой, собором Церкви Святых последних дней. Раньше здесь ежедневно выступал на закате дня всемирно известный хор. На таком выступлении Шибанова познакомили с писателем Дэном Брауном, автором «Кода Да Винчи», который изучал здесь символы мормонской культуры. Ростислав потом пробовал читать его книги, начал пару, но бросил – нудные. Интересно, что сейчас поделявает Браун? Может, тоже где-то ходит в поисках крова и пищи?

Вообще на Закрытой Территории должно было находиться довольно много известных личностей, куда более известных, чем сам Шибанов или Джей-Ти. Актеры, политики, спортсмены, писатели, музыканты. В том же Вегасе постоянно кто-то тусовался... Однако никого из них встретить пока не пришлось. Или великим не досталось своей доли иммунитета, и теперь

они бесились в каменных лабиринтах больших городов, отыскивая новые жертвы?

– С виду городишко вполне ничего, – заметил тем временем Джей-Ти, критически оглядывая пейзаж. В самом деле, город выглядел неживым, но почти целым в своей главной части. Стена из бетонных блоков, выстроенная вокруг, говорила о предусмотрительности местных жителей. В паре мест на стене Ростислав заметил движение.

– Решайте, – сказал Шибанов, когда они присели на лавочку на автобусной остановке. – Мы можем пойти в Солт-Лейк, но вы слышали, что говорят об этом месте.

– Хуже, чем в пустыне, не будет, – устало произнесла Атика. – Возвращаться нельзя, идти можно только вперед. Говорили, что здесь настоящее государство. Я не могу больше идти, Расти... Я хочу есть.

– Я тоже хочу есть, – сказала Мидори. Это было вполне понятно, с учетом того, что последним их ужином был полусырой койот, подстреленный и зажаренный на костре сутки назад. Собственно, и патронов у них осталось всего ничего – пара обойм для пистолетов и полупустой магазин для «калашникова» с погрызенным демоном прикладом. Был еще «браунинг» Мидори, который она свято хранила и не доверяла никому.

– Итак, мы идем в Солт-Лейк, – подвел черту Шибанов.

– А что нам остается, чувак? – это был Джей-Ти. – Вряд ли нам там выдадут благотворительный суп и по телке на брата... простите меня, девочки... но я уже устал таскаться по горам. Тем более я уверен, что там не жрут людей. Что угодно, но только не жрут людей.

– Хорошо, – сказал Ростислав. – Идем.

Без помех они прошли часть разрушенного города, по которому явно когда-то стреляла артиллерия. Руины магазинов были опустошены, над дверью одного из них болтался полуистлевший человеческий скелет, подвешенный за шею.

– Хреновые тут флюиды, брат, – заметил Джей-Ти.

– Ну, это еще не город, – возразил Ростислав. – И потом, могли вздернуть мародера или убийцу. Вот и висит в назидание.

На улицах стояли брошенные автомобили – некоторые почти целые, другие изрядно «раскулаченные». Из пыльных витрин печально смотрели манекены.

Когда впереди за перекрестком улиц показалась стена, сложенная из бетонных блоков, Ростислав напрягся. В памяти сразу же всплыли все истории, услышанные им от скитальцев по Закрытой Территории. Одни ни в коем случае не велили соваться в Солт-Лейк-Сити, другие называли это место землей обетованной, куда, к великому сожалению, пускают далеко не всех...

Вблизи стена выглядела еще внушительнее, чем издали. Куда там Уотерхоулу с его разномастными железяками.

Шибанов перевесил старый добрый «калашников» с плеча на грудь в тот самый момент, когда из-за угла здания с перекошенной вывеской «Кафе Италиано» выехал «хаммер». Из машины с редкой прытью выскочили трое человек с автоматами, один из которых крикнул:

– Стоять! Откуда вы? – спросил человек в камуфляже. Он выглядел как самый настоящий военный: в добротной форме, кевларовом шлеме со щитком, никак не походя на бандитов псевдогенерала Макриди, даже на нарочито военизированного Гофера.

– Уотерхоул, – устало сказал Ростислав. – Маленькое поселение в пустыне. Нас захватила Республиканская армия. Спаслись четверо.

– Положите оружие на асфальт, – приказал человек в кевларовом шлеме. Ростислав положил «калашников», оглянулся на своих и кивнул. Атика и Мидори расстегнули ремни с кобурами, Джей-Ти возился чуть дольше. Из «хаммера» появился еще один солдат, быстро все подобрал и унес в машину.

– А вот теперь позвольте приветствовать вас в Солт-Лейк-Сити, – тем же бесстрастным голосом сказал человек в камуфляже. – Я – капитан Долтри. Добро пожаловать, дамы и господа.

И, сказав это, капитан Долтри довольно неприятно рассмеялся.

Их не обижали. Посадили в затентованный кузов японского грузовичка и куда-то повезли. Даже не связали. Вместе с ними сидел охранник, упитанный белобрысый парень, к которому тут же привязался с расспросами Джей-Ти.

– Слышь, чувак! – сказал он добродушно. – Как тут у вас жизнь? У нас там разное рассказывали, но людям верить, сам знаешь, себя не уважать. Мамаша учила меня: «Если хочешь составить о чем-то мнение, не спрашивай у людей, а посмотри сам, пни ногой».

– Заткнись, ниггер, – лениво произнес охранник.

– Ты назвал меня ниггером, чувак?! – возмутился Джей-Ти. – Он назвал меня ниггером, вы слышали? Да какое имеешь право ты, белобрысая задница...

Негр не успел договорить, потому что охранник заехал ему прикладом винтовки в челюсть.

– Сиди тихо, ниггер, – сказал он в завершение. – С такими, как ты, у нас не церемонятся.

В этот момент Шибанов понял, что они зря пришли в Солт-Лейк-Сити. Но было уже слишком поздно. Когда же он наконец научится понимать, что ждет впереди? Сначала история с безумным людоедом-проповедником, теперь вот это...

В прорези тента мелькали дома, деревья, припаркованные автомобили. Город за стеной выглядел так, словно здесь ничего не произошло. Правда, почти все прохожие были в форме и с оружием, но и в том же Уотерхоуле редко кто расставался с пушкой, даже ложась спать. Пару раз Ростислав заметил броне-

технику, а на некоторых домах торчали стволы зенитных установок, хотя над Территориями давно уже почти никто не летал.

– Куда нас везут? – не выдержав, спросил Шибанов.

– Куда надо, туда и везут, – буркнул белокрысый, почесывая нос-картошку. Потом присмотрелся и спросил:

– Слушай, ты мне кого-то напоминаешь. Ты не играл в американский футбол?

– Я играл в хоккей, – сказал Ростислав.

– Точно! – белокрысый обрадованно хлопнул себя по колену.

– То-то я смотрю, знакомое лицо! А за кого шайбу гонял?

– За «Нью-Джерси», – Шибанов заставил себя приветливо улыбнуться.

– Точно! – заорал белокрысый. – Ты русский, да?! Шаманов!

– Шибанов, – поправил Ростислав, внутренне сетуя на то, что один из немногих его встреченных поклонников оказался идиотом и расистом.

– Точно! Шибанов! Черт, я помню, как на чемпионате мира вы надрали задницу этим гребаным канадцам! Слушай, я никогда не мог подумать, что увижу такого человека...

Теперь в голосе белокрысого звучало нескрываемое благоговение. Этим нужно было воспользоваться, и Ростислав тут же спросил:

– Тебя-то как зовут, приятель?

– Стив, – расплылся в улыбке белокрысый. – Стивен Шоу. Я-то сам в хоккей не того, но в бейсболе был неплохим бэттером. Однако хоккей люблю. Мы с батей обычно возьмем пивка и посмотрим, а мамаша ворчит – делом бы занялись, дескать... Газон там, то-се... А батя ей: «Пошла ты в задницу, Мэри Сью! Мы с сыном хоккей посмотрим!».

– Стив, а можно тебя спросить, куда нас везут?

– Да к Мастеру, – тут же ответил белокрысый. – Обычно всех, кто приходит, везут к Мастеру.

– И много народу приходит?

– Когда как. Раньше много было, но их пулеметами отгоняли. Чокнутые лезли, а там разберись поди, кто в самом деле чокнутый, а кто не до конца... Сейчас мало народу приходит, поэтому кого гонят, кого, как вас, пускают в город. А там уже смотрят – пригодятся или нет.

– А почему нас пустили, сэр? – спросила Мидори. Белобрысый замешкался, словно раздумывая, стоит ли здесь с кем-то разговаривать, кроме хоккеиста, но все же ответил:

– Ну, вы не чокнутые – раз. Не бандиты – два, хотя бандитов тоже иногда пускают. И вообще компания у вас занятная, такие велено забирать.

– А ваш Мастер, он не устает беседовать со всеми прибывшими? Дело-то к ночи.

– Мастер никогда не устает и никогда не спит, – сказал Стив Шоу. В голосе его прозвучали страх и почтение. – Он скажет, что с вами делать. Прости, но я больше не могу с тобой разговаривать. Мы подъезжаем.

Грузовичок остановился, и белобрысый коротко сказал:

– Выходим.

Он даже попытался помочь Атике вылезти из кузова, но девушка брезгливо отдернула руку. Шибанов огляделся: грузовичок стоял посередине огороженного каменной стеной двора. Кладка была старой, видимо, какое-то историческое здание; по ней прихотливо вился густой плющ. Возле стены стоял белый «ролсс-ройс», под капотом которого возился человек в спецовке, насвистывая почему-то гимн Армии спасения³⁶.

– Ага, вот они, – сказал уже знакомый всем капитан Долтри, выходя из арки. – Еще раз добро пожаловать.

---

³⁶ Международная миссионерская и благотворительная организация, существующая с середины XIX века и поддерживаемая протестантами-евангелистами

– Вы и есть Мастер?! – наивно удивилась Мидори, внимательно разглядывая капитана.

Долтри нахмурился, потом перевел взгляд на белобрысого:

– Ты им уже все разболтал?

– Я только... – пробормотал виновато Стив Шоу, но капитан его перебил:

– Ты пойдешь на гауптвахту, придурок. За свой длинный язык. Ты что, гребаный экскурсовод? Простите, мэм... – повернулся он к Атике.

Шоу скис.

– Шагом марш! Доложишь сержанту Клементи, он с тобой разберется.

– Есть, сэр... – проямлил Шоу и побрел прочь.

– Так что с нами-то? – напомнил о себе Шибанов.

– Сейчас я провожу вас к Мастеру. Идите за мной.

...В полутемной зале, куда привели четверку, стояло кресло наподобие трона. В кресле сидел седой человек с пронзительными глазами, которого Шибанов явно где-то видел. Ростислав никогда не интересовался американской политикой, но Мастер оказался ему знаком. В самом деле, как и говорили – то ли министр, то ли сенатор... На нем были безукоризненный черный костюм, белая рубашка, синий шелковый галстук. У стен застыл человек десять автоматчиков. Маленький столик стоял по правую руку от кресла Мастера. На нем лежала стопка старых газет, рядом стояла статуэтка Богоматери – с виду золотая, но вполне могла быть мексиканской или китайской копеечной поделкой.

– Приветствую вас в Солт-Лейк-Сити, – торжественно произнес Мастер, и его слова гулко отдались под высокими сводами.

– Капитан, я думаю, черномазого можно сразу увести. И снимите с него побрякушки.

– Что?! Чего?! – закричал было Джей-Ти, но его уже поволокли прочь охранники.

– Это наш друг! – возмутился Шибанов. – Что с ним будет?!

– Ничего страшного, – мирно сказал Мастер и улыбнулся. Он напоминал дедушку, беседующего со внуками. – Негр должен работать на общее благо. Ему найдут достойное занятие. Это угрожало и вам, мисс, – обратился он к Атике, – но пред вашей красотой я падаю ниц и не могу отказать такого распоряжения.

– Я не мисс, – сурово ответила Атика. – Я миссис. Миссис Атика Шибанофф. Вот мой муж.

– Шибанофф... Русский?! – удивился Мастер, встал с кресла и подошел ближе. Вгляделся в лицо Ростислава. – Русский... Что ты здесь делаешь? Из эмигрантов?

– Нет, я приехал сюда работать. Я играл в хоккей, – честно признался Шибанов. Он не видел смысла врать, к тому же информацию при желании ничего не стоило проверить.

– Хоккей... – задумчиво повторил Мастер, возвращаясь на свой трон. – Это хорошо. Хоккей – интересная игра. Правда, она давно превратилась в постановку. Скажи мне, ты дрался в игре честно? Я имею в виду моменты, когда вы охаживали друг друга по морде.

– Когда как. Иногда для вида, иногда – всерьез.

– Впрочем, это неважно, – сказал Мастер. – Мы не для того здесь собрались. Кстати, я хотел вам представить полковника Роулинсона. Полковник, выйдите к нам, прошу.

Из тени к креслу, где сидел Мастер, вышел человек, похожий на мумию. Его горло от воротника форменной куртки до самого подбородка было замотано пожелтевшими бинтами, серая кожа на лице высохла и отслаивалась чешуйками, а волосы напоминали мочало. Роулинсон напоминал ракового больного в четвертой стадии, стоящего одной ногой в могиле. От полковника одуряюще пахло лосьоном, но искусственный запах свежести не мог перебить естественного запаха гниения и разложения.

– Меня зовут Роулинсон, *tovarishch*. Полковник Чарльз Роулинсон, – сказал человек с забинтованной шеей скрипучим, на-

тужным голосом. – Я очень рад видеть у нас в гостях русского. Я уже сталкивался с одним. Он меня обманул. Убил и бросил умирать.

– Мы не имеем к этому никакого отношения, – возразил Шибанов.

– Кто знает, кто знает... – полковник сел на складной стульчик рядом с креслом Мастера, напоминая средневекового шута. – Мастер, вы здесь говорили о хоккее и о схватках. У меня есть предложение немного развлечься.

– Слушаю вас с нетерпением, – благосклонно сказал Мастер.

– Разрешить русскому сразиться с одним из моих людей, сэр?

– Спросим у него. Слышали, мистер Шибанофф? Хотите встретиться с парнем полковника? – с надеждой поинтересовался Мастер. – Не скрою, от этого во многом зависит ваше будущее.

– Готов, – сказал Шибанов, потому что ему больше нечего было ответить. – Надеюсь, сражаться придется не в настольный хоккей? Терпеть его не могу.

– Браво, браво, – Мастер засмеялся и даже хлопнул еле слышно в ладони.

– Хорошо, tovarishch, – с удовлетворением произнес и Роулинсон. – Русские – храбрые, я в этом никогда не сомневался. И, отвечая на ваш вопрос: нет, это будет не настольный хоккей. Куда интереснее.

Он повернулся и крикнул:

– Позовите Сонни!

Атику и Мидори автоматчики отвели в сторону, освободив таким образом место, готовое стать рингом. Сонни, очевидно, требовалось некоторое время на подготовку, потому пауза затянулась.

– Скажите, Мастер, я могу задать вам пару вопросов, пока мы ничем не заняты? – довольно нахально спросил Шибанов. Мастер пожал плечами:

– Отчего же нет? Только, прошу вас, обращайтесь ко мне «сэр».

– Хорошо, сэр. Я безусловно знаю вас. Где я мог вас видеть?

– О, я ждал этого вопроса. Дело в том, мистер Шибанофф, что отвечать на него бессмысленно. Та прошлая жизнь бесповоротно закончилась. О причинах столь плачевного конца можно рассуждать бесконечно, но я привык следовать исключительно фактам. Потому я – Мастер, и только Мастер. Человек, который щелкает здесь пальцами, а все присутствующие обязаны спросить, насколько высоко они должны подпрыгнуть.

Это была фраза из какой-то книги, боевика, прочитанного Шибановым года три тому назад.

– Тем не менее, – упрямо продолжал Ростислав, – вы ведь были сенатором, сэр?

– Был, – кивнул Мастер. – Но сената Соединенных Штатов в его привычном виде нет, есть жалкая пародия на него в Североамериканском Альянсе, который сам по себе – жалкая пародия на Соединенные Штаты, за которые я отдавал жизнь. Стало быть, можно считать, что я сложил полномочия.

– И строите здесь то общество, которое вам нравится? В котором люди обязаны спрашивать, насколько высоко им подпрыгнуть?

– Найдите место и постройте другое, – предложил Мастер. – Я, как видите, так и сделал. И вы пришли ко мне, а потому извольте подпрыгивать.

– Спрашивать, насколько высоко, я все равно не стану.

– Именно сейчас мы это и проверим.

– Сонни готов, сэр! – известил полковник Роулинсон, поправляя свои бинты.

В зал вбежал Сонни, одетый только в боксерские шорты. Соперник Шибанова был бос, худощав, мал ростом и быстр в движениях. В жилах его явно текла азиатская кровь. Казалось, что против бывшего хоккеиста, привыкшего к силовой борьбе, он

не выстоит, но Ростислав прекрасно понимал, что находится в невыгодном положении. На хоккейной площадке он боролся против таких же парней, стоявших на коньках, облаченных в щитки и шлемы, плюс ко всему рядом находился судья, который был готов разнять их, если драка переходила все правила приличия.

Сейчас перед ним был убийца. Шоу закончилось. Оно давно должно было закончиться, но до сих пор продолжалось, если верить покойному Рику Манчини, он же Джерри Романо.

– Выстоишь против Сонни, *tovarishch*? – спросил полковник Роулинсон, поглаживая ладонями бинты на шее, словно боясь, что они расползутся, и мертвая плоть выскользнет из-под них.

– Посмотрим, – сказал Шибанов, прикидывая.

– Вы можете снять одежду, которая вам мешает, – сказал Мастер. – Как видите, пока мы стараемся соблюдать правила. Вот-вот это прекратится.

– И так сойдет, – буркнул Шибанов. В самом деле, тяжелые ботинки снимать не следовало – они, конечно, замедляют движение, зато берегут ногу и усилиют удар. Сонни был бос, но Ростислав отлично представлял себе, что за страшное оружие – босая нога каратиста.

– Тогда деритесь.

В малолетстве Шибанов ходил по улицам Кирова и не раз нарывался на гопоту. Гопота отличалась как раз быстродействием. Нет, избиению предшествовал разговор на тему «а ты откуда?», «а кого тут знаешь?», «а дай рублей десять», «а сиги есть?», но заканчивалось все банальной дракой. И, поскольку за гопников часто стояли серьезные пацаны, отсидевшие в колонии и умевшие драться, Ростислав усвоил простые уроки деда Сани.

– В драке, внук, выбирай главного, – говорил дед, сворачивая самокрутку. С некоторых пор он курил только самосад, утверж-

дая, что от покупных сигарет «не стоит». – Вальнешь главного, остальные растеряются. Тогда бей самого мелкого, сильно бей, чтобы кровью умылся и заорал. Это вроде психологической атаки. А дальше действуй по обстоятельствам.

Но сейчас против Ростислава вышел один боец. На этот случай у деда была своя метода.

– Если выходишь один на один, забудь все правила, – учил дед Саня, выпуская желтые клубы махорочного дыма. – Это не бокс с братьями-кубинцами, не Олимпийские игры. У мужика что важнее всего? Яйца, внучек. Бей по яйцам. Схватитесь за них – в глаза коли пальцами. В колено, в голень бей ногой, если не босиком, а то пальцы себе выбьешь. Короче, выживай.

Шибанов прекрасно понимал, что перед ним – не уличная шантрапа, насмотревшаяся фильмов с Ван Даммом и Джеки Чаном. Такого против него не выпустили бы. Но слова деда вертелись в мозгу плотным хороводом, и как только Сонни, легко подпрыгивая на пружинистых ногах, подобрался на подходящее расстояние, Шибанов врубил по яйцам.

Сонни легко ушел от удара, снисходительно улыбнувшись.

Ростислав выжидал. Противник явно выбрал защитную тактику, учитывая телосложение бывшего хоккеиста. Он прыгал туда-сюда, двигал кулаками, обмотанными эластичной лентой, и улыбался. Эта улыбка бесила Шибанова сильнее всего, но он старался не обращать на нее внимания.

– Эй, что за балет?! – крикнул Мастер. – Деритесь уже наконец!

В его голосе слышалось равное недовольство как Ростиславом, так и своим собственным бойцом. Сонни встрепенулся и пошел в атаку. Он явно был специалистом по восточным единоборствам, но против лома нет приема. Эту поговорку вспомнил Шибанов, схватив стоявший у стены канделябр и запустив его во врага.

Сонни увернулся, а полковник Роулинсон хрипло закричал, придерживая бинты:

– Не по правилам!!!

– Правил нет, полковник, – возразил Мастер, который теперь искренне наслаждался зрелищем. – Бой начался, а в бою правил нет, и это главное правило. Вы не должны забывать об этом.

– Да, сэр, – виновато отозвался полковник.

– К тому же Сонни – боец, дравшийся за деньги, а мистер Шибанофф – всего лишь хоккеист.

Роулинсон молчал, повесив голову.

Ростислав тем временем чудом увернулся от очередного удара. Чертов Сонни мельтешил перед глазами Шибанова в диком танце, перемещаясь почти незаметно, появляясь то там, то здесь. Это был противник высокого класса, особенно для Ростислава, весь опыт которого в подобных делах заключался в уличных драках. Похоже, Сонни наслаждался беспомощностью Шибанова и разрешал ему немного поиграть и подергаться перед неизбежным финалом.

Ростислав глубоко вдохнул и провел руками по бедрам. Ладонь проехала по кожаному футляру на ремне, в котором покоилась фигурка скорпиона. Все тело словно пронзил электрический ток. Мышцы налились силой, в глазах что-то вспыхнуло, осветив самые дальние углы полутемного помещения, и Шибанов прыгнул вперед. И сразу получил удар по лицу, зубодробящий, безжалостный, едва не погасивший сознание.

Тем не менее Шибанов выдержал. Он лишь отшатнулся и снова бросился в атаку, потому что Сонни этого не ждал. Азиат явно надеялся, что русскому досталось на славу, и готовился добивать его.

Таранная атака Ростислава не удалась – в последний момент Сонни потерял равновесие, но не упал. Удар кулака Шибанова

он отбил легко, точно так же парировал и второй. Но третий – тот, которому учил дед – бесславно пропустил.

Сонни согнулся, и Шибанов, понимая, что другого случая ему уже не представится, с размаху нанес удар коленом в лицо. Сонни упал на спину, Шибанов, вспомнив увиденные по телевизору соревнования по кетчу, с размаху прыгнул ему коленями на грудь. Под коленями хрустнуло, Сонни замолотил руками по полу и замер. Из рта широкой струей хлынула кровь.

Мидори победно завизжала.

– Отлично, – сказал Мастер, медленно хлопая в ладоши.

Шибанов застыл над распростертым безжизненным телом, сплюнул выбитый зуб, запрыгавший по каменным плитам пола.

– Ты победил, русский, – с удовлетворением произнес Мастер. – Я всегда знал, что вы хорошие бойцы, и потому вас следует опасаться. К великому сожалению, меня никто не слушал. Сейчас мы расплачиваемся за это.

– Я выиграл, – просипел Ростислав. – Что я получу?

– За это ты получишь возможность выбора, русский, – сказал Мастер, приглаживая ладонями свой седой ежик волос. – Ты, верно, думал, что получишь свободу? Нет, русский. Ты в Америке, а Америка – это страна великого обмана, как ни печально. Потому ты получишь только возможность выбора, и больше ничего.

Ростислав молчал. Все его избитое тело болело, и он боялся посмотреть на Атику и Мидори, стоявших справа. Подбежавшие люди в форме утащили тело Сонни, схватив его за ноги. Тут же появился сутулый негр с ведром и шваброй, принялся торопливо замыывать кровь с камней.

Шибанов был уверен, что его противник мертв.

– Ты готов сделать выбор, русский?

– Это зависит от того, что за выбор вы имеете в виду, – сказал Шибанов, закашлялся и выплюнул кровавой сгусток.

– Выбор – он и есть выбор, – ответил за Мастера Роулинсон. – Его можно делать или не делать. Когда ты спрашиваешь, какой именно выбор ты готов сделать, это уже совершенно другой выбор. Выбор между выборами, если ты еще не понял.

Мастер глухо засмеялся.

– Вот за что я люблю этого человека, – сказал он. – За то, что умеет красиво, но запутанно говорить, и за то, что не любит мексиканское пиво, потому что оно отдает мочой. Я тоже так считаю.

– Вам так часто приходилось пить мочу, сэр, что вы легко распознаете ее вкус? – спросил Шибанов, не удержавшись.

Мастер нахмурился, а потом снова расхохотался.

– Я положительно люблю русских, – заявил он. – Шутит он, видите ли. Хорошо, что мы не начали с ними воевать раньше, чем это могли себе позволить. С такими замашками они нас победили бы в два счета. Черт, да я видел это во Вьетнаме, где вьетконговские ублюдки были во всем натасканы советскими инструкторами. Парни из «зеленых беретов» рассказывали мне, как поймали одного комми. Что они с ним только не делали, а он лишь кричал «fuck you», пока не сдох. Великая страна, великая нация. Жаль, что ее изгадили либералы. Мы могли бы сговориться. Теперь уже поздно, да...

– Так что за выбор? – напомнил Шибанов.

– Выбор простой, – сказал Мастер. – И сейчас ты узнаешь, в чем там соль.

*«Нерушимые договоры, богатства, тайна,
Вечный прогресс, космос и современные открытия.
Вот она, жизнь...»
Уолт Уитмен*

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Это не сказка...

Сколково, Россия, март 2014 года

– Здравствуйте, Владимир Владимирович, – сказал Гумилев, когда на экране появился Путин.

– Здравствуйте, Андрей Львович. Какие у вас новости успехи в отношении работ по «Армагеддону»?

– Более-менее обнадёживающие. Действующей вакцины пока нет, но мы, кажется, на верном пути.

– Это хорошо, – сказал Путин. – Это очень хорошо. А как вы посмотрите на то, чтобы возглавить специальную миссию ООН, которую планируется разместить в штате Айдахо?

Гумилев замялся. Информация для него была совершенно новой, за что он тут же решил взгреть своих соответствующих сотрудников, в том числе отвечающих за ооновские каналы.

– Вижу, вы не в курсе этих планов, – правильно понял ситуацию Путин. – Неудивительно, потому что пока никто не знает. Даже, собственно говоря, в самой ООН знают два-три человека, включая генерального секретаря. Сегодня утром я беседовал с президентом Североамериканского Альянса, они согласны. База будет размещена в Твин-Фоллз, основные заботы по ее обустройству и содержанию возьмет на себя Россия. Но это не главное, Андрей Львович. Главное то, что нам дают разрешение на работы внутри Закрытой Территории.

Гумилев едва удержался, чтобы не выкинуть какую-нибудь мальчишескую штуку. Он надеялся, что рано или поздно об этом договорятся, но новость пришла неожиданно. Андрей тут же решил, что по такому случаю не станет наказывать тех, кто прошляпил ооновские инсайды.

– В таком случае эффективность работ многократно вырастет, – сказал он, стараясь выглядеть по возможности спокойнее. Судя по внимательному и добродушному взгляду Путина, это ему удалось. – Единственная просьба: номинальным руководителем миссии должен быть другой человек.

– Основания? – коротко спросил Путин.

– Я не люблю быть на виду. И потом, руководитель миссии будет заниматься неизбежной хозяйственно-бытовой рутинной, утрясать неизбежные мелочные проблемы с американцами, устраивать бесконечные пресс-конференции...

– А вы, я так понимаю, хотите работать, что называется, «в поле»?

– Хочу, Владимир Владимирович.

Путин помолчал.

– Почему-то я не удивлен, – сказал он, наконец, с легкой улыбкой. – Кого предлагаете на должность руководителя? Раз уж сами отказались, помогайте с кадрами. Знаю я вас, все равно протащите нужную кандидатуру.

– Нет-нет, пусть руководит кто-то из заметных фигур с мировым именем. Академик, например. А у меня сотрудники узкопрофильные, не заместителя же по административно-хозяйственной части на такой пост предлагать.

– Хорошо, Андрей Львович. Найдем вам академика. Ну, и поскольку я вам сделал сейчас такой сюрприз, сами понимаете, что не так уж все будет просто.

Этого следовало ожидать, но Гумилев не боялся новых неожиданностей. Разумеется, договоренность о разрешении на работы внутри Закрытой Территории была достигнута не просто так.

– Я готов, Владимир Владимирович, – сказал Гумилев.

– В таком случае к вам сегодня в 16:30 придет от меня человек, который введет в курс дела. Фамилия – Решетников. Не удивлюсь, если вы и сами многое знаете по данному вопросу, но так будет лучше. Можете пригласить на встречу пару своих специалистов, но учтите, что тема щекотливая. Скажем так – американцы не в курсе этих нюансов. И еще – скоро вам придет один файл, просмотрите его. Вам пригодится.

...«Джон Сидни Маккейн III родился 29 августа 1936 года на американской военно-морской базе Коко-Соло в зоне Панамского канала. Окончив в 1954 году епископальную среднюю школу в Александрии (штат Вирджиния), пошел по стопам отца и деда: оба они были адмиралами ВМС США. В 1958 году окончил Военно-морскую академию США в Аннаполисе (штат Мэриленд). Успехи в учебе были у него довольно скромными: в рейтинге успеваемости курса он занимал одну из последних строчек.

В 1958 году Маккейн поступил на службу в военно-морскую авиацию. Принял участие во Вьетнамской войне. В 1967 году силы ПВО Северного Вьетнама сбили самолет Маккейна над Ханоем. Молодой офицер оказался в лагере для военнопленных. Там он провел пять с половиной лет, подвергаясь унижениям и пыткам. Его жизнь спасло лишь то, что отец Маккейна, адмирал Джон Маккейн-младший, командовал американскими силами на Тихом океане, и вьетнамцам стало об этом известно. Военнопленному было предложено досрочное освобождение, но он отказался. Под пыткой Маккейн подписал признание, которое вьетнамское командование использовало в пропагандистских целях: «Я грязный преступник, совершивший акт воздушного пиратства». Одним из последствий пребывания Маккейна в плену стала его преждевременная седина – впоследствии из-за нее он, бурно включившись в политическую жизнь США, получил прозвище Белый Торнадо.

По возвращении в США Маккейн занял должность офицера по связям ВМС с Сенатом. В 1974 окончил Национальный военный колледж в Вашингтоне. Вышел в отставку в 1981 году. Имеет несколько военных наград: орден «Бронзовая звезда», крест «За летные боевые заслуги», орден «За боевые заслуги», орден «Пурпурное сердце», орден «Серебряная звезда».

После непродолжительной работы в компании своего тестя – «пивного барона» Джеймса Хенсли Маккейн начал политическую карьеру. В 1982 году как член Республиканской партии был избран от штата Аризона в Палату представителей, а затем, в 1986 году, – в Сенат. В 1996 году Маккейн участвовал в президентской кампании своего друга – республиканского кандидата Боба Доула, а двумя годами позже решил попробовать свои собственные силы в президентской гонке. В 2000 году он принял участие в республиканских праймериз, но проиграл губернатору Техаса Джорджу Бушу-младшему.

– Если не ошибаюсь, Буш потом говорил, что Маккейн – именно тот человек, который им необходим как президент, который может принимать твердые решения и не будет пасовать перед лицом опасности, – сказал Санич.

– Два сапога пара, – кивнул Гумилев и продолжил чтение присланного файла.

«Сенатор от Аризоны известен как один из ведущих «ястребов» – еще со времен конфликта в Косово, когда он упрекал администрацию Билла Клинтона за недостаточно решительные действия против сербского правительства. Маккейн не только выступал против вывода американских сил из Ирака, но и призывал к увеличению контингента в этой стране.

С приближением президентских выборов 2008 года Маккейн оказался потенциальным республиканским фаворитом. В июне 2006 года по рейтингу популярности он оставил позади вероятного демократического кандидата – сенатора Хиллари Клинтон. Голосовал за запрет абортов, против контроля над

стрелковым оружием, за использование смертной казни, поддерживал программу противоракетной обороны.

Завоевал репутацию одного из главных «русофобов» США. Маккейн утверждал, что Россию – страну, в которой «крайне слабы проблески демократии» и которая сотрудничает с Ираном, – не следует допускать в клуб ведущих развитых стран, «Большую восьмерку». Известен как защитник антироссийски настроенных режимов на пространстве бывшего СССР. В 2005 году выдвинул Виктора Ющенко и Михаила Саакашвили на получение Нобелевской премии мира. Заверял руководство Грузии, что США непременно защитят эту кавказскую страну от имперских амбиций Москвы.

Потерпел поражение на всеобщих выборах 4 ноября 2008 года, набрав 47 процентов голосов против 51 процента у Барака Обамы.

После эпидемии вируса «Армагеддон» Маккейн находился в Солт-Лейк-Сити (штат Юта), неоднократно обращался к президенту и правительству США с требованием принятия еще более жестких мер. Заявлял, что эпидемия является частью биологической войны против США, развязанной Россией и Китаем. После апреля 2013 года о Маккейне ничего не известно; по слухам, он по-прежнему находится в Солт-Лейк-Сити, являясь главой самопровозглашенной Республики Солт-Лейк».

– Довольно подробная сводка, – вежливо сказал Санич, внимательно глядя на физиономию Маккейна, появившуюся на экране монитора. – Но какое отношение она имеет к нашей деятельности, Андрей Львович?

– Это нам объяснит человек, которого мы ждем. Кстати, где это он?

Гумилев посмотрел на часы – шестнадцать двадцать пять. За окном шел проливной дождь, крупные капли стучали по стеклу.

– Пробки, – сказал Санич, в кабинете которого они сидели. – Даже с мигалками все равно опоздает, там черт знает что творится. Нанороботов делаем, а Москву от пробок разгрузить не можем.

– Не ворчи, Олег, – попросил Гумилев. – Москву от пробок пускай мэр разгружает, а я уж лучше по привычке буду нанороботами и искусственными интеллектами заниматься. С ними проще.

Пискнул сигнал.

– Андрей Львович, к вам товарищ Решетников. Назначено на шестнадцать тридцать, – сказала секретарша Санича, на армейский манер именующая всех «товарищами».

– Пусть заходит, Наташа.

В кабинет вошел высокий мужчина лет сорока пяти в промокшем плаще бежевого цвета и такой же мокрой шляпе.

– Здравствуйте, – сказал он. – Ах, извините. Какой же я рассеянный. Нужно было оставить в приемной на вешалке.

Вернувшись, он еще раз извинился и представился:

– Решетников, Константин Кириллович.

– Я – Андрей Львович, – сказал Гумилев, – а это мой руководитель службы безопасности. Полагаю, можно ввести в курс дела еще и его.

Подавая руку, Гумилев сочувственно заметил: «Промокли-то как».

– Пока от метро добежал... Льет, как из ведра, – ответил Решетников.

Гумилев и Санич переглянулись. Мужик, судя по всему, был толковый, добрался на монорельсе, минуя пробки. Хотя человек явно не последний – судя по возрасту и внешности, скорее всего, генерал. Фамилию Гумилев раньше не слышал, хотя и не взялся бы утверждать, что знает всех генералов спецслужб. Потом можно было проверить, однако вовсе не факт, что Решетников вообще назвался настоящей фамилией.

Высокий, полный, с улыбочивым круглым лицом, Олег Санич производил впечатление добродушного увальня. В действительности это был жесткий и цепкий профессионал, прошедший две локальные войны капитаном, а затем майором Главного разведывательного управления Генштаба. После тяжелого ранения, полученного в бою с боевиками «Аль-Каиды», Санич был вынужден выйти в отставку. Травма позвоночника не позволяла ему поддерживать физическую форму постоянными тренировками, отчего майор очень переживал. Гумилев, искавший специалиста, который мог бы возглавить службу безопасности его растущей империи, сделал Саничу предложение, от которого тот не смог отказаться — стать «экспериментальной моделью» для лаборатории, занимавшейся разработкой искусственных имплантантов. В течение двух лет Олегу заменили поврежденные позвонки на металлокерамические детали, вшили в мышцы специальные электростимуляторы, увеличивающие силу и быстроту реакции, усовершенствовали вестибулярный аппарат, слух и зрение. Теперь коллеги, уважительно посмеиваясь, называли Санича Робокоп, но он, кажется, не имел ничего против.

Санич и Решетников пожали друг другу руки.

— Если не секрет, почему мы встречаемся не в вашем кабинете, а в кабинете товарища Санича? — напрямую уточнил Решетников, приглаживая ладонью седоватый ежик волос.

— Здесь удобнее во всех отношениях, — сказал Гумилев. Решетников пожал плечами — мол, хозяин — барин, сел на гостевой кожаный диванчик и сказал:

— Итак, вы уже проинформированы о том, что в штате Айдахо, а конкретно — в городке Твин Фоллз, планируется разместить базу специальной миссии ООН. Руководитель миссии пока не утвержден, — тут Решетников выразительно посмотрел на Гумилева, — но этот вопрос будет решен в ближайшие сутки. Не буду ничего сейчас говорить о том, что касается научно-

исследовательских работ на Закрытой Территории. Не стану утомлять вас и анализом обстановки на Территории – вы, верно, и сами прекрасно знаете, что там происходит. К тому же аналитическую записку и целый ряд дополнительных материалов мы уже переслали на ваш адрес, Андрей Львович. Вы уж потом ознакомьтесь.

– Непременно, – кивнул Гумилев.

– Наша встреча касается тех функций миссии, о которых американская сторона не имеет ни малейшего представления. Само собой, подавляющее большинство членов миссии тоже не в курсе, включая будущего руководителя. Обо всем будете знать лишь вы двое плюс – уже непосредственно перед выполнением задания – те люди, которых вы сочтете нужным привлечь в любой форме.

Сочетание «выполнение задания» в устах представителя спецслужб звучало несколько угрожающе. «Привлечь в любой форме» почему-то сразу ассоциировалось у Гумилева с приставленным к чьему-то лбу пистолетом.

– Как вам известно, – продолжал Решетников, усаживаясь поудобнее, – штат Айдахо граничит со штатом Невада, который нынче входит в Закрытую Территорию. Это один из самых спокойных штатов, контроль границы давно уже не выявлял попыток проникновения. Население самоорганизовалось, решает свои проблемы самостоятельно. Частично вымерло.

Что ж, он называет все своими именами, подумал Гумилев. Краем глаза он заметил, как Санич наморщил лоб.

– Простите, я все-таки коснулся анализа обстановки... Так получилось, что именно в штате Невада располагается объект, который нас интересует. В обычное время посетить его не представлялось никакой возможности, а сейчас все складывается совсем иначе. Речь идет о так называемой Зоне 51.

Гумилев удивленно поднял брови:

– Так это не сказка?

– Зона 51 располагается на территории военной базы Неллис, – бесстрастно, как на лекции, начал Решетников. – Площадь – сто пятьдесят пять квадратных километров. Находится рядом с высохшим озером Грум-Лэйк, между мертвыми городами Аламо и Рэйчел. До мая 1955 года входила в состав испытательного полигона Военно-морских сил США, на котором проводились подземные ядерные испытания. Материалы аэрокосмической съемки я вам передам отдельно, как старые, так и сделанные после 2012 года. В 1955 году авиаконцерн «Локхид» выбрал это место для испытаний легендарного самолета-шпиона U-2. Место как нельзя лучше подходило для подобных работ: безжизненный «лунный» ландшафт на высоте полутора километров от уровня моря, абсолютно гладкое пятикилометровое русло высохшего озера, отрезанного от внешнего мира высокими горными хребтами. Полеты гражданских самолетов запрещены в связи с проводимыми в этом районе ядерными испытаниями, полное отсутствие местного населения – сами понимаете, идеальное место для сохранения секретов. В начале 1977 года здесь же, за десять лет до официального обнародования, впервые подняли в воздух штурмовик-невидимку F-117A, разработанный по технологии «Стелс». Некоторые из разработчиков утверждали, что идеи этой технологии, как и некоторые другие, использованные в самолетах B-2 и F-117A, были, так сказать, заимствованы у разбившихся НЛО.

Решетников сделал паузу, понимая, что по ходу его повествования у слушателей могут возникнуть вопросы.

– Прошу прощения, – сказал Санич, – но ведь американские власти постоянно опровергали эту информацию. Клинтон, если не ошибаюсь, даже устраивал что-то вроде расследования, а перед эпидемией на базу даже возили экскурсии.

– А вы бы хотели, чтобы американцы во всем признались? Что же до Клинтона, то этому саксофонисту-неудачнику даже свои ничего не стали сообщать. Экскурсии – да, возили, но во-

все не на базу. Экскурсантам показывали старый ядерный полигон с воронками, который к непосредственно Зоне 51 никакого отношения не имеет.

Подождав пару секунд и поняв, что больше вопросов пока нет, Решетников продолжил:

– Информацию пришлось собирать буквально по крупинкам, причем нам изрядно навредили всевозможные уфологи со своими выдумками. Если же объединить имеющиеся сведения, картина выглядит примерно так: основные генетические исследования и сравнительный анализ биологической структуры землян и инопланетян проводились именно на подземной базе в Зоне 51. Около десяти лет назад появилась информация о расположении такого центра в городе Дьюлс, штат Нью-Мексико, но мы полагаем, что утечка была организована преднамеренно, чтобы отвлечь внимание от Зоны 51. Верхние три уровня комплекса занимают служба безопасности, коммуникации, жилые помещения, управление, бюро и лаборатории. Четвертый и пятый уровни отведены для экспериментов по контролю над разумом и изменению генетического строения людей так, чтобы они могли работать в опасных условиях. Здесь же проводились опыты по вживлению в мозг людей особого рода имплантантов, так называемых транспондеров – микрорепердатчиков, позволяющих на любом расстоянии контролировать поведение человека.

– Радиогипнотический интерцеребральный контроль, – кивнул Гумилев. – Об этом я слышал.

– На этом же уровне отрабатывались методы клонирования. На шестом уровне находится так называемый «зверинец» для подопытных. Самый нижний, седьмой уровень – холодильная камера. Все эксперименты проводились в рамках особо секретных программ Агентства перспективных оборонных исследовательских проектов США. Всего на базе было занято около трех тысяч ученых и двух тысяч человек обслуживающего

персонала. Что с ними сейчас – неизвестно, хотя определенная активность на территории базы присутствует.

– И что требуется от нас? Вообще-то я, конечно, специалист по искусственному интеллекту и даже по контролю над разумом, если угодно, но не вижу связи... Наша задача – победить вирус, и я не понимаю, при чем тут... Вирус – инопланетный?!

– Такое тоже не исключено. Однако дело не только в вирусе.

– Нам что-то нужно забрать из базы? – в некотором недоумении поинтересовался Гумилев.

– Нет, – возразил Решетников. – Дело в том, что до Зоны 51 могут добраться другие люди, из Солт-Лейк-Сити. Люди Джона Маккейна, досье которого вы сегодня получили. Есть такая информация, и это очень опасно.

– И мы...

– И вы должны будете уничтожить Зону 51.

«Не для того произведен ты на свет матерью и отцом,
чтобы стать прахом,
но для того, чтобы стать Личностью,
Не для того ты рожден,
чтобы стать человеком нерешительным,
но чтобы принимать решения»
Уолт Уитмен

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Итог один – смерть

Юта, Соединенные Штаты, март 2014 года

– Может быть, вы хотите немного передохнуть? – уточнил Мастер, нахмурившись и стряхивая с плеча своего безукоризненного костюма невидимую соринку. – Мы никуда не торопимся.

– Хотите предложить мне отужинать вместе? – снова съехидничал Шибанов.

– Отужинать, пожалуй, вполне хорошая идея, – согласился Мастер и прикрикнул на негра, все еще старательно возившего шваброй по каменному полу:

– Убирайся вон, Абрахам!

Негр тут же собрал свое нехитрое хозяйство и, кланяясь, исчез в неприметной нише, закрытой черной занавесью.

– Полковник, распорядитесь. Мы поужинаем вдвоем с нашим гостем, – попросил Мастер. – Прямо здесь, пусть принесут стол и два кресла.

Роулинсон замешкался – вероятно, в его обязанности не входило заниматься подобными вещами – но встал со своего стульчика и, обдав Шибанова очередной волной смеси лосьона и тухлятины, скрылся за той же занавесью, что и негр-уборщик.

– А девушки?

– О девушках позаботятся, – успокоил Мастер. – Не переживайте, мистер Шибанофф, с ними все будет в порядке. Уж что-то, а лгать я даже в Сенате не научился, поэтому совершенно искренен с вами. Эй, сержант! Отведите этих леди в столовую и окажите им настоящее южное гостеприимство, вы же из Джорджии, если не ошибаюсь?

– Так точно, сэр! – обрадованно отозвался сержант, польщенный тем, что Мастер помнит о его происхождении.

– Вино можете взять из моих личных запасов, – добавил Мастер.

Шибанов успел поймать взгляд Атики, когда ее вели мимо, и ободряюще подмигнул. Жена грустно улыбнулась в ответ.

– Давно поженились? – тоном старого друга, не видевшего тебя с колледжа, спросил Мастер. Глаза его почему-то были такими же грустными, как улыбка Атики.

– Меньше года.

– Красивая девушка. А вторая? Она слишком взрослая, чтобы быть вашей дочерью, даже от первого брака.

– Так получилось, что мы путешествуем вместе. Мы... Мы оказались в одной лодке, когда все началось. Ну, вы понимаете.

– Понимаю, – серьезно сказал Мастер. Шибанов заметил, что на отсутствие обращения «сэр» всесильный правитель Солт-Лейк-Сити больше не реагировал. Может быть, не так все плохо? С человеком, которого планируют прикончить, редко садятся поужинать. Мир возвращается в средневековье, и поединок с покойным Сонни – тому доказательство. Поединок Шибанов выиграл, теперь понять бы, что имеется в виду под выбором, который его ожидает.

– Вы до сих пор не хотите мне ничего объяснить? – спросил на всякий случай Шибанов, когда два солдата приволокли стол красного дерева на гнутых ножках, пару мягких кресел и начали расстилать белоснежную скатерть. – Я имею в виду, что за выбор меня ждет по окончании трапезы?

– Тогда этот выбор потеряет свой смысл, – возразил Мастер. – Любый выбор особенно ценен лишь тогда, когда он быстр. Если человеку разрешить думать долго, он чаще всего выбирает неправильно. Уж поверьте, в своей долгой жизни я видел тому массу примеров. Самый примитивный: вы ведете шайбу, у вас есть выбор – отдать пас товарищу по команде или ударить по воротам. На решение – мгновения, иначе у вас попросту отберет шайбу защита противника. Верно? Садитесь, мистер Шибанов, вот ваше кресло.

– Верно, – согласился Шибанов, садясь.

Роулинсон не появлялся, видимо, обидевшись, что не приглашен к трапезе. Оно и к лучшему, потому что Шибанову не хотелось ужинать в присутствии этого ужасного типа, похожего на живой труп. Автоматчики так и стояли у стены, а на столе быстро появлялись блюда, приносимые двумя пожилыми негритянками в таких же белоснежных чепчиках и передничках, как и скатерть. Прямо постановка «Хижины дяди Тома», которую Ростислав как-то видел в Кировском ТЮЗе.

Он надеялся, что с Атикой и Мидори все хорошо. Нужно отвлечься от дурных мыслей и поесть. Это было еще одним правилом деда: «Солдат никогда не отказывается, если можно пожать, поспать и помыться в бане». Шибанов подозревал, что в списке деда имеется еще один пункт, который он попросту не стал озвучивать малолетнему внуку. В любом случае жареные цыплята на блюде пахли просто восхитительно.

– Берите, берите цыпленка, – одобрительно закивал Мастер. – Я люблю, когда они зажарены вот так, с корочкой. Недавно вычитал где-то, что на Юге их называли «рваные парнишки». Правда, учитывая, что вы только что потеряли зуб, есть их будет несколько... э-э... неудобно...

– Я справлюсь, – успокоил хозяина Шибанов, отламывая ножку. Он положил себе печеного картофеля, салата из шинкованной капусты, маринованную свиную ножку и вареный початок кукурузы. Ужин был тяжеловат для непривычного человека, но

притом прост и вкусен. Да что там, Ростислав так не ел с незапамятных времен.

– Раньше в России был любопытный способ определить, хорош ли работник, которого нанимают работать в поле и по хозяйству, – неожиданно начал рассказывать Шибанов, хрустя салатом. – Его сажали за стол и смотрели, сколько съест. Много съел – хороший работник, надо брать.

– Занятно, – вежливо посмеялся Мастер, наливая белое вино в бокалы. – Вероятно, для России это применимо, но только не у нас. Черные привыкли трескать за обе щеки, а потом заваливаться кверху пузом на солнце и ничего не делать. Беда в том, что у нас теплая страна.

Шибанов не стал возражать. Вино оказалось ледяным, слегка ударило в голову. Ныла воронка от выбитого зуба, и в самом деле немного мешавшая есть, но в сравнении с наслаждением от ужина это была сущая ерунда.

– Вашим дамам подали примерно то же, – сообщил Мастер с заботой. – Еще у них будет сладкое. Я его не ем, но могу распорядиться, чтобы вам принесли.

– Нет, спасибо, – помотал головой Ростислав. – Того, что на столе, вполне достаточно.

Далее они ужинали молча. Тишина стояла и в зале, лишь иногда поскрипывали или позвякивали амуницией торчавшие у стены автоматчики. Вначале Шибанов ощущал спиной их взгляды, как любопытные так и неприязненные, но быстро привык и перестал обращать внимание.

– Долтри доложил, что вы прибыли из очередного поселения, разгромленного армией Макриди, – сказал Мастер, когда ужин подошел к концу, и давешние негритянки принялись сновисто убирать со стола посуду. Интересно, когда капитан успел это сделать? Он вроде бы не разговаривал с Мастером...

– Да, маленький городок. Даже не городок, а лагерь на водяной скважине.

– Я пытался связываться с ним, с этим Макриди. Очень любопытный человек. Но слишком самостоятельный. Понял, что я готов сотрудничать с ним только как с подчиненным, и прекратил переговоры. Его можно понять: Закрытая Территория велика. Прежде чем мы неизбежно пересечемся, пройдет много времени...

– А кто он, этот Макриди? Я слышал всякое: генерал, глава мафиозной группировки, начальник полиции Юмы...

– Макриди-то? По моим данным, источнику которых я не склонен не доверять, Макриди владел несколькими гаражами. Покупал и продавал подержанные автомобили.

– Вот как, – Шибанов покачал головой. – Что ж, это многое объясняет.

– Что именно? – заинтересовался Мастер.

– Долго рассказывать.

Мастер явно остался недоволен ответом, но настаивать не стал. Стол унесли, оставив кресла, хотя Мастер вернулся на свой трон.

Появился и Роулинсон, демонстративно проигнорировав свободное кресло рядом с Шибановым, за что Ростислав ему был благодарен. С собой Роулинсон принес плоскую бутылку с чем-то темным. Мастер покосился на него, но не возразил. Видимо, выпивать «на рабочем месте» полковнику позволялось из медицинских соображений.

– Сержант, приведите леди! – крикнул Мастер. – Надеюсь, они уже поужинали.

– Есть, сэр! – отозвался сержант из Джорджии.

Ростислав терялся в догадках, что же случится дальше. Мирная беседа расхолодила его, съеденный ужин мягкой тяжестью лежал в желудке. А если еще одна драка или что-нибудь страшнее? Шибанов машинально погладил футлярчик на ремне, и это движение не утаилось от Мастера.

– Что там у вас? – спросил он быстро. – Оружие?

– Нет, – сказал Шибанов и достал скорпиона. Наверное, не время и не место, но он хотел именно сейчас прикоснуться к

прохладному металлу. Да и фигурка была всего лишь талисманом, безобидной штучкой...

– Семейная ценность? – уточнил Мастер, даже не попросив поддержать скорпиона.

– Вроде того.

– Я что-то подобное видел в Мексике, – проскрипел Роулинсон со своего стульчика. Впрочем, он тоже не особенно заинтересовался талисманом русского.

Привели Атику и Мидори. Девушки выглядели немного спокойнее, чем прежде. Ростислав издали показал жене скорпиона – мол, не бойся, он со мной.

– Итак, все снова в сборе. Дайте мне ваш пистолет, полковник, – сказал Мастер.

Роулинсон всем телом повернулся к нему.

– Что?

– Дайте мне ваш пистолет, полковник, – не меняя интонации, сказал Мастер.

Роулинсон вытащил из кобуры тяжелый «дезерт игл» и подал Мастеру рукоятью вперед.

Шибанов сидел, не понимая, что эти двое перед ним разыгрывают.

– Держите, мистер Шибанофф.

Мастер протягивал Ростиславу пистолет. Ростислав отрицательно покачал головой.

– Ваши люди начнут стрелять, как только я его возьму.

– Нет, мистер Шибанофф. Мои люди начнут стрелять, если вы вздумаете убить меня. Но я хочу предложить вам совершенно иной вариант. Вот стоят две человеческих самки. Выберите одну из них.

– То есть?!

– Одна останется жить. Ей будет предоставлено все, что только может предоставить Солт-Лейк-Сити. Другую вы должны убить. Сделайте свой выбор. Считайте это входной платой. Вы сильный человек, я вижу. Вопрос теперь в том, насколько вы сильны.

Шибанов оглянулся. Атика заплакала. Мидори держалась, она даже нашла в себе силы подмигнуть Ростиславу, бедная девочка...

– Вы чудовище, Мастер, – сказал Ростислав. – Вы знаете об этом?

– Знаю ли я?! – горько рассмеявшись, спросил седой человек в кресле и положил пистолет на столик. – Знаю ли я?! Я каждое утро вижу себя в зеркале, когда бреюсь. Мне этого достаточно, русский. Итак, вы готовы сделать выбор?

– А если я откажусь?

– Если вы откажетесь, мы убьем обоих, – просто сказал Мастер. – Это нам ничего не будет стоить, кроме пары истраченных патронов. Конечно, я буду сожалеть, но вина-то в первую очередь будет лежать на вас.

Полковник Роулинсон сделал большой глоток из бутылки и хрипло засмеялся. Наверное, так смеялась бы ожившая мумия: плоско, картонно, выталкивая из горла давно забытые звуки.

– Если вы собираетесь выстрелить в меня или в Роулинсона, или в любого из охранников, вас убьют до того, как успеете это сделать. Если же вы окажетесь слишком шустрым, то кого-то застрелите, но после этого в любом случае убьют ваших женщин. Обратите внимание, русский: я гуманен. Я мог бы отдать их своим солдатам или рабам, которые нашли бы им применение на пару часов. Но итог один – смерть. А я считаю, что она должна наступать благородно и быстро.

Ростислав молчал.

– Ну?

Мастер снова протянул «дезерт игл», вопросительно глядя на своего гостя.

– Хорошо, – сказал Ростислав Шибанов и взял пистолет. – Я сделал свой выбор.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ЮРИЙ БУРНОСОВ

Юрий Бурносов родился в 1970 году в маленьком древнем городке Севске, что в Брянской области. Закончил Брянский государственный университет: по диплому — преподаватель русского языка и литературы, но ни дня в этом качестве не работал. Зато был санитаром (в том числе в морге), журналистом, редактором, пиарщиком, кинокритиком, чиновником и даже банкиром.

Автор сценариев нескольких популярных телесериалов и пятнадцати книг, в том числе написанных под псевдонимом Виктор Бурцев. Лауреат целого ряда литературных премий — от экзотических типа Почетной грамоты университета МВД Украины до номинации на «Национальный бестселлер». Роман «Чудовищ нет» был признан Книгой года-2007 по версии журнала «Мир фантастики» и сейчас перерабатывается в киносценарий.

Живет и работает в Москве, куда перебрался из Брянска пару лет назад. Хобби — военная история (особенно бронетехника и авиация), огнестрельное оружие, кино, музыка. В написании «Армагеддона» автору помогли его любимые коты Сеня и Вася.

II ВОПРОСОВ АВТОРУ «АРМАГЕДДОНА»

Юрий, что натолкнуло вас на такую, с одной стороны, неожиданную, а с другой — популярную тему, как «проблема 2012»?

Здесь много разных причин, но одна из главных — я очень люблю компьютерную игру Fallout 3. Это мир, в который буквально вживаешься. А когда вокруг постоянно напоминают про конец света, начинаешь поневоле думать: «Что бы я сделал, если в самом деле случится катастрофа»? К тому же сюжет отлично ложился в общую канву проекта «Этногенез». Мы посоветовались с коллегами, выработали некие идеи, которые необходимо было воплотить, отсюда и начался «Армагеддон».

В книге множество американских реалий. Вы были в Америке?

Нет, ни разу не был и вряд ли побываю, потому что страдаю аэрофобией и не летаю на самолетах. Впрочем, если вдруг по «Армагеддону» в Голливуде соберутся снять фильм, придется как-то справляться с собой. Хотя, если что, туда можно и поплыть на корабле. Но, опять же, что я там не видел? Вокруг полно прекрасных мест, куда можно добраться пешком, на автобусе или на поезде. На мой век явно хватит.

Не боитесь, что знающий читатель может найти в книге какие-то ляпы, связанные с жизнью в Штатах?

Совершенно не боюсь. Посмотрите — уже двадцать лет, как нет пресловутого Железного занавеса, а в той же Америке продолжают писать книги и снимать фильмы, в которых русские с фамилиями Пушкин или Лермонтов сплошь и рядом играют на балалайках, одетые в ушанки и тулупы, а медведи пляшут. В самом деле, я уверен, что «Армагеддон» куда более правдивая и точная в деталях книга об Америке, чем девяносто пять процентов зарубежных книг о России или СССР. Так что бояться нечего.

Роман начинается с мастерски написанного пролога о далеком прошлом. Вы специально занимались изучением истории майя?

Нет, я изучил историю майя исключительно в тех пределах, которые требовались для написания двух первых глав, в которых археологи находят подземный склеп. Что касается пролога, то его написал по моей просьбе мой хороший и старый друг Кирилл Бенедиктов, по совместительству — один из авторов «Этногенеза» и главный редактор проекта. Вот он в самом деле очень сильный специалист по индейским цивилизациям. Я даже знаю, что Кирилл вынашивает планы съездить в Центральную Америку на поиски заброшенных городов. Уверен, что с его настойчивостью и целеустремленностью он этого рано или поздно добьется. Кстати, к тексту приложил руку не только Кирилл, но и моя жена Таня. Это вторая книга, над которой мы работали вместе. Думаю, третья (пока не знаю, какая именно) уже официально появится за авторством Юрия и Татьяны Бурносовых.

Закрытая Территория в книге превращается из современного общества в черт знает что буквально за год-полтора. Неужели такое может в самом деле случиться?

А вы посмотрите, что происходит вокруг. Представьте, что завтра, не дай бог, случится подобная эпидемия. Вспомните тот же ураган «Катрина», накрывший Новый Орлеан в 2005 году, когда якобы цивилизованные люди, расталкивая плавающие в воде трупы, грабили магазины... Так что «Армагеддон», не побоюсь этих громких слов, в своем роде роман-предупреждение.

Какова должность Владимира Путина в романе? Он звонит Гумилеву, но непонятно, кем при этом является.

Путин является Путиным. По-моему, этого вполне достаточно.

Тяжело было работать над книгой на таком «далеком» материале?

Нет, очень легко. Я вообще люблю хоррор, постапокалиптику и прочие вещи подобного рода. Книжки в жанре «хоррор» даже коллекционирую, равно как и фильмы. А в романе просто пришлось многое менять. Например, изначально он начинался с того, как бывший президент

Обама сидит на обочине дороги в перевернутом автобусе и жарит на костре человеческую ногу. Потом мы решили эту сцену убрать — Обама все же далеко не самый плохой президент США, очень адекватный человек. А дальше все изменилось кардинально.

В чем связь «Армагеддона» с другими книгами проекта «Этногенез»?

Я думаю, читатель и сам заметил, что Ростислав Шибанов — внук капитана Александра Шибанова из «Блокады», а красавица Атика — внучка или правнучка девушки, с которой Николай Гумилев встречался во время своего путешествия в Абиссинию в «Революции». А вот как попал к Шибанову-старшему Скорпион, принадлежавший Николаю Гумилеву — будет подробнее рассказано в одной из книг серии «Блокада». Что же касается миллиардера Андрея Гумилева, думаю, все ясно. Будут и другие пересечения, весьма интересные, но их я раскрывать здесь не стану, потому что впереди еще как минимум две книги.

А куда делся Нефедов?

Про Нефедова я вообще ничего сейчас не буду рассказывать кроме того, что он почувствовал и нашел Линзу. Это понятно и из истории с хихикающим демоном, который победно шествует по страницам «Этногенеза» с моей легкой руки. Про Нефедова ждите много интересного.

Кто такой Роулинсон? Почему он неожиданно ожил, хотя вроде бы исчез навсегда со страниц романа уже во второй главе?

Роулинсон — беспредметник. На самом деле не спешите прощаться с некоторыми героями первой книги — дальше вас ждет масса сюрпризов.

И последний вопрос: вы-то сами верите в то, что в 2012 году произойдет конец света?

У меня слишком много далеко идущих планов, взять хотя бы продолжения «Революции» и «Армагеддона», не говоря о семейно-бытовых. Поэтому конца света я попросту не допущу, уж будьте в этом уверены 😊

Сергей Волков

Чингисхан²

Книга вторая
ЧУЖИЕ ЗЕМЛИ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2010

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2010

*«Не оставляй в живых того,
кто сделал тебе добро,
чтобы никогда не быть в долгу»*
Чингисхан

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Погоня

Я хочу тишины. В горах ее нет. Пространство вокруг нас наполнено звуками. Ветер тихонько скулит в острых гранях утесов. Шуршат осыпи. Гулко бьют в барабаны камнепады. Ущелья отзываются эхом. Ревут срывающиеся с круч водопады. Хрустит снег под ногами. Вечерами нагретые за день солнцем камни потрескивают, отдавая полученное тепло. Тревожно кричат птицы, кружащиеся над неприступными вершинами. Мы с Нефедовым говорим редко и очень тихо, но наши голоса далеко разносятся окрест и слова, отражаясь от мертвых скал, начинают жить своей самостоятельной жизнью.

Даже ночью, когда все успокаивается, я слышу еле заметный гул. Он идет со всех сторон, тихий, но мощный. Так гудят провода высоковольтных линий, так гудят рельсы. Поначалу я никак не мог понять, откуда берется этот звук, а потом догадался. Это разговаривают между собой сами горы. Увенчанные снежными шапками пики ведут бесконечные беседы. Им нет никакого дела до двух уставших, измученных людей, ползущих неведомо куда в этом царстве камня, снега и облаков.

Я хочу тишины и покоя. Но, как это обычно и бывает в жизни, получаю обратное.

Пятый день люди Надир-шаха преследуют нас. Пятый день мы пытаемся оторваться, уйти, спрятаться. Гиндукуш при желании может сокрыть в себе целую армию. Но среди его вершин нет места двум беглецам. Наверное, все дело в том, что мы плохо знаем

эти места, а те, кто идет по нашему следу, наоборот, слишком хорошо. Это их дом, их земля.

Долго так продолжаться не может. Нас убьют, рано или поздно. За нами идет по меньшей мере три десятка человек. Все вооружены, все прекрасно ориентируются в хаосе гор. Нас может спасти только чудо. Чудо – и английская винтовка «Ли-Энфильд» образца 1895 года, модификация «Бур». Наш козырь, джокер и прикуп одновременно. Правда, патронов осталось всего семнадцать штук. Но это лучше, чем ничего...

Все началось пять дней назад у развалин той самой крепости, где в незапамятные времена погиб внук Чингисхана Мутуген и где серебряный конь открыл мне великую тайну Потрясателя Вселенной.

Мы едва успели закончить скудный походный ужин, как на равнине внизу появились люди. Они приехали на нескольких машинах и рассыпались полукольцом, окружая нас. Нефедов сразу побежал вверх по склону, я же попытался остановить профессора. Мне казалось, что можно договориться с этими людьми, узнать, что им нужно. Выстрелы и цокающие по камням пули очень быстро убедили меня, что никаких переговоров не будет.

Потеряв драгоценные минуты, мы уходим. Наш осел сбежал, и поклажу приходится тащить самим. Нас спасают ночь и ущелье, узкий проход между двух горных вершин, ведущий вглубь горной страны Гиндукуш.

...На рассвете, добравшись до выхода из ущелья, устраиваем привал у нависшей над ручейком скалы. В небе разгорается заря нового дня, снега на дальних вершинах озаряются светом восходящего солнца.

Привалившись спиной к холодному камню, я смотрю, как Нефедов скидывает со спины тяжелый мешок, и тихо спрашиваю:

– Почему они стреляют в нас?

– Мстят за Надир-шаха, – раздраженно отвечает профессор.

– То есть им нужен ты?
– Мы оба. Они же не знают, что я был один.
– Кто такой этот Надир-шах?
– Местный правитель. Феодал, если говорить по-научному. Это его земли.

Сплеываю вязкую слюну и продолжаю допрос:

– Зачем ты его убил?
Профессор исподлобья смотрит на меня, жестко усмехается.
– С чего ты взял, что это сделал я?
– Не убивал?
– Нет.
– Тогда откуда у тебя еда и оружие?
– Оказался в нужном месте в нужное время.
– Ты можешь нормально рассказать, что произошло?! – взрываюсь я. Эхо прыгает по ущелью.

– Т-ш-ш! – Нефедов прикладывает палец к губам. – Никогда не кричи в горах. Жрать будешь?

– Потом. Так что же...

– У нас может и не быть «потом», – с угрозой в голосе произносит он, доставая сверток с едой.

– Я не отстану.

– Вот ты упертый! – в голосе профессора сквозит раздражение.
– В общем, так: когда я ушел из военного городка, у меня при себе был только табельный «Макаров» и фляжка с самогоном. Повар у нас гнал, большой специалист по этому делу. Ну, ты в курсе, пробовал. Я готовился уйти, собрал снарягу, продукты, но взять не сумел – обстоятельства так сложились...

– Погоди-погоди, а зачем ты вообще ушел? Ты что, знал...

– Тормози на повороте! – Нефедов отрывает кусок от лепешки, передает мне. – На вопросы отвечать не стану. Хочешь – слушай, нет – я вообще ничего не буду говорить.

«Вот же козел, – думаю я, разглядывая своего спутника. – И ведь не заставишь...»

– В районе Баклина я наткнулся на расстрелянный джип. Подошел, постучал, залез внутрь. Живых, как мне тогда показалось, не было никого...

– Что значит, показалось?

– Потому что там были неподвижные люди, изрешеченные пулями, залитые кровью, со стеклянными глазами...

– И там был этот Надир-шах?

– Там и был... Я забрал все, что нашел и что мог унести с собой... в этот момент один из душманов очнулся, стал скулить... Видимо, запомнил меня, решил, что я и есть убийца. Потом описал меня этим... – Нефедов кивает куда-то в сторону преследователей.

– И что? Ты не помог раненому?

– Я что, скорая помощь? Что я, по-твоему, должен был сделать? Взвалить на себя и тащить до ближайшего населенного пункта?

– Ты оставил его умирать!

– Как видишь, он не умер... если успел показать на меня.

Я пожимаю плечами. Неизвестно, как бы я поступил в такой ситуации.

– Мне нужны были припасы. И оружие, – запальчиво говорит профессор. Он словно бы оправдывается. – Дайте человеку цель, ради которой стоит жить, и он сможет выжить в любой ситуации. Я обязан был выжить, потому что у меня есть...

– Цель? – заканчиваю я за него. – Какая?

– Да пошел ты! – профессор уже открыто прикладывается к фляжке. – Но ты не сомневайся, Артем, мы уйдем от них, оторвемся, вот увидишь. Главное – что я нашел тебя! Вот это главное! Вот это...

«Он что, уже успел хлебнуть до этого? – прислушиваясь к словам профессора, думаю я. – Если так, то дело плохо. Пьяный на войне – труп. И меня за собой утянет».

– Цель? – вновь заканчиваю я за него и, предупреждая очередной всплеск эмоций, протягиваю руку. – Дай глотнуть.

Теплая фляжка заполнена больше чем наполовину. Глядя прямо в глаза Нефедову, переворачиваю ее и выливаю самогон на камни.

– Ты что?! – он бросается на меня, растопырив руки.

Я предвидел такую реакцию. Сил у меня немного, поэтому я даже не пытаюсь встать, увернуться – просто выставляю ногу. Это не удар, он сам натывается животом на мою ступню и сгибается пополам, хрипя ругательства.

– Дурак ты, Игнат, – я бросаю опустошенную фляжку на сверток с едой.

– Гнида!

Он садится, опустив голову. Здоровый, крепкий мужик, то ли потерявший в жизни все ориентиры, то ли, наоборот, слишком хорошо знающий, что ему нужно.

Спрашиваю безо всякой надежды на ответ:

– Кто убил Генку Ямина?

– А? Что?! Какого еще Ямина?

– Пацана, который лежал со мной в полевом медпункте. Он выпил отравленной глюкозы. Ее должны были закачать в меня.

Нефедов поднимает на меня мутные глаза.

– Погоди-погоди... Ты уверен?

– Я видел все своими глазами.

– Выходит, они знают... – бормочет он.

– Кто – они? Что – знают?

– Про предмет. Ох, черт! Тебя выследили. Понимаешь?

– Кто выследил? Кто?!

Он открывает рот, чтобы ответить, и тут из ущелья оглушающе бьет выстрел. За ним второй, третий. Одна из пуль попадает в камень рядом со мной и с визгом рикошетит в небо.

Мы прячемся за скалой.

– Уходим! – рявкает Нефедов. Он подхватывает мешки, я – винтовку и сверток с едой. В тучах пыли, обдирая локти и колени, мы съезжаем по склону к подножью скалы и бежим, спотыкаясь, вдоль ручья.

Я оборачиваюсь и вижу наверху несколько человеческих фигур. Руки сами делают то, что должно – передергивают затвор, вскидывают винтовку. Глаз привычно ловит цель.

Выстрел!

Отдача у «Бура» чудовищная. Меня едва не разворачивает на месте. Но это неважно. Я попал. Один из людей падает. Остальные прячутся и начинают стрелять.

Поздно, ребята, поздно. Мы уже под защитой уступов очередной скалы. Впереди – проход между двумя горами, заваленный гигантскими глыбами. Там вы нас не возьмете.

Следующий привал делаем далеко за полдень. Неприметная ложбинка, белый корявый ствол давно высохшего дерева. Нефедов, тащивший тяжелые мешки, опускается на землю, пьет воду и засыпает. Я закидываю в рот горсть урюка из запасов Надир-шаха и забираюсь повыше – нести караульную службу. Мне очень хочется верить, что душманы отстали, потеряв нас в этом лабиринте.

Попутно осматриваю винтовку. Это явно заслуженное, боевое оружие. «Бур» хорошо смазан, ложе заботливо отлакировано, приклад покрывают насечки и прихотливый узор из множества крохотных золотых гвоздиков. Узор – круги, спирали, треугольники – не закончен. То ли у мастера не хватило золота, то ли...

И тут я вдруг понимаю, в чем дело. Это не просто орнамент, не просто гвоздики. Это своеобразный победный отчет, список трофеев. Во время войны наши летчики рисовали на фюзеляжах своих истребителей звездочки за каждый сбитый немецкий самолет. Хозяева «Бура» вбивали золотые гвозди после каждого удачного выстрела. На прикладе винтовки – целое кладбище, жертвоприношения этому стальному монстру, сконструированному сто лет назад инженером Ли и увидевшему свет на оружейных фабриках Энфильда.

Начинаю считать гвоздики – и на второй сотне сбиваюсь. Черт возьми, а ведь я сегодня утром тоже внес свой посильный вклад в узор на прикладе! Жаль, у меня нет ничего, чем можно было бы за-

фиксировать свое достижение. Хотя – почему нет? Где-то в кармане старой хэбэшки, надетой на мне, лежит половинка бритвенного лезвия «Спутник», обнаруженного в тумбочке Генки Ямина. Им я разрезал полотнище палатки, когда выбирался из медпункта.

На поиски уходит несколько секунд. Примостив винтовку на коленях, я осторожно, двумя пальцами беру лезвие и вырезаю на прикладе, ближе к цевью, крестик.

Да, я тоже варвар. Я тоже горжусь своими победами над врагом. И пусть меня осудят, но чтобы победить врага, я должен стать таким, как он, только еще коварнее, еще хитрее, безжалостнее и кровожаднее. Таковы законы войны. Так воевал Чингисхан...

Пятый день погони катится к своему закату. Надир-шах может быть спокоен в своем мусульманском раю – у него верные подданные. Они висят на нашем хвосте, как хорошие гончие псы. Девятерых я отправил к сюзерену. Оставшихся это, похоже, только раззадорило и обозлило донельзя.

Мы почти не разговариваем – нет сил. Только «да», «нет» и матерная ругань. Материмся от усталости.

У нас разделение труда. Я несу «Бур» и бутыл с водой, Нефедов – мешки с припасами и одеждой. Без стеганых халатов и шерстяных покрывал мы бы уже давно замерзли – по ночам тут очень холодно, камни покрываются инеем. Плохо, что осталось мало еды. И еще меньше надежды, что мы выберемся из этой передраги живыми.

Сегодня утром я дал Нефедову по морде. Он потратил впустую три драгоценных патрона. Было это так: я спал, а профессор сторожил, забравшись на скалу, чтобы заметить преследователей как можно раньше. Дозоры мы несем по очереди – один спит, другой караулит.

Разбудили меня звуки выстрелов. Нефедов, поднявшись во весь рост, палил из «Бура», азартно дергая затвор. Стреляные гильзы звенели по камням.

Взобравшись к нему, я отобрал винтовку и от души врезал профессору по бородатой физиономии. Удар, правда, вышел слабым – я все еще не оклемался после тех блужданий по безводным пустошам, что привели меня в полевой медпункт.

– Ты что?! – оскалился он.

– Не умеешь – не берись, – пробурчал я.

Это был самый длинный наш диалог за последние дни.

Впрочем, вру – накануне вечером у нас состоялся разговор, в котором я решил расставить все точки над *i*. Я спросил у Нефедова о предметах – что это такое, откуда взялись, для чего нужны?

Он не стал юлить и изворачиваться. Отвечал четко и ясно: эти серебряные фигурки известны с незапамятных времен. Все они зооморфны, то есть изображают различных животных. У каждого предмета – свои свойства, которые они даруют владельцам.

– Практически за каждой выдающейся исторической личностью стоит такой предмет, – объяснял мне Нефедов. – Почти все великие завоеватели древности носили на себе фигурки.

– А куда девается предмет после смерти хозяина?

– По-разному. Многие теряются, что-то передается по наследству или доверенным людям. Но, согласись, пойти на такое может далеко не каждый. Своими руками отдать символ могущества – зачем?

Я киваю. Теперь ясно, почему Чингисхан не расстался с волком. Он надеется возродиться, а раз так, то этому монголу из рода Борджигинов в новой жизни обязательно понадобится предмет.

Потом Нефедов рассказывал про тайные организации, могущественные ордена и ложи, ставившие своей целью охоту за предметами. Скрытая от глаз обычных людей война велась и ведется много сотен лет. В двадцатом веке в нее включились спецслужбы.

– И англичане, и французы, и немцы, и мы отряжали целые экспедиции для поиска предметов. Кому-то везло, кто-то оказывался на бобах. Ход и итог Второй мировой войны во многом есть отражение этих поисков.

– Ясно, – я снова кивнул и спросил напрямик: – Ты тоже охотишься за фигурками?

Он некоторое время медлил, потом усмехнулся, пряча за усмешкой нежелание давать прямой ответ:

– Охотишься – не совсем правильное слово. Скажем так – я изучаю их и то воздействие, которое они оказывают на историю человечества. Именно поэтому КГБ следил за мной. Но я не свернул с выбранного пути. Не забывай, я все-таки историк.

«Историк-мародер», – едва не сорвалось у меня с языка. Нефедов понял, почему я молчу, поднялся с камня, на котором сидел, и как бы через силу сказал:

– Артем, покажи мне свой предмет. Пожалуйста.

Ответ у меня был готов давно. Наверное, он появился даже раньше просьбы профессора:

– Нет.

– Почему? Я же не отниму его.

– Нет.

– Тогда хотя бы расскажи, как он действует.

«Рассказать? – я подбросил на ладони горсть мелких камешков. – Почему бы и нет».

– Это как в кино. Я вижу то, что хотел мне показать человек, живший много-много лет назад. Его жизнь.

– Этот человек... – Нефедов впился в меня взглядом. – Этот человек... Чингисхан... У него ведь был предмет? Так? И ты знаешь, какой?

Я промолчал. Это уже перебор. В конце концов, перед началом разговора мы не давали друг другу клятвы говорить правду, только правду и ничего, кроме правды.

Поэтому с чистой совестью я ответил:

– Понятия не имею.

Профессор кинул на меня полный злобы взгляд и замолк. С этого момента между нами возникло откровенное недоверие. Я не верю Нефедову. Множество предметов, сверхспособности, спец-

службы... Не верю. В сухом остатке – мой конь и большой интерес профессора к предметам. Это объективная реальность, и мне придется с нею считаться.

Перед сном меня неожиданно – давно уже такого не было! – уносит в прошлое. Серебряный конь бьет копытом, и я вижу горы Богдо-ула, почитавшиеся монголами как обитель недобрых духов.

Заросшие густым лесом, где сосны и кедровые деревья перемежались осинниками и березняками, горы разделяли поречья Керулена и Туулы. Не всякий кочевник решится проложить путь своего коня через мрачные чащобы. Злые духи не любят людей. Заморочат, закружат путника, положат под ноги коню вместо ровной тропы острые камни, навалят буреломов, ночной порой заведут к обрыву и погубят человека. Мертвое тело пожрут дикие звери и не останется на свете и следа от дерзнувшего ступить в земли духов.

Об этом Темуджину говорил брат Бельгутей, когда крохотный отряд из трех человек пробирался краем степи к берегам Туулы. Третьим на черном мерине ехал младший брат Темуджина Хасар. Он не участвовал в разговоре, задремав в седле.

– Мы – дети Есугея-багатура, – ответил Темуджин Бельгутею. – Нам ли бояться духов? Я должен повидаться с побратимом нашего отца Тоорилом Керайтским. Духи, демоны, враги – никто не остановит меня. Вечное Синее небо поможет. Эй, Хасар, хватит целовать лошадиную гриву! Вперед, братья!

И вытянув коня плетью, Темуджин помчался вперед, к темнеющим впереди горным склонам. К седлу старшего сына Есугея был приторочен перевязанный ремнями тюк с соболей шубой. Свадебный подарок от отца Борте Дэй-сечена. И самая большая ценность, сокровище, с которым Темуджин собирался расстаться. Бельгутей вздохнул, переглянулся с проснувшимся Хасаром и пустил своего скакуна вскачь, следом за братом.

Уже неделю были братья в дороге. Сразу после свадьбы, оставив красавицу Борте в своей юрте, Темуджин объявил, что собирается к кераитам.

– Мне не у кого больше искать помощи. Если хан Тоорил откажет – горька будет наша участь. Станем мы прахом костра, пылью под конскими копытами, опавшими листьями на осеннем ветру. Испытаем же судьбу, братья!

Оэлун как старшая в роду, как мать отговаривала Темуджина от этой поездки. Путь не близок, в степи беспокойно. А в укромном урочище Гурельгу тихо. Лихие люди сюда не заходят.

– Какой же я сын Есугея, если, как суслик, буду отсиживаться в безопасной норе? – спросил ее сын. – Врага не убить, держа меч в ножнах. Из лука не выстрелить, не достав стрелы. Пора спросить с каждого, кто разорил улус отца. Пора вернуть свое и взять плату за все обиды. Так будет справедливо. Так хочет Вечное Синее небо.

Ночная мгла застала братьев в пути. Лесная тропа, ведущая в самое сердце Богдо-ула, исчезла во мраке. Тревожно шумели исполинские кедры над головами, в подлеске трещали ветвями то ли звери, то ли принявшие их обличие хозяева гор – духи. Темуджин объявил ночевку.

Костер, разведенный на гранитном камне, разогнал тьму. Стреноженные кони щипали траву на склоне. Бельгутей жарил на углях вяленое мясо, Хасар нес дозор, забравшись на изогнутую, раскоряченную сосну. Сквозь древесные кроны проглядывал месяц. Где-то вдали перекликались ночные птицы. Время шло к полуночи.

Темуджин, привалившись к тюку с собольей шубой, смотрел на огонь и мысли его текли легко и ровно, как воды родного Керулена. Голоса он услышал не сразу. Сначала в шум кедровых веток вплелись отдельные слова. Тихий шепот, похожий на бормотание дряхлого старика, перепившего архи на празднике.

– Темуджин-н-н... Ночь темна... Путь опасен... Остановись... Не ходи к кераитам... Вернись домой... Ночь темна...

Вскинув голову, юноша посмотрел на Бельгутея. Быть может, это хитрый брат вышептывает исподволь, думая, что может напугать Темуджина? От Бельгутея можно ждать всякого. Второй сын второй жены Есугея, волоокой Сочихэл, он делил с сыновьями Оэлун все тяготы многолетних скитаний. Когда его старший брат Бектер решил предать Темуджина и выдать его таджигутам Таргитай-Кирилтуха, Бельгутей не поддержал брата. Темуджин вдвоем с Хасаром, которому тогда едва исполнилось семь лет, убил Бектера. Убил, чтобы спасти остальных, потому что Таргитай-Кирилтух, вознамерившийся стать ханом, не пощадил бы никого из детей своего двоюродного брата Есугея.

Перед смертью Бектер просил не трогать Бельгутея. Воля умирающего священна. Темуджин взял с мальчика клятву верности и с тех пор старался, чтобы Бельгутей всегда был рядом. Мог сын Сочихэл затаить злобу и готовить месть за брата? Много раз размышлял над этим Темуджин и всякий раз склонялся к тому, что да, мог. Но шли годы, а Бельгутей оставался верным товарищем своему старшему брату. Наверное, живи братья вдали друг от друга, все сложилось бы иначе, но Темуджин никогда не отпускал от себя Бельгутея. Он знал – что надето ближе к телу, то сильнее греет.

– Эй, – тихонько позвал брата Темуджин. – Бельгутей! Что ты сказал?

Но тот даже не пошевелился, уткнувшись подбородком в грудь. Палка, которой он помешивал угли, выпала из рук Бельгутея. Трещало в костре подгорающее мясо.

«Уснул», – понял Темуджин. И тут снова зашумела тайга. Голоса накатили с новой силой:

– Темуджин-н-н... Ночь темна... Не ходи к кераитам...

– Во имя Вечного Синего неба – изыди! – сказал Темуджин, глядя в глаза ночи.

Но священное прозвание Тенгри не испугало шептунов. Во тьме силы света бессильны. И Темуджин понял, что может надеяться

только на себя. Он выхватил из костра пылающую ветвь, поднялся на ноги. Голоса окрепли. Они уже не шептали – выли, взвизгивая, словно голодные псы:

– Не ходи к кераитам! Остановись! Это путь смерти!

– Хасар! – закричал Темуджин, размахивая своим факелом. – Ко мне, Хасар!

Брат не отозвался. Тогда Темуджин толкнул ногой спящего Бельгутея. Тот завалился на бок, сладко всхрапнул во сне. «Один, – понял старший сын Есугея-багатура. – Я остался один. Духи Богдо-ула перехитрили меня. Но я не сдамся! Я буду сражаться, как сражался отец!»

Выхватив меч, он двинулся навстречу голосам. Ветер усилился. В лицо Темуджину полетели сорванные с веток листья, кедровые иглы, чешуйки коры.

– Я не боюсь вас! – крикнул юноша, отчаянно размахивая горящей веткой. – Моя дорога – моя судьба!

– Твоя судьба – смерть! – захохотало из тьмы.

– Я не сдамся!

– Ты умрешь!

– Нет!

Темуджин рванулся в заросли, мечом прорубая себе дорогу.

– Где вы?! Покажитесь!

Он едва успел отскочить – огромный кедр со стоном рухнул на землю в двух шагах от Темуджина. Треск веток заглушил шум ветра и проклятые голоса. Тяжело дыша, юноша опустил факел. Два шага – и ствол дерева раздавил бы его голову, как кусок сыра, переломал кости, вдавил искалеченное тело во влажный мох.

– Труссы! – Темуджин едва не плакал от бессилия.

В ответ тьма расхохоталась сотней глумливых голосов. Они доносились теперь со всех сторон и даже сверху, с затянувшегося низкими тучами неба, хрипло каркало и ухало.

«Пропаду! – пронеслось в голове Темуджина. – Сейчас пропаду... Отец! Дай знак, что слышишь меня, подскажи, что делать!» И

едва только он воззвал к давно почившему Есугею, как холодный порыв ветра донес до слуха юноши далекий волчий вой.

«Волк! – обожгла Темуджина короткая мысль. – Как я мог забыть! Или... Или это духи Богдо-ула заморочили меня?» Сунув руку под стеганный кафтан, он сжал в кулаке ледяную фигурку – и небо над головой Темуджина расколола молния. Громовой грохот сотряс тайгу, горы и едва не сбил человека с ног. Но страх перед духами уже ушел, остались только ярость и ненависть.

– Моя судьба – свет! – выкрикнул Темуджин и сунул затухающий факел в густой кедровый лапник.

Пламя весело побежало по смолистым веткам. Затрещала сгорающая хвоя. Огонь, пожирая ее, вырос, разлился окрест, убивая темноту.

– Что ты делаешь?! – в смятении закричали голоса. – Нет! Нет!!

– Да! – теперь уже пришел черед Темуджина смеяться. – Убирайтесь с моей дороги! Я сожгу ваши леса, я сравняю с землей ваши горы – но не отступлю. Такова воля Вечного Синего неба – и моя!

Ответа он не получил. Гудело, набирая все большую силу, пламя. Грохотал над головой гром. Темуджина шатало, как пьяного. Впервые в жизни он сложил волю Тенгри со своей. Впервые поставил себя вровень с божеством. Шаман Мунлик всегда говорил, что человек – ничто в сравнении с Вечным Синим небом и если кто-то дерзнет покуситься на такой порядок вещей, кара не заставит себя ждать.

Темуджин дерзнул – и теперь ждал возмездия. Оно пришло быстро. Огонь, охватив кусты и деревья окрест, заключил юношу в кольцо. Темуджин уже чувствовал на лице обжигающее дыхание сотворенного им пожара. Трещали, курчавясь, волосы, затлела одежда. Духи оказались правы – он не сумел перехитрить судьбу. И подчинить ее себе он тоже не смог. Сгореть заживо – найдется ли смерть ужаснее этой? Надо молить Тенгри о милости, надо поклониться Вечному Синему небу и просить пощады...

– Никогда, – сказал огню Темуджин. – Мольба – удел слабых. Я – Темуджин Борджигин, сын Есугея-багатура! Я не отступлю!

Ливень хлынул с небес сплошной стеной. Огонь опал, зашипел, точно тысяча змей, все вокруг заволокло белесым дымом. Темуджин закашлялся, упал на одно колено, вонзив в землю меч.

– Брат! Ты где, брат?! – слышались позади взволнованные голоса Бельгутея и Хасара.

– Здесь... – отозвался Темуджин и без сил распростерся в мокрой золе.

...Ставка хана кераитов Тоорила раскинулась на высоком берегу реки Туулы. Маленький отряд сыновей Есугея здесь встретили радушно. Тоорил вместе со своими нойонами сотворил молитву распятому богу Есусу, которому поклонялись кераиты, затем повелел приготовить кушанья для дорогих гостей.

В ожидании пира, жмуря и без того узкие глаза, он угощал Темуджина и его братьев ароматным кумысом, вел степенные речи о здоровье родственников, об охоте, о том, как обстоят дела в дружественных племенах и родах.

– Есугей-багатур, да не знает его душа в райских кущах ни в чем отказа, был мне названным братом, андой. Вы, его дети, мне как родные сыновья, – говорил Тоорил. – Почему так долго не приезжали? Темные слухи доходили до ушей моих. Трижды тридцать раз оплакал я тебя, Темуджин.

– На все воля Вечного Синего неба, – отвечал юноша. – Я рад, что обрел отца. Как покорный и любящий сын, привез я тебе, о Тоорил Кераитский, подарок. Бельгутей!

Брат кинулся к выходу из ханской юрты, вернулся с тюком. Ножом взрезав стягивающие ремни, он развернул перед Тоорилом соболью шубу. В пламени факелов и масляных ламп мех заиграл, рассыпая тысячи искорок.

Хан кераитов от удивления положил палец в рот, глаза его округлились. Поднявшись с ханского ложа, Тоорил на кривых ногах заковылял к расстеленной на войлоке шубе, принялся, цокая язы-

ком, ощупывать подарок. Темуджин помог названному отцу облачиться, провел рукой по пушистому меху.

– Воистину, это дар от царя царю! – проговорил Тоорил, улыбаясь.

Он обнял Темуджина, потом Хасара и Бельгутея. В юрту заглянул нукер, сказал, что кушанья готовы. Вождь кераитов вышел из юрты, не снимая шубы. Нойоны и сыновья Тоорила начали громко хвалить удивительное одеяние, тревожно переглядываясь. Многие поняли – сыновья Есугея приехали не просто так. Но пока не было съедено все мясо и выпита вся арха, о делах речи не заводилось – таков степной обычай.

И лишь когда сам Тоорил перевернул свою золотую чашу кверху дном и вытер рукавом блестящий от бараньего жира рот, давая понять, что сыт и доволен, Темуджин подсел поближе к хану, чтобы поведать ему о своей нижайшей сыновней просьбе.

Он так и сказал, чем немало польстил сыто отдувающимся Тоорилу.

– Возлюбленный сын мой Темуджин, – напыщенно заговорил хан, – нет на этом свете ничего такого, в чем бы я тебе отказал.

– Кераитские воины славятся своей доблестью от одного края мира до другого, – осторожно начал Темуджин, поглядывая на братьев.

Здоровяк Хасар растянулся на узорчатых коврах у ног Тоорила, блаженно улыбаясь. Арха увела его на небесные луга, в страну грез. Худощавый Бельгутей, выпивший не меньше, напротив, был сосредоточен, сидел прямо и внимательно прислушивался к словам брата.

– Не раз бились багатуры-кераиты плечом к плечу с монголами против общих врагов, – продолжил Темуджин.

Тоорил прикрыл глаза и стал похож на спящего, но узловатые пальцы хана, быстро-быстро перебирающие жемчужные четки, свидетельствовали о том, что владыка кераитов внимательно слушает.

– Козни недругов и злые сердца ложных друзей привели ныне наш род к прозябанию. Отец мой, могущественный Тоорил! Дай мне воинов своих, чтобы восстановить улус отца! Я прошел через забвение, через голод и нищету, я носил кангу, но смерть отступилась от меня. Горные духи Богдо-ула не смогли одолеть меня. Вечное Синее небо позволило мне вознести волю мою вровень со своей. Я не опозорю памяти твоего анды Есугея-багатура. Дай мне воинов, отец!

Тоорил выпустил из пальцев четки, задумчиво пощипал рененькую бородку.

– Сын мой Темуджин. Речи твои удивительны, но правдивы. Ты храбр. Ты умен. Большое начинается с малого. Но...

– Половина всего имущества, захваченного в куренях таджиков – твоя, отец, – быстро сказал Темуджин.

Хан кераитов засмеялся – точно ворон закаркал.

– А ты не просто умен, ты мудр, Темуджин Борджигин, сын мой возлюбленный! Ха-ха, отныне твои враги в большой опасности. Хорошо!

И подняв грузное тело, Тоорил выпрямился и громогласно объявил, подняв руку с четками:

– Эй, слушайте все! В знак благодарности за сыновью любовь и почтение, в ответ на царский подарок – вот эту соболью шубу, я говорю Темуджину, сыну Есугея-багатура, брата моего: я соберу твой рассеянный улус, как собирает хозяин для гостя лучшие куски бараньей туши. Таково мое слово. Амен!

– Амен! Во славу Есуса! – закричали со всех сторон.

Темуджин бросил быстрый взгляд на Бельгутея. Сводный брат побледнел, смешался, но нашел в себе силы изобразить улыбку...

Содержание

ПРОЛОГ	3
Город Высоких Сейб	
<i>Юкатан, Мексика, 829 год н.э.</i>	
ГЛАВА ПЕРВАЯ	20
Склеп и кувшин	
<i>Юкатан, Мексика, декабрь 2012 года</i>	
ГЛАВА ВТОРАЯ	40
Через фронтир	
<i>Мексика, декабрь 2012 года</i>	
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	60
Заложники Неверлэнда	
<i>Калифорния, Соединенные Штаты, декабрь 2012 года</i>	
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	82
Катастрофа	
<i>Сколково, Россия, декабрь 2012 года</i>	
ГЛАВА ПЯТАЯ	87
Демон Невады	
<i>Невада, Соединенные Штаты, декабрь 2012 года</i>	
ГЛАВА ШЕСТАЯ	106
Рейдеры	
<i>Невада, Соединенные Штаты, декабрь 2012 года</i>	

ГЛАВА СЕДЬМАЯ	126
Шибанов	
<i>Невада, Соединенные Штаты, январь 2013 года</i>	
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	134
Уотерхоул	
<i>Невада, Соединенные Штаты, март 2014 года</i>	
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	159
В осаде	
<i>Невада, Соединенные Штаты, март 2014 года</i>	
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	183
Священный Город Святых	
<i>Юта, Соединенные Штаты, март 2014 года</i>	
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	206
Это не сказка...	
<i>Сколково, Россия, март 2014 года</i>	
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	217
Итог один – смерть	
<i>Юта, Соединенные Штаты, март 2014 года</i>	

СЕРИАЛ «ЭТНОГЕНЕЗ»

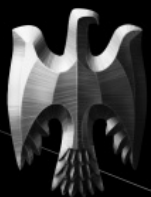
ПУТЕШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ

<http://vkontakte.ru/club9307841>

Э Т Н О Г Е Н Е З

Блокада²

Имя	Екатерина
Отчество	Владимировна
Фамилия	Серебрякова
Время действия	1942 год н.э.
Возраст	19 лет
Адрес	Военная база С-212 «Синица»
Локация	Подмосковье
Предмет	Отсутствует
Дар	Исцеление
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Миллиардер²

Имя	Андрей
Отчество	Львович
Фамилия	Гумилев
Время действия	2009 год н.э.
Возраст	36 лет
Адрес	Москва, Жуковка
Локация	Арктика, борт станции «Земля-2»
Предмет	Отсутствует
Дар	Разрушение
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Революция

Имя	Николай
Фамилия	Романов
Время действия	1891 год н.э.
Возраст	22 года
Адрес	Царское Село
Локация	Япония. Оцу. Фрегат «Память Азова»
Предмет	Кот
Дар	Образы будущего
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Чингисхан²

Титул	Чингисхан
Имя	Темуджин
Фамилия	Борджигин
Время действия	1184 год н.э.
Возраст	23 года
Адрес	Гора Бурхан-халдун
Локация	Центральная Монголия
Предмет	Волк
Дар	Страх
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Дракон

Имя	Константин
Отчество	Петрович
Фамилия	Чижиков
Время действия	2009 год н.э.
Возраст	32 года
Адрес	Санкт-Петербург, Моховая, дом 18
Локация	Санкт-Петербург
Предмет	Дракон
Дар	Всеведение
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Лэнд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «ХЛ - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «ХЛ», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пražский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол.Черкизовская, д. 2, корп.1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Прини Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул.Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул.Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радишева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Юрий Бурносов

АРМАГЕДДОН

Книга первая

Крушение Америки

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Компьютерная верстка Кирилл Соколов

Корректор Антон Нелихов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,

тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 15.07.10 г. Формат 164х215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12 pt

Условных печатных листов – 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел. (8422) 41-11-07

факс (8422) 41-11-32